

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 2 (135) / 2025

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Гаева А. М.</i> Ключевой компонент – наименование лица в единицах фразеологического типа английского и русского языков	7
<i>Ивченков В. И.</i> Медиакоммуникация в конвергентной среде	16
<i>Коваленя А. В.</i> Особенности использования авторских сравнений в описании глаз человека (на материале русского и английского языков)	23
<i>Стефанова Е. В.</i> Оценка в прагматической структуре научно-популярных выступлений	31
<i>Сяо И.</i> Семантическая классификация идеограмм китайской иероглифической письменности	43

Романское и германское языкознание

<i>Насонова Т. М., Маркарова Л. Д.</i> Мелодические характеристики английской спонтанной и подготовленной речи: результаты аудитивного анализа	53
<i>Рубанова Е. В.</i> Способы и приемы создания вторичных этнонимов в английском сленге	63

Исследования славянских языков

<i>Гладко М. А.</i> Коммуникативно-дискурсивные характеристики белорусского конвергентного радио	74
<i>Жиганова Е. П.</i> Фитонимические номинации в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси	85

<i>Нестер Н. А.</i> Элементы символизма в прецедентных высказываниях в русскоязычных рекламных слоганах	96
<i>Новикова Л. П.</i> Особенности функционирования наречий в современной русской устной публичной речи	104
<i>Сериков Г. В.</i> Возвратные дериваты в славянских языках: функционально-семантический и историко-грамматический аспекты	112
<i>Сырпарова П. А.</i> Национально-культурная обусловленность употребления образа нечистой силы в паремиях, содержащих понятия «пространство» и «время»	125
<i>Хромчанка А. Р., Рабава Г. І.</i> Аб паходжанні і ўжыванні слова <i>шацунак</i> у беларускай мове	132

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Василевская В. М.</i> Потенциальные возможности компьютерной технологии YaGPT для автоматического реферирования текста: содержательный аспект	139
--	-----

Литературоведение

<i>Зайковская Ю. И., Кудрявцева И. К.</i> Особенности хронотопической организации романов Тони Моррисон «Песнь Соломона» и «Жалость»	152
<i>Иванова Н. С.</i> Интермедиаальная поэтика «Каллиграмм» Г. Аполлинера	162
<i>Карпович-Скопинцева В. К.</i> Художественное воплощение темы творчества и поиска идентичности в романе Хаима Потока «Дар Ашера Лева»	171
<i>Копытко Н. В., Чирич М. С.</i> Проблема самоидентификации в романе Л. Эрдрич «Любовная магия»	180
<i>Рябых В. А.</i> Языковые средства экспликации солидарности в серии фильмов о Гарри Поттере	189
<i>Суй На.</i> Сравнительный анализ произведений В. Г. Распутина и В. П. Астафьева на основе работ китайских исследователей	200

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Hayeva H.</i> Key Component of Common Nouns for Naming People in the Units of Phraseological Type of English and Russian Languages.....	7
<i>Ivchenkov V.</i> Media Text in a Convergent Environment.....	16
<i>Kovalenia A.</i> Peculiarities of Using Author's Comparisons in the Description of Human Eyes (on the Material of Russian and English)	23
<i>Stefanova E.</i> Evaluation in Pragmatic Structure of Popular Science Speeches	31
<i>Xiao Yi.</i> Semantic Classification of Ideograms in the Chinese Writing.....	43

Romance and Germanic Linguistics

<i>Nasonova T., Markarova L.</i> Tonal Characteristics of English Spontaneous and Prepared Oral Speech: Results of the Auditive Analysis.....	53
<i>Rubanava Ya.</i> Ways and Techniques for Creating Secondary Ethnonyms in English Slang.....	63

Slavonic Languages

<i>Hladko M.</i> Communicative and Discursive Characteristics of Belarusian Convergent Radio.....	74
<i>Zhiganova E.</i> Phytonymic Names in the Contemporary Russian-Language Poetic Discourse of Belarus.....	85
<i>Nester N.</i> Elements of Symbolism in Precedent Statements in Russian-Language Advertising Slogans	96
<i>Novikava L.</i> Features of Functioning of Adverbs in Modern Russian Oral Public Speech.....	104

<i>Serykau R.</i> Return Derivatives in Slavic Languages: Functional, Semantic, Historical and Grammatical Aspects.....	112
<i>Syraparava P.</i> National-Cultural Determination of the Use of the Image of Evil Spirits in Paroemias Containing the Concepts "Space" and "Time"	125
<i>Khromchanka A., Rabava H.</i> About Etymology and Usage of the Word <i>Shatsunak</i> in Belarusian	132

Applied Linguistics

<i>Vasilevskaya V.</i> Potential Capabilities of YaGPT Computer Technology for Automatic Text Summary: Content Aspect.....	139
---	-----

Literary Studies

<i>Zaikouskaya Y., Kudriavtseva I.</i> The Specificity of Chronotopic Organization of Toni Morrison's Novels <i>Song of Solomon</i> and <i>A Mercy</i>	152
<i>Ivanova N.</i> Intermedial Poetics Of G. Apollinaire's «Calligrammes».....	162
<i>Karpovich-Skopintseva V.</i> Representation of the Theme of Creativity and Search for Identity in Chaim Potok's Novel <i>The Gift of Asher Lev</i>	171
<i>Kopytko N., Chyrych M.</i> The Problem of Self-Identification in L. Erdrich's Novel <i>Love Medicine</i>	180
<i>Rabykh V.</i> Linguistic Means of Expression of Solidarity in the Harry Potter Film Series	189
<i>Xu Na.</i> Comparative Analysis of the Works of V. G. Rasputin and V. P. Astafiev Based on the Research of Chinese Scholars.....	200

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК [811.111+811.161.1]'373.23:81'373.4

Гаева Анна Михайловна

магистрант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Hayeva

MA Student of the Department of
Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
annagaeva2019@mail.com

КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ – НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦА В ЕДИНИЦАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

KEY COMPONENT OF COMMON NOUNS FOR NAMING PEOPLE IN THE UNITS OF PHRASEOLOGICAL TYPE OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Статья посвящена исследованию английских и русских единиц фразеологического типа (фразеологизмов, пословиц и поговорок) с ключевым компонентом – наименованием лица. На основании сопоставительного анализа сделаны выводы об особенностях семантики и частотности ключевых компонентов, о системной организации единиц фразеологического типа. Выявлены национально-культурные особенности единиц фразеологического типа с ключевым компонентом – наименованием лица.

Ключевые слова: *наименование лица; ключевой компонент единиц фразеологического типа; фразеологизм; пословица; поговорка; лексико-семантическая группа; фразеологическое объединение; тематическое объединение.*

The article is devoted to the study of English and Russian units of phraseological type (phraseological phrases, proverbs and sayings) with the key component – common nouns for naming people. Based on the comparative analysis, conclusions are drawn about the peculiarities of semantics and the frequency of key components, about the systemic organization of phraseological units. The national-cultural features of phraseological units with a key component – common nouns for naming people are revealed.

Key words: *name of a person; key component of units of phraseological type; phraseological unit; proverb; saying; lexical-semantic group; phraseological group; thematic groups.*

Язык – это зеркало реального и культурно-понятийного мира, так как он отражает и тот и другой. Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает вместе с языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль [1, с. 74]. Слово как единица лексико-семантической системы представляет действительность. В этом контексте системность слов является выражением системности мира в содержательном плане. Однако сама лексика – система *форм*, организуемая для передачи системы явлений действительности. Таким образом, лексика – это двойная система, в которой обе стороны взаимосвязаны и взаимодействуют, что делает невозможным разделение на систему собственно содержания и систему организации этого содержания [2, с. 7].

Исследование связи между языком и картиной мира берет свое начало в работах В. фон Гумбольдта и Б. Л. Уорфа. В. фон Гумбольдт выдвинул идею о влиянии языка на мировоззрение носителей и его роли в формировании их восприятия и интерпретации действительности [3]. В свою очередь в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа подчеркивается, что структура языка определяет когнитивные процессы и восприятие мира [4].

Единицы фразеологического типа (*фразеологизмы, пословицы и поговорки*) являются концентрированным выражением народной мудрости и культурных норм. К базовым классам фразеологизмов В. Н. Телия относит все сочетания слов, для которых характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости [5, с. 56]. Они включают в себя богатые образные метафоры и символы, отражающие традиции, мифологию и религиозные представления. Анализ фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок английского и русского языков представляет собой важный вклад в понимание взаимодействия языка и картины мира.

Цель данного исследования – выявление в сопоставительном плане особенностей семантики и системной организации русских и английских лексических единиц фразеологического типа с ключевым компонентом – наименованием лица.

Наименования лица помогают идентифицировать индивидов, различать их социальный статус, роль и положение в обществе. Титулы и звания, такие как доктор, профессор, мистер, госпожа, царь и т.д., указывают на профессиональные достижения, социальное положение или родственные

отношения, играя важную роль в социальных взаимодействиях. Наименования лиц часто отражают культурные и этнические традиции. Они могут включать в себя элементы, указывающие на происхождение, религиозные убеждения и семейные обычаи [5]. Изучение наименований лица позволяет получить знания о социальных, культурных, исторических и психологических аспектах человеческой жизни.

Источником материала исследования послужили толковые словари [6; 7; 8], фразеологические словари русского и английского языков [9; 10], а также словарь русских пословиц и поговорок В. И. Зиминой [11]. Методом сплошной выборки выявлено 210 лексических единиц (наименований лица): 84 – английские и 126 – русских; 254 фразеологические единицы с ключевым компонентом – наименованием лица: 134 – английские, 120 – русских; пословицы и поговорки русского языка с ключевым компонентом – наименованием лица – 264; пословицы и поговорки английского языка с ключевым компонентом – наименованием лица – 147.

В системной организации исследуемой лексики ключевую роль играет теория полевого строения лексики. Семантическое поле представляет собой абстрактную концептуальную структуру, внутри которой слова и фразы объединяются на основе их семантических связей и тематической принадлежности. Этот подход к организации лексики позволяет более эффективно анализировать структуру и семантику языка, выделять группы слов, обладающих общими смысловыми характеристиками, и изучать их внутренние связи и взаимодействия [2, с. 20].

Можно выделить два существенно важных подхода в исследовании семантического поля: ономаσιологический и семасиологический. Ономаσιологический подход особо важен для начального этапа исследования, при отождествлении подлежащих анализу единиц. Но как только эти единицы оказываются идентифицированными, приоритетной становится задача исследования их внутренних особенностей, и, следовательно, на первый план выступает подход семасиологический. Такая методологическая двойственность характерна для большинства работ, посвященных изучению тех или иных лексико-семантических полей [2, с. 11].

Системная организация наименований лиц представляет собой объединения полевого типа – лексико-семантические группы (ЛСГ), объединяющие слова одной части речи с общим основным компонентом значения. Семантические границы ЛСГ задаются определенным ономаσιологическим понятием *наименование лица*. Лишь только после отбора слов, выражающих это понятие, начинается собственно семасиологическое исследование.

В результате полевой организации русских и английских лексических единиц выделены следующие 10 ЛСГ: «Наименование лиц по возрастному признаку», «Наименование лиц по родственным отношениям», «Наименование лиц по взаимоотношениям между людьми», «Наименование лиц по профессии», «Наименование лиц по роду деятельности», «Наименование лиц по статусу», «Наименование лиц по олицетворению», «Наименование лиц по особым характеристикам человека», «Наименование лиц по половому признаку», «Наименование лиц по воинскому званию».

В сопоставительном плане самой многочисленной ЛСГ в английском языке является ЛСГ «Наименование лиц по профессии» (16 единиц, 19 %), в русском языке – ЛСГ «Наименование лиц по родственным отношениям» (23 единицы, 18 %). В английском языке ЛСГ «Наименование лиц по родственным отношениям» также является довольно репрезентативной (15 единиц, 17,9 %), но в русском она больше, так как у одного понятия имеются множество синонимов, например, *отец* – *папа*; *папаша*; *батя*; *бабушка*. Также в русской ЛСГ «Наименование лиц по статусу» присутствуют такие лексические единицы, которых нет в английской ЛСГ: *царица*; *царевна*; *царь*; *пан*; *холоп*.

Ключевыми компонентами фразеологических единиц русского языка выступают наименования лица, обозначающие:

- пол – *парень*, *мужик*, *баба*, *дева*;
- возраст – *старуха*, *дети*, *дитя*, *младенец*;
- статус в обществе – *царь*, *князь*, *раб*, *сирота*;
- профессию – *артист*, *рыбак*, *судья*, *танцор*;
- членов семьи – *бабушка*, *сын*, *отец*, *мама*;
- характер отношений между людьми – *друг*, *враг*, *муж*, *жена*;
- умственные способности – *дура*, *дурак*, *идиот*;
- человека, душу – *золотой человек*; *родственная душа*.

Самыми частотными являются русские наименования лица, обозначающие профессию (23 ФЕ, 19,2 %).

Ключевыми компонентами английских фразеологических единиц являются наименования лица, обозначающие:

- пол – *man* 'мужчина', *boy* 'мальчик', *lad* 'парень', *woman* 'женщина';
- возраст – *baby* 'малыш', *child* 'ребенок', *children* 'дети';
- статус в обществе – *king* 'король', *queen* 'королева', *lord* 'лорд', *prince* 'принц';
- профессию – *doctor* 'доктор', *author* 'писатель', *cobbler* 'сапожник', *fireman* 'пожарный';
- членов семьи – *mother* 'мать', *father* 'отец', *brother* 'брат', *son* 'сын';

- характер отношений между людьми – *friend* ‘друг’, *enemy* ‘враг’; *wife* ‘жена’; *husband* ‘муж’;

- характеристики человека – *devil* ‘дьявол’, *angel* ‘ангел’, *gentleman* ‘джентльмен’, *fool* ‘дурак’.

Самым частотным ключевым компонентом английских ФЕ является слово *man* ‘мужчина’ (27 ФЕ, 20,1%).

На основе анализа содержания русских ФЕ были выявлены следующие фразеологические объединения (ФО):

ФО1 «Характер отношений между людьми (степень дружбы)» – *родственная душа* ‘человек, близкий по духу, по убеждениям’;

ФО2 «Восклицание» – *мать честная!* ‘выражение восторга, избытка чувств: изумления, радости, испуга’;

ФО3 «Интеллектуальные способности человека» – *без царя в голове* ‘глуповат, без соображения’;

ФО4 «Отрицательные черты характера человека» – *желчный человек* ‘проявляющий ко всем неприязнь, язвительный’;

ФО5 «Положительные черты характера человека» – *золотой человек* ‘весьма полезный, бесценный, хороший’;

ФО6 «Физические характеристики» – *мальчик с пальчик* ‘о человеке невысокого роста или о малолетнем’.

На основе анализа содержания английских ФЕ были выявлены следующие ФО:

ФО1 «Дружба/вражда» – *bosom friend* ‘закадычный друг’;

ФО2 «Интеллектуальные способности человека» – *a fool and his money are soon parted* ‘у дурака долго деньги не держатся’;

ФО3 «Отрицательные черты характера человека» – *play the woman* ‘быть бабой’;

ФО4 «Положительные черты характера человека» – *act like an angel* ‘вести себя как ангел’;

ФО5 «Индивидуализм» – *every man for himself* ‘каждый сам за себя’;

ФО6 «Отношения между мужчиной и женщиной» – *behind every great man, there's a great woman* ‘за каждым великим мужчиной стоит великая женщина’;

ФО7 «Бедность/достаток» – *a gentleman/lady of leisure* ‘праздный джентльмен/леди’.

Разработанные нами семантические классификации русских и английских ФЕ имеют сходства и различия. Общим является наличие в них объединений, единицы которых отражают отрицательные и положительные черты характера, а также интеллектуальные способности человека (*кисейная барышня* ‘изнеженный, не приспособленный к жизни человек’, *душа компании* ‘человек, являющийся центром компании’, *девичья память*

‘плохая, короткая память’, *a fast worker* ‘парень не промах’, *a mummy’s /mother’s boy* ‘маменькин сынок’, *fools will be fools* ‘дурак останется дураком’). Однако классификация русских единиц характеризуется наличием группы, репрезентирующей физические параметры человека (*черный как трубочист* ‘грязный’, *мальчик с пальчик* ‘человек невысокого роста’, *под мальчика* ‘вид причёски с коротко остриженными сзади волосами, открывающими шею’), в то время как в английской классификации присутствуют объединения, единицы которых описывают отношения между мужчиной и женщиной, индивидуализм, бедность и достаток (*make an honest woman (out) of (someone)* ‘досл. сделать честную женщину (из) (кого-то)’, *be the captain of one’s soul* ‘быть хозяином своей судьбы’, *a man/woman of substance* ‘состоявшийся мужчина/женщина’).

В результате анализа русских ФЕ с ключевым компонентом – наименованием лица было выявлено 6 ФО, английских ФЕ с ключевым компонентом – наименованием – 7 ФО. Самыми многочисленными в русском языке являются ФО4 «Отрицательные черты характера человека» (15 ФЕ, 12,5 %) и ФО3 «Интеллектуальные способности человека» (15 ФЕ, 12,5 %), Самыми многочисленными в английском языке являются ФО1 «Дружба/вражда» (11 ФЕ, 8,2 %) и ФО3 «Отрицательные черты характера человека» (11 ФЕ, 8,2 %).

При сопоставительном анализе русских и английских фразеологических единиц была установлена эквивалентность: из 120 русских единиц 40 единиц имеют эквиваленты в английском языке (*маменькин сынок* – *a mummy’s/mother’s boy*, *бабушкины сказки* – *an old wives’ tale*). Из 134 английских ФЕ эквиваленты установлены для 46 единиц русского языка (*(the (old) gentleman in black* – *князь тьмы*, *one of the lads* – *свой парень*). Наибольшее количество эквивалентов сосредоточено в ФО «Дружба/вражда» и ФО «Интеллектуальные способности человека». Это свидетельствует о том, что в английском и русском языках существуют сходства в понимании дружбы, вражды, интеллектуальных способностей.

Общие с фразеологизмами черты имеют пословицы и поговорки. Однако, если фразеологизмы – это семантически целостные единицы, эквивалентные слову, то пословицы представляют собой законченные высказывания. Тем не менее между всеми типами устойчивых оборотов – пословицами, поговорками и фразеологизмами – существует тесная взаимосвязь. Так пословицы могут сокращаться до поговорок, а поговорки становиться фразеологическими оборотами. В. И. Даль отмечает, что пословица – это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности;

поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы [12, с. 8–9].

В результате семантической систематизации 264 русских и 147 английских пословиц и поговорок были выявлены тематические объединения, отражающие ключевые аспекты человеческой жизни и культуры. В русском языке выделены 22 тематических объединения: «Человек», «Дружба», «Отношения между людьми», «Здоровье», «Еда», «Годы и люди. Возраст», «Дети», «Свое и чужое», «Зрение и слух», «Язык и речь», «Счастье, судьба», «Беда (горе, несчастье)», «Если бы да кабы», «Смерть», «Труд», «Учеба», «Достаток», «Ум», «Про солдатское житье-бытье», «Времена года и погода», «Отрицательные черты характера», «Положительные черты характера». Наибольшее количество русских пословиц и поговорок сосредоточено в тематическом объединении «Человек» (32 единицы, 12,1 %). В английском языке выявлено 13 тематических объединений: «Народная мудрость», «Жизнь и общество», «Образ жизни», «Характер и поведение людей», «Торговля», «Труд», «Ум», «Благополучие», «Судьба», «Дети», «Женщина», «Достаток», «Дружба». Наиболее многочисленным в английском языке является объединение «Жизнь и общество» (22 единицы, 15 %). Тематические объединения пословиц и поговорок «Здоровье», «Дружба», «Труд», «Дети», «Судьба», «Достаток», «Ум», «Характер и поведение людей» характерны для двух языков.

Ключевыми компонентами пословиц и поговорок русского языка выступают наименования лица, обозначающие:

- пол – *девка, молодец, девица*;
- возраст – *дети, дитя, ребенок, дитяtko*;
- статус в обществе – *нищий, богач, король, солдат*;
- профессию – *доктор, пахарь, рыбак, повар*;
- членов семьи – *сестра, сын, отец, мать*;
- характер и поведение людей – *трус, жулик, лодырь, бездельник*;
- характер отношений между людьми – *жена, муж, друг, враг, приятель*.

Самыми частотными являются русские наименования лица, обозначающие членов семьи (40 пословиц и поговорок, 15,1 %).

Ключевыми компонентами пословиц и поговорок английского языка выступают наименования лица, обозначающие:

- пол – *boy* ‘мальчик’, *lady* ‘леди’, *woman* ‘женщина’, *man* ‘человек, мужчина’;
- возраст – *baby* ‘малыш’, *child* ‘ребенок’, *children* ‘дети’, *grandmother* ‘бабушка’;

- статус в обществе – *labourer* ‘рабочий’, *volunteer* ‘волонтер’, *workman* ‘рабочий’, *beggar* ‘нищий’;
- профессию – *doctor* ‘доктор’, *carpenter* ‘плотник’, *sailor* ‘моряк’, *architect* ‘архитектор’;
- членов семьи – *father* ‘отец’, *son* ‘сын’, *mother* ‘мать’, *daughter* ‘дочь’;
- характер и поведение людей – *devil* ‘дьявол’, *angel* ‘ангел’, *liar* ‘лжец’, *coward* ‘трус’;
- характер отношений между людьми – *friend* ‘друг’, *enemy* ‘враг’, *neighbor* ‘сосед’, *wife* ‘жена’.

Самым частотным ключевым компонентом английских пословиц и поговорок является слово *man* ‘мужчина’ (61 пословица и поговорка, 41,5 %).

В результате проведенного исследования установлены 10 ЛСГ русских наименований лица и 10 ЛСГ английских, из которых самой многочисленной в английском языке является ЛСГ «Наименование лиц по профессии» (16 единиц, 19 %), в русском языке – ЛСГ «Наименование лиц по родственным отношениям» (23 единицы, 18 %). Самый распространенный ключевой компонент русских ФЕ – наименования лица по профессии (23 ФЕ, 19,2 %), английских ФЕ – слово *man* ‘мужчина’ (27 ФЕ, 20,1 %). В русском языке по значению преобладают ФО4 «Отрицательные черты характера человека» (15 ФЕ, 12,5 %) и ФО3 «Интеллектуальные способности человека» (15 ФЕ, 12,5 %), в английском – ФО1 «Дружба/вражда» (11 ФЕ, 8,2 %) и ФО3 «Отрицательные черты характера человека» (11 ФЕ, 8,2%).

Таким образом, сравнительно-сопоставительный семантический анализ русских и английских единиц фразеологического типа с компонентом – наименованием лица позволил установить их общие и специфические характеристики. Общим для двух языков является наличие тематических объединений «Здоровье», «Дружба», «Труд», «Дети», «Судьба», «Достаток», «Ум», «Характер и поведение людей», что свидетельствует о значимости данных понятий для представителей сопоставляемых лингвосообществ, и значительная количественная репрезентативность ФО «Отрицательные черты характера человека», свидетельствующая о тенденции отражения преимущественно негативных характеристик объектов во фразеологических фондах сопоставляемых языков. Различия наблюдаются в количестве тематических объединений, их объеме, частотности компонентов – наименований лица (наиболее частотны лексемы, обозначающие членов семьи в русском языке и лексема *man* ‘мужчина’ – в английском языке), указании на приоритет духовных ценностей в русском языке, материальное благосостояние и активное преодоление трудностей – в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 204 с.
2. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. / В. фон Гумбольдт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с. – (Языковеды мира).
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.
6. Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 15.10.2022).
7. TheFreeDictionary. – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 15.10.2022).
8. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; под ред. М. Д. Литвиновой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
10. Фразеологический словарь А. И. Фёдорова. – URL: <https://gufo.me/dict/fedorov?letter=a> (дата обращения: 18.11.2022).
11. Зимин, В. И. Русские пословицы и поговорки : учеб. словарь / В. И. Зимин, С. Д. Ашурова – М. : Школа Пресс, 1994. – 320 с.
12. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – URL: https://www.100-bestbooks.ru/files/Dal_Poslovicey_i_pogovorki_russkogo_naroda.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

Поступила в редакцию 29.10.2024

Ивченков Виктор Иванович

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
периодической печати
и веб-журналистики
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Viktor Ivchenkov

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of the Department
of Periodical Press
and Web Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
diskurs03@mail.ru

МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ В КОНВЕРГЕНТНОЙ СРЕДЕ

MEDIA TEXT IN A CONVERGENT ENVIRONMENT

В статье рассматривается специфика организации современного медиатекста в ситуации смены парадигм линейной и нелинейной эпох, когда паравербальный (поликодовый, семиотически усложненный, мультимедийный) элемент проявляет нарастающий потенциал и служит инструментом качественного перехода информационного продукта в многомерное контентно-текстовое пространство. Конвергентность и мультимедийность представлены как базовые элементы современной массовой коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиатекст; контент; конвергентность; мультимедийность; цифровой формат; сукцессивное и simultанное восприятие; средства массовой информации.*

The article examines the specifics of the organization of a modern media text in a situation of changing paradigms of the linear and nonlinear eras, when the paraverbal (polycode, semiotically complex, multimedia) element shows increasing potential and serves as a tool for the qualitative transition of an information product into a multidimensional content-text space. Convergence and multimedia are presented as basic elements of modern mass communication.

K e y w o r d s: *media text; content; convergence; multimedia; digital format; successive and simultaneous perception; mass media.*

Журналистика в цифровую эпоху предстаёт сложным и многомерным явлением, базирующимся на триединой природе своего существования – практико-деятельностной, методологической и научной составляющих. Очевидно, что наибольшая доля преобразований, вызванных цифровизацией, пришлась на первую ее часть – деятельность по сбору, обработке и распространению информации, что сразу же «отозвалось» на методологии журналистского творчества и журналистике как науке.

Практическая деятельность редакций стала инструментальным откликом на возникавший в ходе коммуникационного развития социальный запрос: с переходом к цифровому носителю информации она приобрела выраженный конвергентный характер, что не могло не повлиять на производство, распространение информации и конструирование *текста – медиатекста – контента*.

Понятие *контент* много шире понятия *медиатекст*, т.к. включает в себя многообразное содержание и может быть представлен в текстовом, визуальном, аудио- или видеоформате. Это могут быть статьи, посты в социальных сетях, фотографии, видео, подкасты, инфографика, вебинары, электронные книги, отзывы и другие материалы. Сегодня актуализируется понятие *цифровой контент*, задача которого – вызвать интерес, взаимодействие или передать нужное сообщение целевой аудитории. Его можно дифференцировать по признаку форматирования: текстовый (непосредственно сам текст), графический (изображения, инфографика или мемы), аудио (звукозаписи, подкасты, аудиокниги или музыкальные треки, аудиоэффекты, например, шум волн или звуки кофейни и т.п.); видео (ролики, фильмы, стримы, рилсы, разного рода анимации), интерактивный контент, с которым можно взаимодействовать (тесты и квизы, калькуляторы, интерактивные виджеты).

Медиатекст, по определению профессора Г. Я. Солганика, – это «разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудиторию» [1, с. 15].

Конвергентная среда изменила подходы к организации медиатекста и его дистрибуции, что стало результатом процесса слияния различных типов СМИ в единый информационный ресурс (от лат. *convergo* ‘сближаюсь’, ‘схожусь’; ‘сближение, взаимоуподобление’). Конвергентность возникла в результате дигитализации, т.е. перехода к цифровому носителю информации, что не могло не повлиять на производство, распространение информации и конструирование текста. Изначально понятие конвергентности использовалось в области биологии для обозначения процессов сближения, взаимоуподобления неблизкородственных групп организмов в ходе естественного отбора, в лингвистике – для обозначения совпадения или сближения двух языковых явлений, отсюда берут начало конвергентный и дивергентный подходы в изучении языкового факта. Затем термин стал применяться в сфере общественно-политических наук.

В 1970-е годы под понятие конвергентности подпадает интеграция информационных и коммуникационных устройств, необходимых для связи компьютеров между собой. Дальнейшее развитие термин получил в 1980-е годы, когда под предлогом растущей диверсификации вещательных организаций в США (а затем и в странах ЕС) все большее распространение получают идеи дерегулирования СМИ. Однако широкое распространение он приобрел в 1990-е годы с развитием технологий по передаче информации, с появлением возможности хранить и передавать текстовую, аудио- и видеоинформацию в цифровом виде, а также с изменением способов связи и средств общения.

Процесс слияния традиционных и новых СМИ произошел на базе интернета, который обладает мощным объединяющим началом и представляет ранее невиданные возможности как потребителям, так и производителям информации. В результате конвергенции мономедийные медиапродукты вытесняются мультимедийными, формируя таким образом многоцелевые порталы СМИ.

До цифровой эпохи имели место ограничительные факторы воздействия СМИ на аудиторию, исчислявшиеся пространством и временем: географические границы распространения газет, финансовые издержки, подготовка публикаций и др. Конвергентность позволила синхронизировать подачу информации по всему миру. Современные газеты, радио, телевидение и интернет функционируют в мультимедийной среде, где образуется их сближение. Цифровой формат унифицировал различные каналы передачи информации, тем самым объединил на одной технологической платформе текстовую информацию и паравербальную (графические элементы, визуальные образы, звук, анимацию). В результате конвергенции в мультимедийном сообщении происходит активное взаимодействие устного и письменного элементов. Постепенно нивелируется строгая социальная иерархия между письменной формой существования языка и устной. В традиционном представлении в тексте сильно письменное начало. Это следует из разграничения двух форм существования языка – устной и письменной. Сегодня всё чаще в поле исследований входит третья форма – виртуальная, как совмещение первых двух. Средоточием вербальной деятельности современника является веб-сфера. Явно прослеживается тенденция к формированию особой формы речи – вне функциональных стилей.

Выстраиваются новые модели коммуникации, которые разрушают каноны так называемого линейного текста. Привычное конструирование медиатекста оказывается вне поля как имманентной, так и репре-

зентативной его трактовки. Классическое определение текста как произведения, обладающего завершенностью, объективированного на письме, литературно обработанного, состоящего из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющего определенную целенаправленность и прагматическую установку, – не вписывается в рамки существующей речевой практики. Ранее текст всегда противопоставлялся устной речи – спонтанной, неорганизованной и непоследовательной. В современном понимании онтологические и функциональные признаки его пополняются базовой характеристикой, обеспечивающей нелинейное расширение: гипертекстуальностью как воплощением смыслообразующего единства супер- и интерсегментных структур, интегрирующих в себе неопределенное количество текстов (в силу их чрезвычайно активного воспроизводства) и позволяющих реализовать множество вариантов чтения, а также требующих одновременности восприятия и мышления.

Современный контент может принимать любую упаковку, цифровой формат содержания которой позволяет осуществлять распространение информационного продукта в различных формах, в результате чего появляются гибридные формы текста. Конвергентные носители дают потребителям новые преимущества и предоставляют возможность получения всех медиа посредством «одного клика». Конвергентность медиа четко проявляется в интеграции информационной, компьютерной и телекоммуникационной систем. Возникли конвергентные редакции (мультимедийная, интегрированная, кросс-медийная), которые работают над созданием информационного продукта для любого СМИ. В новой ситуации конвергентности медиа возникает возможность получать одинаковое содержание разными каналами. В результате размывается стилистическая принадлежность текста, жанры интегрируются, текст существует в единой среде и благодаря ссылкам имеет свойство просматриваться вглубь (гипертекст).

Конвергентность в медиа меняет профессиональные задачи журналиста, требует универсальности в подготовке: умений определять оптимальный формат подачи информации, знаний, как контент определенного типа создается, каковы особенности его распространения, навыков создания мультимедийного продукта.

Мультимедийность представляет собой процесс интеграции текста, звука, графических элементов, видео и анимации в сообщении. Она позволяет на различных медийных платформах представить разные

способы кодирования информации – визуальные, вербальные, звуковые, паравербальные, к которым относятся экспрессивы, эмотиконы, мемы и др.; порождает новое восприятие журналистского продукта, когда последовательное восприятие информации (сукцессивный способ) заменяется одномоментным, «схватыванием» образа целиком, всей картины разом (симультанным). Мультимедийность становится удобным механизмом, дополняющим и расширяющим классические возможности представления контента: а) объемно сообщать о медиасобытиях; б) создавать обзорный взгляд на них; в) налаживать творческую связь с адресатом; г) демонстрировать новые способы представления информации и привлекать творческий потенциал потребителей информации; д) поддерживать различные типы файлов: текстовые, графические, аудио и видео; е) обладать высокой степенью наглядности материалов.

История данного понятия берет начало с прошлого века. Термин *мультимедиа* стал употребляться в 60-х годах XX века и первоначально был связан с подачей информации разного вида (сочетание слайдов, фрагментов кино, видео и аудио, световых эффектов с живой музыкой). Отправной точкой распространения его стала так называемая цветная музыка в театрализованных шоу. Примером послужили световые шоу Боба Гольдштейна в Нью-Йорке, Саутгемптоне, Лонг-Айленд в Л'урсине. СМИ быстро окрестили новаторский стиль шоу мультимедийным («Life», «Women's Wear Daily», «New York Herald Tribune» и др.). В современном понимании это были обычные световые представления. В конце 1970-х годов презентации, состоящие из многопроекционных слайд-шоу, фитируются (подгоняются, приспособляются) к звуковой дорожке.

В начале 80-х годов под мультимедийностью стали понимать передачу данных, основанную на статических или динамических изображениях от нескольких проекторов, сопровождавшихся звуком или живой музыкой.

В 1990-х годах этот термин приобрел новое, близкое к современному пониманию, содержание как процесса интеграции текста, звука, графических элементов, видео и анимации на одном носителе, платформе.

Мультимедийность следует отличать от понятия трансмедийности – размещения медийного проекта на разных платформах с целью его эффективного продвижения (кино, сериалов, телешоу и др.); в отношении к средствам массовой информации – взаимодействия производителей и трансляторов контента с его потребителями, а также использования СМИ каналов, наиболее комфортных для своей аудитории.

Расширение сферы мультимедийности связано с появлением интернета, однако от мономедийности газеты отошли давно, когда помимо вербального текста стали публиковать сначала графику, а затем и фотоиллюстрации. Мультимедийности предшествовали креолизованные или семиотически обогащенные тексты, в которых иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение в восприятии.

Мультимедийность реализуется линейно и нелинейно. Примером линейного способа является кино, когда невозможно оказать влияние на развитие и исход информационного продукта, когда все знаковые формы используются в одном временном диапазоне. Нелинейный способ позволяет человеку участвовать в процессе создания информации и управлять средством отображения мультимедийных данных (используя, например, комбинацию движущихся и неподвижных изображений, звука, музыки и слов в компьютерных играх).

Мультимедийность в системе свойств сетевых СМИ тесно связана с медиаконвергенцией – сложным процессом сближения различных СМИ, что позволяет не только расширить выбор медийных продуктов, но и предоставить возможность доступа к ним конечных потребителей. Использование мультимедийности в журналистской практике значительно возрастает, чему способствует легкость оцифровки текста, звука, видео и увеличение объема сетевого трафика.

В деятельности современной редакции мультимедийность является ведущим принципом ее организации, когда контент представлен в разных медийных форматах – печатном, радижном и телевизионном, в зависимости от типологических особенностей каждого СМИ. Это могут быть видеокomentarии экспертов к событиям, представленные в «оффлайновых» газетах и журналах, видеофайлы в формате flash-видео, которые можно прокомментировать на форуме, аудиоверсии репортажей, тематических передач, аудио-мобильные новости, текстовая лента с одновременным аудиопотоком – прямым эфиром и др. Эти материалы по отношению к текстовым публикациям играют вспомогательную роль, но служат эффективным средством для создания более полной картины событий.

Мультимедийность может реализовываться не только как подача информации во множестве форматов, а как возможность доступа к ней, что обеспечивает оптимальное соответствие запросам адресата. В данном случае используется метод публикации видеопрограмм через интернет, позволяющий подписчикам автоматически получать новые файлы.

Возможности мультимедийности неисчерпаемые, она может приобрести новые формы реализации. Особый интерес в этом плане вызывает лонгрид, в котором текст, анимация, видео и аудио, графика совмещаются. Они становятся неотъемлемыми составляющими истории, образующими своей комбинацией новые смыслы. Мультимедийность меняет природу коммуникативной среды: визуальные элементы служат средством привлечения внимания потребителей информации. С ее помощью можно персонафицировать журналиста, что наглядно выражается, например, в создании скриншотов новостных роликов в виде фотоматериалов, встроенных в фотогалерею так, что при активации фотоматериала появляется его увеличенная копия, содержащая в структуре окна дополнительные ссылки на другие материалы СМИ; во включении в структуру веб-издания видеоразделов с оригинальными новостными роликами об актуальных тенденциях в культуре, моде, IT-сфере. Мультимедийное изобилие, основанное на личностном подходе, ведет к интерактивной журналистике, за которой усматривается будущее, т.к. сетевой журналист создает не мономедийный продукт – итеративное, дискретное произведение (сообщил и забыл), а объясняет, отслеживает, какова реакция аудитории, выделяет мнения, которые могут стать основой для продолжения коммуникации в социальных сетях, мессенджерах и других СМИ.

Медиатекст современности многомерен, в триединой природе журналистики он представляется сложным процессом как получения нового знания, так и результатом этого процесса – воплощением полученных знаний в целостную динамичную систему, в построение особой социальной инфраструктуры (редакций, медиахолдингов, лабораторий, медиаизмерителей и под.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестн. МГУ. Серия 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7 – 15.

Поступила в редакцию 05.03.2025

Коваленя Алеся Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alecia Kovalenia

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Speechology
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alesya.kovalenya@yandex.by

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ СРАВНЕНИЙ
В ОПИСАНИИ ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА
(на материале русского и английского языков)**

**PECULIARITIES OF USING AUTHOR'S COMPARISONS
IN THE DESCRIPTION OF HUMAN EYES
(on the Material of Russian and English)**

Статья посвящена выявлению особенностей использования образов в авторских сравнениях в русском и английском языках в описании глаз человека. В ходе исследования было определено 8 тематических групп образов, при помощи которых описываются глаза; выделено 6 видов качеств, эксплицируемых посредством указанных 8 тематических групп, а также рассмотрены национально-культурные особенности в использовании определенных тематических групп.

Ключевые слова: *авторское сравнение; риторика; образ; качество; культура.*

The article is devoted to revealing the peculiarities of using images in author's comparisons of Russian and English in describing human eyes. In the course of the research 8 thematic groups of images, by means of which eyes are described, were revealed; 6 types of qualities expressed by means of these 8 thematic groups were singled out, as well as national-cultural peculiarities in the use of certain thematic groups were identified.

Key words: *author's comparison; rhetoric; image; quality; culture.*

В каждом языке есть ряд способов, при помощи которых описываются определенные качества человека или предмета. В фокусе современных исследователей оказываются вопросы, связанные с грамматическими и лексическими средствами выражения категории качества [1; 2; 3; 4]. Например, они эксплицируются при помощи прилагательных (рус. *красивые глаза*, англ. *evil eyes* 'злые глаза' [5], при помощи типа предложения (рус. *ах, какие у нее глаза!*) [6]; аффиксального способа (рус. *глазищи*;

глазенки). Наконец, категории качества находят выражение на лексическом уровне [7; 8; 9]. Так, есть ряд слов, которые полностью привязаны к оценочной семантике. Имеются в виду слова, соответствующие семантическому противопоставлению хорошо/плохо [10, с. 133]. Например, *дуб* (о глупом человеке), *тряпка* (о слабовольном мужчине), *баба* (о мужчине, который ведет себя неподобающим образом).

Еще одним малоизученным способом выражения качества человека или предмета является риторический, который предполагает использование сравнений, метафор, гипербол, литот и др. приемов. В данной статье особое внимание уделяется авторским сравнениям, которые используются в описании глаз человека.

Итак, целью исследования является выявление, описание в сопоставительном аспекте особенностей использования авторских сравнений в описании глаз человека в русском и английском языках. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выделить основные источники формирования образов, используемых в авторских сравнениях в описании глаз человека.
2. Выявить и описать набор качеств, которые эксплицируются при помощи сравнений в описании глаз человека.
3. Идентифицировать национально-культурную специфику образов, используемых в сравнениях в описании глаз человека.

Материалом для проведения анализа послужила выборка из национальных корпусов русского и английского языков (основной подкорпус). Общий объем проанализированного материала составляет 724 авторских сравнений в русском языке и 618 в английском.

Под *авторским сравнением* понимается художественное сопоставление одного предмета с другим, придающим описанию изобразительность [11, с. 141]. Под *образом*, который используется в сравнении, подразумевается категория языкового мышления, заключающаяся в вербализированном зрительном восприятии и понимании окружающего мира, «фиксирующая целостное представление о предмете» [12, с. 73]. В качестве используемых образов в сравнениях могут выступать названия цветов, растений, животных, небесных светил, рек, озер и т. д. [13].

Рассмотрим основные результаты исследования. В ходе анализа было выделено 8 тематических групп источников формирования образов, используемых в авторских сравнениях в описании глаз человека. Группы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Тематические группы источников формирования образов
в сравнениях русского и английского языков

Тематическая группа	Русский язык	Английский язык
«Водные ресурсы»	18 %	20 %
«Природные явления»	6 %	8 %
«Растительный мир»	36 %	26 %
«Животный мир»	14 %	16 %
«Астрономические объекты»	8 %	10 %
«Драгоценные камни и ювелирные украшения»	12 %	16 %
«Определенная возрастная категория людей»	2 %	2 %
«Элементы быта»	4 %	2 %

Полученные результаты исследования позволяют говорить о том, что как в русском языке, так и в английском при описании глаз человека в сравнениях преимущественно используются образы из категории «Растительный мир» (36 % в русском языке и 26 % в английском). Например, рус. *глаза – как васильки, только поздние, отцветающие; голубые, как незабудки, глаза* [14]; англ. *eyes like poppies* ‘глаза, как мак’ [15]; *eyes like wet grapes* ‘глаза, как влажный виноград’. Второе по частотности использования место принадлежит тематической категории «Водные ресурсы». Например, сравнение глаз с ручейком, морем, озером или океаном: рус. *ее глаза такие живые, как ручеек* [14]; англ. *eyes as dark blue as the sea* ‘глаза темно-синие, как море’. Наконец, к третьей большой в количественном плане тематической группе относится категория «Животный мир». Например, рус. *глаза, как у барана перед смертью* [Там же]; англ. *red-eyed like a bear* ‘красные глаза, как у медведя’ [15]; англ. *and his gold eyes were like an eagle's* ‘и его золотые глаза были, как у орла’ [Там же]. Следует отметить, что в английском языке в 16 % случаев используются образы, принадлежащие к тематической группе «Драгоценные камни и ювелирные украшения»: англ. *eyes sparkling like diamonds* ‘глаза сверкают, как бриллианты’ [Там же]; *eyes as beautiful as rare pearls* ‘глаза прекрасны, как редкий жемчуг’ [Там же].

В ходе исследования было выявлено и описано 6 видов качеств, которые эксплицируются при помощи сравнений в описании глаз человека:

1. **Интенсивность цвета глаз:** рус. *как васильки в спелой пшенице горят ее глаза*; рус. *голубые, как незабудки, глаза*; рус. *девочка с глазами, как трава* [14]; англ. *green eyes like the color of pine needles* 'зеленые глаза, как цвет иголок сосны' [15];
2. **Размер глаз:** рус. *глаза, как помидоры*; рус. *глаза, как большие черные вишни*; рус. *глаза, как подзорная труба*; англ. *she had eyes like three carat diamonds* 'у нее были глаза, как брильянты в три карата';
3. **Приятный/неприятный взгляд:** рус. *глядит, как волк на барана*; *смотрит, как кабан на оленя*; рус. *ты вылизываешь ее взглядом, как корова вылизывает своего новорожденного теленка*; рус. *смотрит, как собака, привязанная у магазина*; рус. *глаза, как свечки две, теплятся* [14]; англ. *her gaze was direct and unblinking – like a snake* 'ее взгляд был прямым и немигающим – как у змеи' [15];
4. **Физические особенности и недостатки:** рус. *косит левым глазом, как заяц*; рус. *зрение, как у кошки* [14]; англ. *Hunt' didn't know I was alongside him, he was like a horse with blinkers on* 'Хант не знал, что я был рядом с ним, он был как лошадь с шорами'; англ. *black sunken eyes like dried figs* 'черные запавшие глаза, как сушеный инжир' [15];
5. **Красота глаз:** рус. *прекрасные глаза, как в бурю бригантина* [14]; англ. *her eyes glittered like diamonds and I couldn't take my eyes off them* 'ее глаза блестели, как брильянты, и я не мог оторвать от них взгляд' [15];
6. **Живость или потухшесть взгляда:** рус. *глаза, как глаза у всякого пожилого, потрепанного жизнью человека* [14]; англ. *her eyes were full of life like a child's* 'ее глаза были наполнены жизнью, как у ребенка' [15].

Таким образом, проанализированный материал позволил выявить и рассмотреть 6 групп качеств глаз, которые можно описать при помощи авторских сравнений. Следует отметить, что в количественном плане превалирует группа, которая описывает цвет глаз (как в русском – 37 %, так и в английском языке – 35 %); затем размер глаз (21 % – в русском и 22 % – в английском); красоту глаз (18 % – в русском и 19 % – в английском); физические особенности и недостатки (16 % – в русском и 15 % – в английском); живость или потухшесть взгляда (8 % – в русском и 7 % – в английском).

Кроме того, было установлено: как в русском, так и в английском языке для каждого описываемого качества глаз характерно использование образов из определенных тематических категорий. Так, при описании интенсивности цвета глаз в русском языке преимущественно используются образы из тематической группы «Растительный мир» – 40 % от общего количества используемых образов в этой категории (рус. *ее глаза, как зеленая трава* [14]); в английском языке это образы из тематических групп «Водные ресурсы» (32 %) и «Драгоценные камни и ювелирные украшения» (28 %). Например, англ. *her eyes are so blue like the ocean* ‘ее глаза такие синие, как океан’; англ. *her eyes are so green like emerald* ‘ее глаза такие зеленые, как изумруд’ [15]. В описании размера глаз в русском языке в количественном плане лидируют образы из тематической группы «Растительный мир» (52 %). Глаза сравниваются с яблоками, вишней. В английском языке 42 % приходится на образы из тематической группы «Растительный мир» (40 %) и «Драгоценные камни и ювелирные украшения» (24 %). Как в английском, так и в русском языке неприятный взгляд и какие-либо физические недостатки преимущественно ассоциируются с замученным взглядом животного (собаки, волка, барана, медведя) – более 50 % упоминаний в двух языках. Красота глаз в русском языке более, чем в 40 % случаев описывается при помощи образов из тематических групп «Растительный мир» и «Животный мир»: рус. *она смотрела на меня своими красивыми глазами, как у оленя*. В английском языке в 35 % случаев используются сравнения красивых глаз с драгоценными камнями (англ. *her beautiful eyes like the largest and rarest pearls* ‘ее красивые глаза, как самый крупный и редкий жемчуг’ [Там же]). Наконец, при описании живого или потухшего взгляда для двух языков характерно употребление образов из тематической группы «Определенная возрастная категория людей» – более 30 % от общего числа используемых образов. Так, жизнерадостный взгляд может ассоциироваться со взглядом ребенка, а печальный – со взглядом старика.

По результатам проведенного анализа авторских сравнений в русском и английском языках было установлено, что ряд образов имеет национально-культурную обусловленность. То есть среди образов описания глаз человека есть уникальные названия, которые характерны только для определенной культуры. Примеры представлены в табл. 2.

Национально-культурная специфика образов
в сравнениях в описании глаз человека

Тематическая группа	Русский язык	Английский язык
«Водные ресурсы»	Озеро Байкал; озеро Танга; река Обь; река Иртыш.	Пролив Ла-Манш; река Северн; река Темза.
«Природные явления»	–	–
«Растительный мир»	Василек, незабудка, сирень, земляника, полынь, кукушкин лен, люпин.	Лиственница, кипарис, лаванда.
«Животный мир»	Лань, амурский тигр, соболь.	Орел.
«Астрономические явления»	–	–
«Драгоценные камни и ювелирные украшения»	–	–
«Определенная возрастная категория людей»	–	–
«Элементы быта»	–	–

Согласно данным таблицы, представлены уникальными образами, используемыми в сравнениях, всего 3 тематические группы: «Водные ресурсы», «Растительный мир» и незначительно «Животный мир». Самая большая тематическая группа по использованию уникальных образов – «Водные ресурсы». Например, рус. *в глазах ее синих, как в водах озера Байкал, можно было утонуть* [14]; англ. *his eyes, full of mystery and mystery, beckoned to me like the majestic River Thames* ‘его глаза, полные загадок и тайн, манили меня словно величественная река Темза’ [15]. Следует отметить, что при сравнении глаз с названиями рек и озер в 80 % случаев описывается насыщенность голубого или синего цвета глаз. Тематическая группа «Растительный мир» содержит в себе уникальные названия цветов или деревьев. Так, рус. *у него были совсем маленькие глазки, как земляника*; англ. *his eyes were as sad as a cypress tree* ‘его глаза были печальны, как печален кипарис’ [Там же]. При помощи образов из этой группы характеризуются такие качества глаз, как цвет (по аналогии

с насыщенностью цвета растения); размер (преимущественно по аналогии с размером ягод); настроение человека, транслируемое через его глаза (по аналогии с одиноко стоящим деревом). Наконец, при помощи образов из третьей группы уникальных названий «Животный мир» описываются такие особенности глаз человека, как цвет или форма глаз (англ. *he looked at me with his eagle-yellow eyes* 'он смотрел на меня своими желтыми, как у орла, глазами' [15]). В более чем в 90 % случаев образы из указанной группы используются для подчеркивания таких качеств глаз, как неприятный взгляд и грусть (рус. *смотрит на меня, как соболев из ловушки*' [14]).

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать ряд выводов в использовании образов в сравнениях в описании глаз человека в русском и английском языках:

1. Используются образы из 8 тематических групп. Самая большая группа – «Растительный мир» (как в русском, так и в английском языке).
2. При помощи 8 выявленных тематических групп описывается 6 видов качеств человеческих глаз: размер и цвет глаз, физические особенности и недостатки (например, слепота, косоглазие), красота, приятный или неприятный взгляд, живость взгляда. В количественном плане превалирует группа «Цвет глаз» (как в русском, так и в английском языке).
3. Установлено, что в плане употребления уникальных образов среди общего количества проанализированного материала всего 3 тематические группы обладают таким потенциалом: «Водные ресурсы», «Растительный мир» и «Животный мир». В количественном плане эта часть составляет 33 % от общего количества в русском языке и 29 % в английском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов, В. З. Развитие и становление категории качества / В. З. Панфилов // Вопр. языкознания. – 1976. – № 6. – С. 3–18.
2. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Госпедиздат, 1953. – 368 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки рус. культуры : Вост. лит., 1995. – 472 с.
4. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале соврем. рус. яз. / А. Н. Шрамм. – Л. : ЛГУ, 1979. – 134 с.

5. *Ноуэл-Смит, П. Х.* Логика прилагательных / П. Х. Ноуэл-Смит ; пер. с англ. Л. Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой ; общ.ред. Е. В. Падучевой. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 56–63.
6. *Виноградов, В. В.* Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 317 с.
7. *Арутюнова, Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова и А. А. Уфимцева. – М., 1980. – Гл. 3. – С. 156–249.
8. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1981. – 295 с.
9. *Норман, Б. Ю.* Теория языка: вводный курс : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 296 с.
10. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
11. *Вержбицкая, А.* Сравнение – градация – метафора / А. Вержбицкая // Теория метафоры : сб. ст. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 133–153.
12. *Томашевский, Б. В.* Стилистика и стихосложение: курс лекций / Б. В. Томашевский. – Л. : Учпедгиз, 1959. – 537 с.
13. *Коваленя, А. В.* Отражение национально-культурной специфики в авторских сравнениях, выражающих степень качества (на материале русского и турецкого языков) / А. В. Коваленя // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. А. Тарасевич (отв. ред.) [и др.]. – 2021. – №1 (110). – С. 14–20.
14. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 18.01.2025).
15. British National Corpus (BNC). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 18.12.2024).

Поступила в редакцию 14.02.2025

Стефанова Елена Валентиновна

магистр филологических наук,
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Stefanova

MA in Philology,
Senior Lecturer
Translation & Interpreting Theory
and Practice Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anelena.ya@yandex.by

ОЦЕНКА В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

EVALUATION IN PRAGMATIC STRUCTURE OF POPULAR SCIENCE SPEECHES

В статье анализируются языковые средства манифестации, модели и шаблоны развертывания оценки в прагматической структуре научно-популярных выступлений формата TED Talks на материале 54 научно-популярных выступлений различной тематики, отобранных методом сплошной выборки (общая продолжительность звучания 288 минут 30 секунд). В результате проведенного исследования установлены ключевые композиционные компоненты прагматической структуры научно-популярных выступлений, а также их характеристики, выявлены 6 типов характерных языковых средств манифестации оценки в прагматической структуре, подробно описаны 4 модели и 4 шаблона развертывания оценки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *оценка; прагматическая структура; научно-популярные выступления; средства манифестации оценки; модели развертывания оценки; шаблоны оценки.*

The article comprises linguistic means of manifestation, models and templates of evaluation deployment within the pragmatic structure of popular science TED Talks. The study material includes 54 popular science Ted Talks dedicated to various topics (the total duration is 288 minutes 30 seconds). The research establishes the key compositional components of the popular science speech pragmatic structure, as well as their characteristics. 6 types of typical evaluation manifestation linguistic means within the pragmatic structure are revealed. 4 models and 4 evaluation deployment templates are thoroughly described.

Key words: *evaluation; pragmatic structure; popular science speeches; means of evaluation manifestation; evaluation deployment models; evaluation templates.*

Научно-популярные выступления формата TED Talks представляют интерес для лингвистических исследований ввиду своих структурных и прагматических особенностей. Указанные выступления характеризуются относительной краткостью, что позволяет быстро и эффективно донести основные идеи до зрителей/слушателей. Кроме того, они обладают такими отличительными признаками, как наглядность (использование визуальных элементов, графиков, изображений и видео помогает сделать информацию более понятной и запоминающейся), интерактивность (частотным является использование интерактивной формы презентации, например, опросов, вопросов к зрителям или заданий для самопроверки) и, наконец, вдохновение (выступления мотивируют зрителей/слушателей к действию или изменениям в своей жизни).

В своих работах Е. В. Сидоров указывает на важность «своеобразной функционально-динамической структуры речевой коммуникации», включающей малое координационное кольцо коммуникации, переходящее в большое координационное кольцо: «Малое координационное кольцо – циклическая структура координации коммуникативных действий отправителя и адресата сообщения. Большое координационное кольцо – циклическая структура координации действий отправителя и адресата сообщения, опирающаяся на реализацию малого координационного кольца». Такой переход, по словам ученого, объясняется «координацией деятельности людей в коммуникативной интеракции» [1, с. 59–60]. В процессе указанного выше перехода задействованы коммуникативное внимание, мышление, память, воля и воображение.

Согласно Н. С. Болотновой, прагматической основе регулятивности текста присущи модальность, экспрессивность, эмотивность, прагматичность [2, с. 47], а прагматическая функция текста «заключается в его способности благодаря регулятивности вызывать у читателя или слушателя определенные эмоции, оценки, волевые побуждения» [2, с. 25].

Оценка представляет собой лингвистический механизм, позволяющий говорящему выражать свое отношение, мнение и эмоциональные реакции относительно содержания высказывания. В контексте научно-популярных выступлений ей отводится значимая роль в формировании восприятия информации аудиторией. Оценка выполняет несколько ключевых функций, в том числе установление связи с аудиторией и упрощение восприятия сложной информации, позволяет не только передать факты, но и выразить отношение к ним, что способствует более глубокому пониманию темы.

Как считает О. С. Ахманова, оценка – это одна из основных частей стилистической коннотации [3, с. 305], а модальность – это «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими как наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.» [3, с. 237].

По мнению Е. М. Вольф, «оценочная структура или модальная рамка оценки включает целый ряд элементов, обязательными из которых являются субъект оценки, объект оценки, оценочное отношение, а также шкала оценок и оценочные стереотипы» [4, с. 9]. Оценочная структура содержит «вспомогательные (факультативные) элементы, такие как мотивировки, классификаторы, различные средства интенсификации и деинтенсификации» [4, с.13].

Так, О. В. Звада относит оценку к одному из видов модальности, «сопровождающую содержательную сторону языковых выражений». «В отличие от объективной модальности, включающей в себя дескриптивный элемент, описывающий окружающий мир, оценочная модальность выражает отношение говорящего к объективно-существующему, часто отношение эмоциональное» [5, л. 44].

Цель нашего исследования состоит в выявлении языковых *средств манифестации оценки в прагматической структуре*, описании *моделей разворачивания оценки*, а также установлении *шаблонов* ее разворачивания. Под прагматической структурой понимаем систематизированный набор семантических компонентов, категоризирующих различные виды информации и направленных не только на эффективное донесение научной информации до широкой аудитории, но и на воздействие на нее. Материалом для исследования послужили 54 научно-популярных выступления формата TED Talks различной тематики, отобранные методом сплошной выборки (общая продолжительность звучания 288 минут 30 секунд)[6].

В результате логико-семантического анализа структурных смысловых логических блоков, характерных для всех выступлений, было установлено, что прагматическая структура научно-популярного выступления включает в себя несколько ключевых компонентов, которые помогают эффективно донести информацию до аудитории. Ниже в таблице представлены составные компоненты прагматической структуры и их характеристики.

Прагматическая структура научно-популярного выступления и характеристики компонентов

Композиционный компонент 1. <i>Введение</i>	Композиционный компонент 2. <i>Основная часть</i>	Композиционный компонент 3. <i>Заключение</i>	Композиционный компонент 4. <i>Взаимодействие с аудиторией</i>
1. Привлечение внимания: использование интересного факта, вопроса или истории, чтобы вызвать интерес	1. Обоснование: предоставление научных данных, фактов и примеров, которые поддерживают основную идею	1. Резюме основных идей: краткое повторение ключевых моментов выступления	1. Вопросы и ответы: обсуждение и ответы на вопросы слушателей, что способствует более глубокому пониманию темы
2. Постановка проблемы: четкое обозначение темы и ее актуальности, объяснение, почему эта тема важна для аудитории	2. Структурирование информации: логическое деление материала на подкатегории или этапы, чтобы облегчить восприятие	2. Выводы и рекомендации: формулирование выводов на основе представленных данных, а также предложений по дальнейшим действиям или рассуждениям	2. Обратная связь: стимулирование аудитории выражать свое мнение или делиться опытом
	3. Иллюстрации: использование визуальных средств (слайды, графики, видео) для наглядности и усиления эффекта	3. Призыв к действию: мотивация аудитории к дальнейшему изучению темы или применению полученных знаний на практике	

Оценка в прагматической структуре научно-популярного выступления является ключевым аспектом, способствующим формированию восприятия информации аудиторией. Она включает в себя языковые средства, которые помогают выразить отношение говорящего к предмету обсуждения, а также определить значимость, достоверность или актуальность данных. Факты, события и аргументы, представленные в выступлении, видятся сквозь призму авторской позиции, в которой содержится оценка важности результатов исследований. Таким образом, она способствует более активному вовлечению слушателей в обсуждение актуальных вопросов. В ре-

зультате семантического анализа с опорой на контекст и словарные дефиниции были установлены следующие характерные для исследуемого материала языковые средства репрезентации оценки.

1. Оценочные прилагательные. Использование прилагательных с оценочным значением позволяет акцентировать внимание на характеристиках объекта, на положительных или отрицательных качествах, а также на новизне, значимости, интересе, который представляет материал. Например, прилагательные *инновационный*, *поразительный*, *значимый* служат для подчеркивания важности обсуждаемых тем. Они помогают придать положительную эмоциональную окраску высказыванию и выразить авторскую оценку: *This is a **remarkable** discovery in the field of science* ‘Это **выдающееся** открытие в области науки’, *This is a **significant** discovery in the field of medicine* ‘Это **значительное** открытие в области медицины’, *The results of the study were **surprising** and **impressive*** ‘Результаты исследования оказались **неожиданными** и **впечатляющими**’. Примерами предложений, в которых содержится отрицательная оценка, являются: *Many treatments have been found to be **ineffective** against this particular strain of virus* ‘Многие методы лечения оказались **неэффективными** против этого конкретного штамма вируса, *The current data is **so inadequate** to draw any definitive conclusions* ‘Текущие данные **настолько недостаточны** для того, чтобы сделать какие-либо окончательные выводы’.

2. Сравнительные конструкции выступают дискурсивными маркерами авторской оценки, позволяя говорящему создавать контекст и иерархию значимости рассматриваемых явлений. Они могут служить для фокусирования на преимуществах или недостатках определенных аспектов, не только информируя о сравнении, но и подразумевая положительную оценку нового решения проблемы. Сравнительные конструкции помогают подчеркнуть различия или сходства между явлениями, что способствует более глубокому пониманию темы: ***Unlike** previous studies, our results drastically differ* ‘**В отличие от** предыдущих исследований, наши результаты кардинально разнятся’, *These data significantly **exceeded the figures obtained last year*** ‘Эти данные значительно **превышают показатели**, полученные в прошлом году’. Оценочный характер синтаксических конструкций устанавливается с опорой на их семантику.

3. Эмоционально окрашенные глаголы также могут выступать средствами актуализации оценки в дискурсе благодаря ингерентной оценочности: *This discovery **inspires** scientists around the globe!* ‘Это открытие **вдохновляет** ученых по всему миру!’, *We **were stunned** by the results of our research!* ‘Мы **были потрясены** результатами нашего исследования!’.

Примеры с глаголами, выражающими негативную оценку: *We must not allow fear **to sabotage** our progress towards a better future* 'Мы не должны позволить страху **саботировать** наш прогресс на пути к лучшему будущему'.

4. Модальные глаголы позволяют выразить степень уверенности, сомнения, обязательности в высказывании. Так, например, модальные глаголы *может, должен, следует* подчеркивают вероятность, необходимость или возможность определенных событий или явлений: *This **could** be a key factor in understanding climate change* 'Это **может** быть ключевым фактором в понимании изменения климата'. Модальный глагол со значением возможности, контекстуально связанный с именем прилагательным *key*, способствует выражению положительного оценочного значения в отношении инновационной теории изменения климата. *We **must** consider the impact of human activity on ecosystems* 'Мы **должны** учитывать влияние человеческой деятельности на экосистему'. Использование глагола *must* указывает на сильное убеждение выступающего в том, что это действие критически важно для понимания и решения экологических проблем. Таким образом, оценка настраивается на модальность необходимости. Необходимость, в свою очередь, предполагает значимость, то есть является указателем того, что, с точки зрения автора, факт учета влияния человеческой деятельности на экосистему – это хорошо, то есть оценка положительна.

5. Устойчивые выражения. Использование фразеологических оборотов может придавать высказыванию дополнительный смысл посредством оценки, а также служить для акцентуации важных аспектов в обсуждаемых вопросах. Фразеологизмы и идиомы могут добавить выразительности и колорита выступлению: *This is **a step in the right direction*** 'Это **шаг в правильном направлении**', *This solution has been **a breath of fresh air** for our team* 'Это решение стало **глотком свежего воздуха** для нашей команды'. Вышеперечисленные примеры содержат положительную оценку, указывая на то, что предпринятые действия или изменения прогрессивны и способствуют улучшению ситуации. Примерами устойчивых выражений, содержащих отрицательную оценку, являются: *Ignoring climate change is like **sticking our heads in the sand** while the forests burn* 'Игнорировать изменения климата – это как будто **прятать голову в песок**, пока леса пылают', *These excuses are just **a smoke screen** to hide the lack of commitment to the issue* 'Такие отговорки – это всего лишь **дымовая завеса**, чтобы скрыть отсутствие заинтересованности в решении проблемы'.

6. Риторические вопросы. Оценка также часто актуализируется в риторических вопросах. Задавая риторические вопросы, выступающие могут акцентировать внимание на ключевых аспектах темы и выражать свою оценку. Такие вопросы не требуют ответа, но заставляют аудиторию задуматься о важности обсуждаемого материала, побуждают ее к размышлениям и вовлекают в обсуждение, выступают в роли средства акцентуации важности темы, вызывая интерес к дальнейшему изложению: *Isn't it remarkable how nature can recover so quickly?* 'Разве не удивительно, что природа может так быстро восстанавливаться?', *How can we ignore these astonishing facts?* 'Как мы можем игнорировать эти поразительные факты?'

Рассмотрим четыре основные модели развертывания оценки в научно-популярных выступлениях формата TED Talks, которые включают принципы, подходы, определяющие то, как будет вербализована оценка, и отражают специфику способов ее выражения. Каждая из представленных ниже моделей имеет свои специфические характеристики и может быть применена в зависимости от целей выступления и особенностей аудитории. Они были получены в результате логико-семантического анализа содержания выступлений (ключевые темы, аргументы, структурные элементы, контекст), лингвистического анализа (анализ риторических приемов, используемых в выступлениях).

1. Модель контекстуальной оценки

Оценка строится на основе контекста, где представлена информация, то есть модель подразумевает оценку и интерпретацию научных данных с учетом специфического контекста. Выступающий анализирует условия, в которых происходит обсуждение, и адаптирует свое сообщение таким образом, чтобы оно резонировало с опытом и ожиданиями аудитории (мобилизация к действию, формирование чувства ответственности): *In the past decade we saw an increase in the frequency of hurricanes in our region, which is consistent with the rising global temperatures. This connection helps us understand not just the data, but its real-world implications for our community* 'В последнее десятилетие в нашем регионе участились случаи ураганов, что соответствует повышению температуры в мире. Эта связь помогает нам понять не только данные, но и реальные последствия для нашего общества'.

2. Модель сравнительного анализа

Настоящая модель основывается на сравнении разнообразных данных для фиксирования их значимости. Выступающий использует оценочные конструкции, чтобы подчеркнуть различия или сходства, что помогает

аудитории лучше понять предмет обсуждения. Сравнительный анализ позволяет выделить ключевые характеристики объектов или явлений, сопоставляя их друг с другом. В научно-популярном выступлении (например, посвященном экономической тематике) может сравниваться уровень инфляции в разных странах: *The inflation rate in Country A is significantly higher than in Country B, which indicates that the purchasing power of consumers in Country A is decreasing more rapidly* 'Уровень инфляции в стране А значительно выше, чем в стране В, что указывает на то, что покупательская способность потребителей в стране А снижается быстрее'. Данная оценка не только включает информацию о текущем состоянии в экономике двух стран. Выраженная через сравнительный анализ, она позволяет акцентировать внимание на важности социальных вопросов. Эффективность сравнительного анализа зависит от способности выступающего выбрать релевантные критерии для сопоставления и темы, которые имеют значение для аудитории (экологические, экономические или культурные).

3. Модель эмоциональной вовлеченности

Модель предполагает употребление эмоционально окрашенных слов и выражений для установления связи с аудиторией. Выступающий стремится вызвать эмоциональный отклик, что способствует более глубокому восприятию информации. Эмоциональная вовлеченность подразумевает использование выразительных средств языка для пробуждения чувств, которые помогут глубже понять и запомнить представленную информацию: *It's a real revolution in the treatment of diseases* 'Это настоящая революция в лечении болезней'. Такая оценка текущего положения дел также способствует возникновению эффекта антиципации.

4. Модель экспертной оценки

В этой модели акцент делается на авторитете и экспертном знании выступающего. Оценка выражается в ссылках на исследования, мнения специалистов и статистические данные, что придает весомость высказываниям. В научно-популярном выступлении (например, посвященном разработкам в генетике) выступающий может сослаться на авторитетную организацию: *Based on the estimates in the latest research of the Global Energy Review (IEA), experts agree that implementing renewable energy sources can significantly reduce greenhouse gas emissions ...* 'Основываясь на оценках, приведенных в последнем исследовании Глобального энергетического обзора (МЭА), эксперты сходятся во мнении, что внедрение возобновляемых источников энергии может привести к значительному сокращению выбросов парниковых газов ...'.

Результаты проведенного анализа показывают, что оценка в научно-популярных выступлениях служит важным инструментом, позволяющим сформировать определенное отношение аудитории к обсуждаемым темам. Механизмы развертывания оценки в научно-популярных выступлениях принимают различные формы, имеющие свои особенности и цели. Сценарий развертывания оценки – это конкретный план действий, который описывает последовательность этапов изложения оценки, и представляет собой многоаспектный процесс, требующий от выступающего умения сочетать различные модели в зависимости от контекста и целей выступления. Термины *модель*, *шаблон* и *сценарий оценки* соотносятся как различные уровни абстракции. Модель задает теоретическую основу, сценарий описывает практическую реализацию, шаблон служит инструментом, упрощающим и стандартизирующим процесс.

Проведенный анализ научно-популярных выступлений формата TED Talks позволяет сделать вывод о наличии характерных шаблонов в развертывании оценки. Под шаблоном понимаем стандартизированную (схематическую) форму представления оценки. Знаком «+» обозначим положительную оценку (блоки языковых средств, несущих общее положительное значение; знаком «-» – отрицательную (блоки языковых средств, несущих общее отрицательное значение). Под «блоком» понимаем комбинацию/и языковых средств, манифестирующих оценку. В данной статье рассмотрим 4 выявленных шаблона (анализ 54 научно-популярных выступлений)

• **Шаблон 1: + + - - - + - - + +**

В выступлении «*The power of vulnerability*» («Сила уязвимости») Брене Браун исследует концепцию уязвимости и ее значимость для человеческих связей. Она активно использует оценочные средства, подчеркивая важность своих выводов посредством эмоционально окрашенных слов. В указанном шаблоне наблюдаем 5 положительно заряженных блоков против 5 отрицательно заряженных блоков: существует равновесие положительно заряженных блоков и отрицательно заряженных блоков.

• **Шаблон 2: + + + + - + - + - - + + - - +**

В выступлении «*How great leaders inspire action*» («Как выдающиеся лидеры вдохновляют действовать») Симон Симек анализирует механизмы вдохновения, которые используют успешные лидеры. В своем выступлении он активно задействует оценку, чтобы подчеркнуть ключевые идеи о лидерстве и мотивации, делая их более привлекательными для аудитории. Данный шаблон состоит из 9 положительно заряженных блоков и 6 отрицательно заряженных блоков: превалирует положительная оценка.

- **Шаблон 3:** – – + – – + + +

В выступлении «*The happy secret to better work*» («Как счастье может помочь нам работать лучше») Шон Ахор объясняет, как позитивное мышление влияет на производительность. Он использует оценочные выражения для подчеркивания важности ощущения счастья в рабочем процессе, что делает его идеи более убедительными. Шаблон включает в себя 4 отрицательно заряженных блока против 4 положительно заряженных блоков. В нем наблюдается равновесие положительно заряженных и отрицательно заряженных блоков. Отличие данного шаблона от Шаблона 1 заключается в последовательности развертывания блоков: в Шаблоне 3 она начинается с отрицательных, а не с положительно заряженных блоков, как в Шаблоне 1. При этом и Шаблон 1, и Шаблон 3 завершаются положительно заряженными блоками.

- **Шаблон 4:** + + – + + + – +

В выступлении «*What makes a good life? Lessons from the longest study on happiness*» («Что нужно для хорошей жизни? Уроки самого длинного исследования о счастье») Роберт Уалдингер делится результатами многолетнего исследования факторов счастья. Оценка помогает выделить его ключевые выводы и их практическое значение для жизни людей. В указанный шаблон входят 6 положительно заряженных блоков против 2 отрицательно заряженных. Отмечаем превалирование положительной оценки. В отличие от Шаблона 2, в Шаблоне 4 очевидно превалирование положительных блоков, а в Шаблоне 2 – незначительное превосходство положительно заряженных блоков.

Как видим, в двух шаблонах (1 и 3) наблюдается равновесие положительно заряженных и отрицательно заряженных блоков, еще в двух (2 и 4) – превалирование положительной оценки. При этом отмечаем, что равновесие может сигнализировать о том, что выступающий занимает нейтральную позицию, тем самым давая аудитории возможность сформировать собственную оценку. Преимущество же положительно заряженных блоков сигнализирует о желании выступающего целенаправленно воздействовать на формирование у аудитории положительной оценки (изобретений, инновационных методов, решений). Отсутствие превалирования негативно заряженных блоков свидетельствует о том, что основной посыл научно-популярных выступлений формата TED Talks – это вдохновить людей на положительные изменения в различных сферах, сделать жизнь комфортнее и т.д. Ввиду этого логично отсутствие превосходства негативной оценки.

Представляя элементы дескрипции (то, как в дискурсе описаны предметы, события, ситуации и т.п.) дискурса, Т. А. ван Дейк вводит понятие *гранулярность*, под которой понимается степень подробности при описании предметов, событий, ситуаций и т.п. «Все ситуации и события могут быть описаны более или менее подробно или более или менее грубо, с большим или меньшим количеством деталей». Также ученый акцент ставит на том, что данный термин может как использоваться в отношении к дискурсу в целом, так и «варьироваться в пределах одного дискурса» [7, с. 17]. Исходя из вышесказанного, актуальным и перспективным представляется проведение дальнейшего исследования научно-популярных выступлений и серий формата TED Talks с фокусом внимания на описании и установлении степеней гранулярности в представленных выше четырех моделях развертывания оценки, а также дальнейшем поиске возможных новых механизмов и шаблонов развертывания оценки.

Таким образом, языковые средства, манифестирующие оценку в научно-популярных выступлениях, играют ключевую роль в формировании восприятия информации. Их использование позволяет не только передать факты, но и создать эмоциональную связь с аудиторией, что способствует более эффективному донесению информации до аудитории, более глубокому пониманию представляемого материала. Модальные глаголы, оценочные прилагательные, фразеологизмы, риторические вопросы, сравнительные конструкции – все эти языковые средства нацелены на создание убедительного и привлекающего внимание научно-популярного выступления, которое не только информирует, но и вдохновляет зрителей / слушателей на дальнейшие размышления и действия. Оценка является важным инструментом в научно-популярных выступлениях, способствующим созданию эмоциональной связи с аудиторией и улучшению восприятия представленной информации. Использование моделей контекстуальной оценки, сравнительного анализа, эмоциональной вовлеченности и экспертной оценки позволяет выступающему эффективно донести информацию до аудитории и сформировать ее отношение к обсуждаемым вопросам. В результате проведенного исследования была достигнута поставленная цель, а именно: выявлены 6 типов характерных языковых средств манифестации оценки в прагматической структуре, 4 модели и 4 шаблона развертывания оценки. Перспективным видится дальнейшее исследование механизмов взаимодействия моделей и шаблонов, а также возможное установление частных вариаций шаблонов в зависимости от определенной тематики научно-популярных выступлений формата TED Talks.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров, Е. В. Общая теория речевой коммуникации / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во РГСУ, 2010. – 244 с.
2. Болотнова, Н. С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой / Н. С. Болотнова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – №2(3) – С. 24–30.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 224 с.
5. Звада, О. В. Фрейм «Morality» и его объективация в языке (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Звада Оксана Викторовна ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2003. – 174 л.
6. TED Talks. – URL: <https://www.ted.com> (дата обращения : 10.09.2024).
7. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки – 2013. – №13 (156). – Вып. 18. – С. 5–23.

Поступила в редакцию 29.01.2025

Сяо И

аспирант кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Xiao Yi

PhD Student of the Department of Theory
and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
xiao.eric@yandex.by

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИДЕОГРАММ
КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

SEMANTIC CLASSIFICATION OF IDEOGRAMS IN THE CHINESE WRITING

В работе представлена семантическая классификация идеограмм китайской письменности. Семантический анализ отобранных 1550 китайских идеограмм показал, что данный класс единиц организован путем включения пяти семантических макро- и двадцати микрогрупп знаков, среди которых наибольшее число составляют идеограммы, именующие различные действия и процессы. Наименее представленными являются идеограммы-абстрактные сущности, связанные с мышлением и идеями человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *идеограмма; иероглиф; смысловой компонент; семантическая классификация; китайский язык.*

The semantic classification of the Chinese ideograms is presented in the article. The semantic analysis of 1550 selected Chinese ideograms has shown that this class of units is organized by including five semantic macro - groups and twenty micro groups of signs, among which the largest number includes the characters naming various actions and processes. The narrowest area is made up of abstract - entity ideograms related to human thinking and ideas.

Key words: *ideogram; characters; semantic component; semantic classification; Chinese language.*

Идеограммы китайской письменности, будучи одним из наиболее распространенных структурно-семантических типов иероглифов на раннем этапе развития идеографического письма, не раз становились объектом анализа как китайских [1; 2; 3; 4; 5], так и западных ученых [6; 7; 8; 9; 10].

Поскольку построение идеограмм заключается в соединении двух или более смысловых графем без включения в состав знака фонетической части (например, в идеограмму 肘 ‘локоть’ входят два смысловых компонента: 月(肉) ‘тело’ и 寸 ‘передняя часть предплечья’; см. также 次 ‘слюна’ = 氵 ‘вода, река’ + 欠 ‘зевающий человек’, 菜 ‘овощи’ = 艹 ‘травы’ + 采 ‘собирать’ и др.), научный интерес всегда представляли, прежде всего, принципы комбинирования графем в подобных иероглифах.

Данные принципы могли быть определены только путем глубокого этимологического анализа компонентов-графем, что и стало на долгое время предметом рассмотрения многих китайских ученых [4; 12; 13; 14; 15; 16]. Не раз поднимались также вопросы количественного состава подобных иероглифов в современном китайском языке и их определения

для установления границ данной системы знаков [11, с. 158]. Вместе с тем выявление того, что с семантической точки зрения представляют собой идеограммы, какие семантические категории знаков входят в состав этого типа символов и как они семантически распределены, до настоящего времени не получило широкого научного освещения. Этот аспект анализа китайских идеограмм и будет представлен в данной статье.

Методология нашего исследования заключалась в использовании методов компонентного, этимологического¹, статистического анализа, а также разработанных семантических классификаций графем (компонентов идеограмм) ранних периодов развития китайской письменности (в частности, в основу нашей классификации идеограмм положены семантические классификации графем Цзоу Сяоли [4, с. 18], Хао Вэнью [5, с. 21] и Ван Хунъюань [3, с. 3]). Выделенные учеными семантические принципы объединения графем, из которых складываются идеограммы, также являются базой нашей семантической классификации идеограмм.

Путем сплошной выборки из словарей «汉语大字典» (Большой словарь китайских иероглифов) и «说文解字» (Объяснение простых и толкование сложных знаков) [1; 2] мы отобрали 1550 знаков-идеограмм, которые и составили объект нашего исследования. Сопоставив полученный список с наборами идеограмм из научной монографии «说文会意字研究» (Исследование идеограмм в древнем словаре Шовэнь Цзецзы) – 1224 единицы, из диссертаций «会意字研究» (Исследование идеограмм китайской письменности) – 280 идеограмм, «说文会意字研究» (Исследование идеограмм в древнем словаре ‘Шовэнь цзецзы’) – 1267 идеограмм, «现代汉字中会意字研究» (Исследование идеограмм в системе современных китайских иероглифов) – 200 идеограмм [17; 18; 19; 20], мы с большой точностью верифицировали полученные нами данные относительно полного списка идеограмм китайской письменности.

Семантический анализ отобранных знаков показал, что идеограммы китайской иероглифической письменности представляют собой 5 семантических типов единиц, составивших, соответственно, 5 макрогрупп знаков.

Первый семантический тип идеограмм – это знаки, именующие объекты различного типа. Например, идеограмма 𦍋 ‘мышца между костями’.

Второй семантический тип идеограмм – это знаки, именующие субъекты различного типа. Например, идеограмма 兄 ‘старший брат’.

Третий семантический тип идеограмм – это знаки, именующие процессы или действия, например, идеограмма 仰 ‘выпрямляться’.

Четвертый семантический тип идеограмм – это знаки, именующие признаки или состояния. Например, идеограмма 𡇗 ‘дружный, гармонический’.

Пятый семантический тип идеограмм – это знаки, именующие абстрактные понятия. Например, 德 ‘мораль, благородство’ (таблица).

¹Семантическая классификация построена на основе первого этимологического значения идеограммы.

Семантическая классификация идеограмм китайской письменности

Семантические макрогруппы	Количество		Семантические микрогруппы	Количество	
	ед.	%		ед.	%
Идеограммы-объекты	377	24,30	Идеограммы-части тела человека и животных	57	15,00
			Идеограммы-предметы производства и бытия	163	43,30
			Идеограммы-предметы, связанные с государственными делами	58	22,60
			Идеограммы-природные явления	72	19,10
Идеограммы-субъекты	97	6,30	Идеограммы-лица различного возрастного типа и физических способностей	11	11,30
			Идеограммы-лица различного социального статуса	36	37,20
			Идеограммы-зоонимы	50	51,50
Идеограммы-процессы или действия	672	43,30	Идеограммы-физические действия (процессы), осуществляемые человеком или животным	120	17,80
			Идеограммы-действия, осуществляемые человеком для производства или бытия	227	33,80
			Идеограммы-действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью	290	43,20
			Идеограммы-процессы, характерные для природных объектов	22	3,40
			Идеограммы-действия ментальных операций и эмоциональных ощущений	12	1,80
Идеограммы-признаки или состояния	324	20,80	Идеограммы-состояния (признаки), связанные с организмом и человека и животных	60	18,50
			Идеограммы – социальные, бытийные и иные признаки	138	42,60
			Идеограммы-признаки (состояния) времени и пространства	30	9,90
			Идеограммы-признаки (состояния) природных объектов	38	11,70
			Идеограммы-состояния мышления и эмоциональных ощущений	56	17,30
Идеограммы-абстрактные сущности	82	5,30	Идеограммы-обозначения видов мышления и идей человека	9	11,00
			Идеограммы-обозначения человеческого общества и государственных дел	60	72,00
			Идеограммы-обозначения религии и верований	14	17,00

Одними из наиболее распространенных (377 идеограмм, 24,3 %) являются идеограммы, именующие **объекты различного типа**, куда вошли четыре семантические микрогруппы.

Первая микрогруппа представляет собой идеограммы-объекты со значением частей тела человека или животных. Она составляет 15,0 % (57 идеограмм) от общего числа идеограмм, именующих объекты. Например, 脉 'жила', 肘 'локоть', 涎 'слюна', 右 'правая рука', 須 'борода и усы' и др.

Вторая микрогруппа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов производства (выращивания) или бытия (43,3 %, 163 идеограммы). Например, 向 'окно', 菜 'овощи', 麻 'лен', 鬻 'посуда для каши', 囷 'амбар', 窑 'печь для керамики', 果 'фрукт' и др.

Третья микрогруппа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов, связанных с государственными делами, и составляет 22,6 % (85 идеограмм) от всех исследованных идеограмм, именующих объекты. Например, 印 'правительственная печать', 宗 'храм для предков', 庫 'склад оружия', 戎 'военное снаряжение' и др.

Четвертая микрогруппа представляет собой идеограммы-объекты со значением природных явлений (19,1%, 72 идеограммы). Например, 電 'молния', 晁 'свет солнца', 塵 'пыль', 陸 'ровная и высокая земля', 雷 'гром' и др.

Менее распространенными (97 идеограмм, 6,3 %) являются идеограммы, именующие **субъекты**. Подсистема идеограмм, именующих субъекты, была разделена нами на три семантические микрогруппы.

Первая микрогруппа представляет собой идеограммы-субъекты со значением лиц различного возрастного типа и физических способностей (характеристик) и составляет 11,3 % (11 идеограмм) от общего числа идеограмм, именующих субъекты. Например, 兄 'старший брат', 僊 'долгожитель', 媛 'симпатичная девушка', 孫 'внук', 趨 'человек, умеющий карабкаться', 夫 'взрослый мужчина' и др.

Вторая микрогруппа представляет собой идеограммы-субъекты со значением лиц различного социального статуса и составляет 37,2 % (36 идеограмм) от общего количества идеограмм, именующих субъекты. Например, идеограмма 后 'монарх, королева' согласно современным этимологическим словарям «汉语大字典» (Большой словарь китайских иероглифов) [1, с. 956] и «汉字源流字典» (Словарь этимологии китайских иероглифов) [22, с. 291] имела первоначальную форму , в состав которой включены компоненты 匕 () 'предок женского пола' и 古 () 'ново-

рожденный ребенок' [1; 9]. К данной микрогруппе также можно отнести идеограмму 巫 'жрец' с первоначальной формой в системе Цзягувэнь 𠩺. Согласно результатам этимологических исследований, идеограмма 巫 (𠩺) 'жрец' состоит из двух смысловых компонентов 王 (𠩺) 'нефрит', так как нефрит являлся главным материалом для изготовления ритуальных предметов в древности. См. также: 祝 'главный человек при жертвоприношении', 妾 'рабыня, наложница' (辛 'орудие пытки' + 女 'женщина'), 士 'высокоморальный и образованный человек', 君 'монарх' и др.

Третья семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-субъекты со значением зоонимов и составляет 51,5 % (50 идеограмм) от всех исследованных идеограмм, именующих субъекты. Например, идеограммы 梟 'сова', 麀 'олень (самка)', 蠱 'комар', 兔 'хитрый заяц', 犖 'бык трех лет', 犖 'бык пегий', 豚 'вкусный поросенок', 駢 'пара лошадей', 鷄 'курица', 雀 'воробей', 羔 'ягненок' и др.

Самую широкую область иероглифических обозначений (672 идеограммы, 43,3 %) составили идеограммы, именующие **действия и процессы**. Подсистема идеограмм, именующих действия различного типа, была разделена нами на пять семантических микрогрупп.

Первая микрогруппа представляет собой идеограммы-физические действия (процессы), осуществляемые человеком или животным (17,8 % (120 идеограмм) от общего числа идеограмм, именующих действия или процессы). Например, 作 'неожиданно подняться или двигаться', 屑 'храпеть', 臥 'сидя отдыхать', 跬 'шагать, наступать', 攀 'карабкаться', 看 'смотреть', 瞞 'смотреть страхом', 号 'кричать', 死 'умирать', 奮 'взлететь', 康 'хватать' и др.

Вторая микрогруппа представляет собой идеограммы-действия, осуществляемые человеком для производства чего-либо или бытия (33,8 %, 227 идеограмм). Например, в состав идеограммы 耕 'пахать, обработать землю' включаются компоненты 耒 'мотыга' и 井 'скважина'. Компонент 耒 'мотыга' репрезентирует инструмент действия «пахать», а компонент 井 'скважина' является репрезентантом объекта для выражения характеристики действия «обработка земли», так как в Китае с древности и до сих пор выкапывают скважины и каналы для полива при обработке земли [19, л. 79]. К данной подгруппе также можно отнести, например, идеограмму 既 'закончить принимать пищу', которая состоит из смыслового компонента 皃 'посуда с пищей' на левой стороне идеограммы, а на правой стороне - 𠩺 'сидящий человек к правой стороне'. Антонимическая идеограмма представляет собой знак 即 'начать принимать пищу', в состав

которого входят смысловые компоненты 𩺰 ‘посуда с пищей’ на левой стороне, а на правой стороне располагается 尸 ‘сидящий человек к левой стороне’ [18, л. 36]. См. также: 𩺰 ‘открыть’, 飧 ‘ужинать’, 燠 ‘смягчить дерево’, 斫 ‘рубить дерево’, 𥝹 ‘собрать урожай’, 絕 ‘вырезать’, 獸 ‘охотиться’ и др.

Третья семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы – действия, связанные с государственными делами и социальной жизнью. В частности, она составляет 43,2 % (290 идеограмм) от всех исследованных идеограмм, именующих действия (процессы). Например, 啟 ‘проводить собрание’, 教 ‘образовывать’, 敝 ‘учинять беспорядки’, 啟 ‘просвещать’ и др.

К данной микрогруппе также можно отнести, например, идеограмму 祭 ‘жертвоприношение’, где в состав включаются 3 смысловых компонента: 月(肉) ‘мясо’, 又 ‘правая рука’ и 示(𠄎) ‘алтарь’. Компоненты 月(肉) ‘мясо’ и 又 ‘правая рука’ репрезентируют объект и инструмент для выражения действия жертвоприношения, а 示(𠄎) ‘алтарь’ в сознании древних китайцев часто выполняет функции репрезентации понятий, связанных с верованием, жертвоприношением и церемонией. См. также: 祿 ‘жертвоприношение с целью иметь детей’, 誥 ‘сообщать предкам’, 稟 ‘церемония для сдачи урожая’, 威 ‘уничтожить по приказу’, 建 ‘создать закон или административный орган’, 証 ‘представлять правду в качестве доказательства’, 相 ‘рассмотреть, наблюдать’ и др. [1, с. 2553].

Четвертая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-процессы, характерные для природных объектов (3,4 %, 22 идеограммы). Например, 𡗗 ‘появление солнца и луны’, 𡗗 ‘бурный рост растений’, 生 ‘появление ростка, жизни’, 決 ‘(река) пробить’, 衍 ‘соединение рек’, 炎 ‘гореть пламенем’ и др.

Пятая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-действия со значением ментальных операций и эмоциональных ощущений (1,8 %, 12 идеограмм). Например, 思 ‘размышлять, продумывать’ – это идеограмма, которая создана из смысловых компонентов 心(𠄎) ‘сердце’ и 囟 ‘макушка головы’. В сознании древних китайцев 心 ‘сердце’ – это орган, отвечающий за мышление, а действие «размышлять, продумывать» является совместной работой сердца и головы [22, с. 858]. См. также: 𡗗 ‘вздыхать от тяжелых переживаний’, 憂 ‘печалиться’, 念 ‘скучать, вспомнить’, 羨 ‘завидовать’, 誅 ‘забывать свои речи’ и др.

Достаточно распространенными (324 идеограмм, 20,8 %) являются идеограммы, именующие **признаки или состояния** и представляющие собой соединение пяти семантических микрогрупп.

Первая микрогруппа представляет собой идеограммы-состояния (признаки), связанные с организмом и движением человека и животных (18,5 % (60 идеограмм) от общего числа идеограмм, именующих состояния или признаки). Например, идеограмма 僂 ‘высокий рост человека’ образована в результате соединения смысловых компонентов 亻 ‘человек’ и 喬 ‘высокий и изогнутый’. См. также: 饑 ‘плохой аппетит из-за болезни’, 嫵 ‘красота у девушки’, 幼 ‘молодой и слабый’, 眚 ‘косоглазый’, 樊 ‘сильный и высокорослый’, 虤 ‘возмущение у тигров’ и др.

Вторая микрогруппа представляет собой идеограммы со значением социальных, бытийных и иных признаков (42,6 % (138 идеограмм) от общего числа идеограмм, именующих признаки и состояния). Например, идеограмма 吉 ‘счастливый, благоприятный’. Согласно современным этимологическим словарям «字源» (Этимология китайских иероглифов) [21], «汉字源流字典» (Словарь этимологии китайских иероглифов) [22] имеет первоначальную форму 𠄎 в китайской иероглифической системе «Цзягувэнь». В состав первоначальной формы включаются смысловые компоненты 圭 (𠄎) ‘нефритовая дощечка для ритуальной службы’ и 口 (口) ‘рот’ [9; 10]. К данной микрогруппе также можно отнести идеограммы 偽 ‘ложный, фальсифицированный’, 與 ‘объединенный’, 彰 ‘известный’, 友 ‘дружный’, 甜 ‘сладкий’, 厚 ‘широкий’, 協 ‘гармоничный, сплоченный’, 外 ‘внешний’ и др.

Третья семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-признаки (состояния) со значением времени и пространства (9,9 %, 30 идеограмм). Например, идеограмма 夙 ‘перед рассветом’ согласно этимологическому исследованию в монографии «基础汉字形意释源» (Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов) [4] имеет первоначальную форму написания 夙, которая основывается на смысловых компонентах 夕 ‘луна’ и 夙 ‘работающий человек’. К данной микрогруппе также можно отнести идеограмму 旦 (первоначальная форма 𠄎) ‘восход солнца, утро’, состоящую из детерминатива (ключевого семантического элемента) 日 ‘солнце’ и смыслового компонента — «отражение солнца на горизонте при восходе солнца», который выражает направление движения солнца вверх. См. также: 正 ‘правильный, действительный (путь, направление)’, 陰 ‘Инь’, 陽 ‘Ян’, 閏 ‘вставной месяц (високосного года по китайскому календарю)’, 古 ‘древний’, 晝 ‘светлая половина суток’, 東 ‘восток’, 杲 ‘рассвет’, 杳 ‘затемно вечером’, 早 ‘ранее утро’, 冬 ‘зима’, 春 (春) ‘весна’, 秋 ‘осень’, 遠 ‘далеко’ и др.

Четвертая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-признаки (состояния) со значением природных объектов (11,7 %, 38 идеограмм). Например, идеограмма 熒 ‘тускло освещенный (огонек)’

образована из смысловых компонентов 焱 ‘огонь’ и 冫 ‘покрывать’. См. также: 洄 ‘сложность русла реки’, 孳 ‘бурный рост’, 华 ‘яркость цветов’, 洸 ‘описание «играющие блики на воде»’, 幽 ‘скрытый, мистический’, 堯 ‘высокая, широкая (земля)’, 芬 ‘душистые (растения)’, 陞 ‘опасное (место)’, 奎 ‘высокое (небо, облака)’, 岩 ‘великий (камень)’, 旱 ‘засушливый’, 溫 ‘теплая приятная (температура воды)’ и др.

Пятая семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-признаки (состояния), связанные с мышлением и эмоциями (17,3 %, 56 идеограмм)). Например, идеограмма 毅 ‘стойкость и крепость воли’ основывается на смысловых компонентах 豕 ‘стоящий возмущенный кабан’ и 攴 ‘правая рука с зубчатой дубинкой (ударить)’, так как борьба при охоте требовала сильной воли. К данной подгруппе может быть отнесена, например, идеограмма 寧 ‘покой в душе’, состоящая из 4 графем: 宀 ‘крыша здания’, 心 ‘сердце’, 皿 ‘емкость’, 丯 ‘выдыхающий человек’, а также иные идеограммы, обозначающие чувства, эмоции и мыслительные операции: 肅 ‘серьезно относиться к делам’, 憂 ‘обеспокоенный в душе’, 叡 ‘мудрый’, 詘 ‘искренность’, 愷 ‘веселый, добрый’, 恩 ‘внезапно, неожиданно’, 恤 ‘волнующийся (за кого)’, 智 ‘умный’, 敬 ‘уважающий, вежливый’, 危 ‘пуганный’, 攸 ‘благодарный’ и др.

Наименее распространенными (82 идеограмм, 5,3 %) являются идеограммы, именуемые **абстрактные сущности**. Подсистема идеограмм, именующих абстрактные сущности, была разделена нами на три семантические микрогруппы.

Первая микрогруппа представляет собой идеограммы-абстрактные понятия, связанные с мышлением и идеями человека (11,0 %, 9 идеограмм). Например, 意 ‘мысль, намерение’, 詞 ‘лексика и стилистика’, 厄 ‘безысходное положение’, 咎 ‘беда’, 色 ‘выражение лица’, 惠 ‘мораль, благородство’, 德 ‘мораль, благородство’ и др.

Вторая микрогруппа представляет собой идеограммы-абстрактные понятия со значением человеческого общества и государственных дел (72,0 %, 60 идеограмм). К данной микрогруппе может быть отнесена, например, идеограмма 或 (𠄎) ‘государство, страна’, включающая смысловые компоненты 口 ‘рот’, 一 ‘один’ и 戈 ‘клевец, оружие’, а также идеограммы 鼎 ‘закон’, 名 ‘имя’, 族 ‘род, клан’, 什 ‘группа из 10 человек’, 丈 ‘единица длины (равна 3,33 метра)’, 法 ‘правила’, 員 ‘количество’, 功 ‘подвиг’ и др.

Третья семантическая микрогруппа представляет собой идеограммы-абстрактные понятия, связанные с религией и верованиями (17,0 %, 14 идеограмм). Например, 卦 (первоначальная форма 𪚩) ‘гадание’, 社 ‘божество’, 魍 ‘злое привидение’, 神 ‘божество’, 坤 ‘сущность’, 祐 ‘сохранение от божеств или предков’, 𦰩 ‘жертвоприношение’ и др.

Таким образом, семантический анализ китайских идеограмм показал, что данная группа единиц организована путем включения пяти семантических типов знаков, среди которых наибольшее число составляют идеограммы, именующие различные действия и процессы. Наименее распространенными являются идеограммы-абстрактные сущности, связанные с мышлением и идеями человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. 汉语大字典编委会. 汉语大字典: 徐中舒、李格非、赵振铎等, 学术顾问组: 于省吾、王力等。 – 武汉: 崇文书局, 2010. – 5727页。 = Большой словарь китайских иероглифов / редкол.: Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. – Ухань: Чунвэнь, 2010. – 5727 с.
2. 许慎. 说文解字。 – 岳麓: 岳麓书社, 2006. – 540页。 = Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков (Шовень цзецзы) / Шэнь Сюй. – Юйлу: Изд-во в Юйлу, 2006. – 540 с.
3. 王宏源. 字里乾坤。 – 北京: 华语教育出版社, 2000. – 384页。 = Ван, Хунъюань. Небо и земля в литоглифике / Хунъюань Ван. – Пекин: Образование, 2000. – 384 с.
4. 邹晓丽. 基础汉字形意释源。 – 北京: 中华书局, 2007. – 246页。 = Цзоу, Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сяоли Цзоу. – Пекин: Чжон Хуа Шу Цзю, 2007. – 246 с.
5. 郝文有. 汉字分类集成。 – 郑州: 中州出版社, 2014. – 259页。 = Хао, Вэнью. Классификация китайских иероглифов / редкол.: Вэнью Хао [и др.]. – Чжэнчжоу: Чжун Чжоу, 2014. – 259 с.
6. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М.: ВКН, 2019. – 312 с.
7. Шаравьева, И. В. Китайская письменность: грамматология в монадно-модусной модели представления / И. В. Шаравьева – М.: ВКН, 2020. – 168 с.
8. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев: КГУ, 1985. – 131 с.
9. Карасева, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Карасева Ксения Владимировна; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2019. – 29 с.
10. Сюй, Цзянь. Рассказы о китайских иероглифах / Цзянь Сюй, Синь Чжан, Инсянь Юй. – М.: Шанс, 2018. – 185 с.
11. Сяо, И. К определению понятия «идеограмма» в китайской письменности / И. Сяо // Весн. Мазырсака дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2024. – № 1 (63). – С. 154–160.

12. 唐兰. 中国文字学。 – 上海：上海古籍出版社, 2005. – 182 页。 = *Тан, Лань*. Китайская грамматология / Лань Тан. – Шанхай：Древ. кн., 2005. – 182 с.
13. 陈梦家. 中国文字学。 – 北京：中华书局, 2006. – 407 页。 = *Чэнь, Мэнцзя*. Китайская грамматология / Мэнцзя Чэнь. – Пекин：Чжун Хуа Шу Цзюй, 2006. – 407 с.
14. 杨树达. 中国文字学概要文字形义学。 – 上海：上海古籍出版社, 2013. – 520页。 = *Ян, Шуда*. Китайская грамматология – учение о внутренней структуре и семантике иероглифики / Шуда Ян. – Шанхай：Древ. кн., 2013. – 520 с.
15. 裘锡圭. 文字学概要。 – 台北：万卷楼图书公司, 2002. – 318页。 = *Цю, Сигуй*. Общие положения грамматологии китайской письменности / Сигуй Цю. – Тайбэй：Вань Цзюань Лоу, 2002. – 318 с.
16. 苏培成. 现代汉字学纲要。 – 北京：北京大学出版社, 2004. – 370页。 = *Су, Пейчэн*. Общие положения современной грамматологии китайского письма / Пейчэн Су. – Пекин：Пекин. ун-т, 2004. – 370 с.
17. 石定果. 说文会意字研究。 – 北京：北京语言学院出版社, 1996. – 215页。 = *Ши, Динго*. Исследование идеограмм в древнем словаре Шовэнь Цзецзы / Динго Ши. – Пекин：Пекин. ин-т яз. и культуры, 1996. – 215 с.
18. 胡北；指导：黄德宽. 会意字研究。 – 安徽大学，合肥，2008. 129页。 = *Ху, Бэй*. Исследование идеограмм китайской письменности：дис. ... д-ра филол. наук：5. 2008 / Бэй Ху, Дэкуань Хуан；Аньхойский ун-т. – Хэфэй, 2008. – 129 л.
19. 夏军；指导：许嘉璐. ‘说文’会意字研究。 – 华东师范大学，上海，2009. 160页。 = *Ся, Цзюнь*. Исследование идеограмм в древнем словаре ‘Шовэнь цзецзы’：дис. ... д-ра филол. наук：5. 2009 / Цзюнь Ся, Цзялу Сюй；Вост.-кит. пед. ун-т. – Шанхай, 2009. – 160 л.
20. 廖静；指导：陈婷珠. 现代汉字中会意字研究。 – 上海交通大学，上海，2017. 67页。 = *Ляо, Цзин*. Исследование идеограмм в системе современных китайских иероглифов：дис. ... магистр. филол. наук：1. 2017 / Цзин Ляо, Тинчжу Чэнь；Шанхайский трансп. ун-т. – Шанхай, 2017. – 67 л.
21. 李学勤. 字源。 – 天津：天津古籍出版社, 2013. – 1420页。 = *Ли, Сюэцин*. Этимология иероглифов / Сюэцин Ли. – Тяньцзинь：Древ. кн., 2013. – 1420 с.
22. 谷衍奎. 汉字源流字典。 – 北京：语文出版社, 2008. – 2037页。 = *Гу, Янькуй*. Словарь этимологии китайских иероглифов / Янькуй Гу. – Пекин：Кит. яз., 2008. – 2037 с.

Поступила в редакцию 09.12.2024

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'342.1/9-028.16:81'322.5

Насонова Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры фонетики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Nasonova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of English Phonetics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nasonova000@gmail.com

Маркарова Людмила Дмитриевна

старший преподаватель кафедры
фонетики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ludmila Markarova

Senior Teacher of the Department of
English Phonetics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lmarkarova29@gmail.com

**МЕЛОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОЙ СПОНТАННОЙ
И ПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АУДИТИВНОГО АНАЛИЗА****TONAL CHARACTERISTICS OF ENGLISH SPONTANEOUS
AND PREPARED ORAL SPEECH: RESULTS OF THE AUDITIVE ANALYSIS**

В статье рассматриваются особенности функционирования и комбинаторики системных высотно-тональных единиц в английской подготовленной и спонтанной речи на основании проведенного аудитивного анализа речи носителя британского варианта английского языка. Установлено, что при идентичных логико-смысловых связях один и тот же говорящий использует различные последовательности тональных контуров и их конфигурации в подготовленной и спонтанной речи. При этом определено, что спонтанная речь характеризуется более дробным синтагматическим членением и большей тональной вариативностью. Показаны возможности вариативности тональной подсистемы и получено подтверждение, что интонационное многообразие устной речи способствует ее естественному, непринужденному звучанию.

Ключевые слова: *вариативность; высотно-тональная подсистема; просодический портрет; синтагматическое членение; тональный контур.*

The study at hand investigates into the functioning and compatibility of systemic tonal units in English spontaneous and prepared speech. The auditory analysis of the native British speech showed that identical logical and semantic relations are realized by one and the same speaker with the help of different tonal combinations and configurations in spontaneous and prepared speech. It's established that the spontaneous speech is characterized by fractional syntagmatic division and huge tonal variability. The data demonstrate the variability of the tonal subsystem and prove that the intonation manifold of oral speech benefits its naturalness.

Key words: *pitch tonal subsystem; prosodic portrait; syntagmatic division; tonal contour; variability.*

Вопросы вариативности звукового и интонационного оформления звучащей речи занимают центральное положение в современных фонетических исследованиях. Интерес представляют факторы вариативности, границы возможного варьирования, определение существенности вариантов, соотношение константных и вариативных черт и т.п. Данная проблематика вытекает из общей цели установления базисных системных единиц, пределов их варьирования и тенденций взаимодействия друг с другом.

Согласно британской контурной теории (R. Kingdon, D. Crystal, J. D. O'Connor, D. Brazil), основными единицами высотно-мелодической организации речи являются тон (микроединица) и тональный контур (макроединица). Несмотря на наблюдаемое многообразие тональных контуров, многочисленные исследования подтвердили наличие базовых тональных единиц, отражающих их основные функции [1]. Если провести аналогию просодических единиц с сегментными, то можно определить базовые тональные контуры аналогично фонемам сегментных единиц, реализуемых в речи в огромном количестве синонимичных вариантов (аллофонов). Именно наличие вариативности в реализации базовых тональных контуров формирует богатство и благозвучие устной речи.

По аналогии с изучением комбинаторики сегментных единиц вопросы сочетаемости тональных контуров и факторов, влияющих на выбор того или иного варианта тональных комбинаций в многосинтагменных фразах, вызывают огромный интерес исследователей. Традиционно они рассматривались под углом зрения интонации смысловой незавершенности/завершенности синтагм внутри фразы. Исследования разнообразного языкового материала демонстрируют, однако, вариативность в тональной комбинаторике даже при идентичных синтаксических условиях. Таким образом, при описании взаимоотношений единиц и вариантов необходимо учитывать также экстралингвистические факторы [2].

Одним из таких факторов, обуславливающим просодическую структуру высказывания, является степень подготовленности устной речи. По данному критерию выделяется в первую очередь, подготовленная и спонтанная речь. Изучению просодического оформления спонтанной и подготовленной речи посвящено значительное количество работ [3; 4; 5]. Но в то же время остается открытым вопрос о варьировании инвентаря тональных контуров для речи разной степени подготовленности. Модификации и комбинаторика тональных контуров в зависимости от степени подготовленности речи представляют собой широкую область проявления ее особенностей и требуют дальнейшего исследования для составления просодического портрета подготовленной и спонтанной речи, который может послужить моделью для обучения иноязычному произношению.

Для решения данной задачи нами было проведено исследование на материале спонтанной и подготовленной звучащей английской речи. Экспериментальный материал записывался в два этапа на электронный носитель в звукозаписывающей студии Минского государственного лингвистического университета. На первом этапе носителю произносительной нормы английского языка предлагалось рассказать о своей профессии, любимом занятии, планах на будущее и т. п., а также прокомментировать некоторые известные английские пословицы. С целью приближения студийных условий к естественным условиям коммуникации с испытуемым предварительно велась непринужденная беседа. На втором этапе фрагменты спонтанных высказываний были зафиксированы в письменном виде и после небольшой обработки (удаления повторов, пауз-заполнителей и т. д.) предложены тому же испытуемому для чтения вслух. Предложенные тексты были предварительно оценены испытуемым на предмет соответствия заданной форме речи и стилистической направленности.

Таким образом, по окончании записи был получен корпус двух типов текстов, представляющих собой спонтанную речь и чтение вслух. Полный объем экспериментального материала составил 80 минут звучания. Данный речевой материал послужил основой дальнейшего экспериментального исследования.

После записи экспериментального материала на электронный носитель полученные высказывания были предъявлены опытным фонетистам, преподавателям кафедры фонетики английского языка, для создания интонационной разметки звучащей речи.

При анализе высотно-тональных характеристик нами в первую очередь рассматривался параметр длины синтагмы в звучащей спонтанной и подготовленной речи. Величиной измерения длины выступала акцентная группа: ударный слог с прилегающими к нему безударными слогами. Все анализируемые синтагмы были разделены на короткие (одноакцентные и двухакцентные) и развернутые (полиакцентные) синтагмы. При анализе частотности коротких и развернутых синтагм в английской речи разной степени подготовленности была выявлена тенденция к предпочтению в подготовленной речи двухакцентных синтагм (42 % в подготовленной речи и 36 % в спонтанной речи), в то время как в спонтанной речи доля одноакцентных единиц оказалась выше, чем в подготовленной речи (38 % в спонтанной и 29 % в подготовленной речи). Количество полиакцентных синтагм также превалирует в подготовленной речи по сравне-

нию со спонтанной (29 % в подготовленной и 26 % в спонтанной речи). Таким образом, можно высказать предположение, что спонтанная речь характеризуется более дробным синтагматическим членением.

Для установления характера синтагматической расчлененности речи рассматривалась длина фразы, которая измерялась в количестве синтагм, выделяемых во фразе. Полученные данные показывают, что в идентичном материале, произнесенном спонтанно и прочитанном вслух, диктор делит фразы на разное количество синтагм. В спонтанной речи отмечается увеличение количества синтагм во фразе по сравнению с чтением вслух, что еще раз свидетельствует о более дробном членении спонтанной речи по сравнению с подготовленной. Так, доля двухсинтагменных фраз в спонтанной речи несколько ниже, чем в подготовленной (17 % в спонтанной и 23 % в подготовленной). При этом количество полисинтагменных фраз, состоящих из трех и более синтагм, в спонтанной речи превосходит количество полисинтагменных фраз в подготовленной: 63 % в спонтанной речи и 57 % в подготовленной. Более того, в спонтанной речи наблюдается несколько фраз из 9 синтагм и фраз, состоящих из 11 синтагм, в то время как в подготовленной речи такие фразы отсутствуют.

Объяснить наблюдаемый факт можно тем, что в процессе продуцирования речи говорящему необходимо время для ее формулирования. Это способствует более дробному членению спонтанной речи по сравнению с подготовленной. Говорящий делает акцент на большее количество смысловых блоков с помощью просодических средств, выделяя терминальным тоном больше лексических единиц. Подготовленное же прочтение языкового материала является осмысленным, что приводит к выделению только наиболее значимых смысловых блоков.

В данном исследовании мы рассмотрели распределение одно-, двух- и полиакцентных синтагм в различных фразовых условиях: в начальной, срединной и финальной позициях во фразе.

Результаты распределения разнообразных по длине синтагм в различных позициях во фразе показывают, что чтение вслух характеризуется доминированием двухакцентных тональных единиц в срединной и финальной позиции за счет уменьшения количества полиакцентных синтагм в конечной позиции: доля двухакцентных синтагм в подготовленной речи возрастает от 35 % в начальной позиции до 55 % в финале фразы. В целом деление на синтагмы в подготовленной речи тяготеет к доминированию двухакцентных синтагм во всех позициях за исключением начальной, где одноакцентные синтагмы встречаются наряду с двухакцентными.

В спонтанной речи фраза значительно чаще, чем в чтении вслух, начинается с короткой, одноакцентной синтагмы (в 45 % в спонтанной речи против 38 % в чтении вслух). Необходимо отметить, что одноакцентные синтагмы в спонтанной речи преобладают над остальными в любой позиции и составляют от 42 % до 47 % от общего количества синтагм в каждой позиции. Кроме того, в финальной позиции в спонтанной речи отмечается увеличение количества полиакцентных синтагм по сравнению с другими позициями: 25 % в финальной позиции, 21% в остальных позициях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в спонтанной речи наблюдается более дробное членение в начале и в середине фразы и менее дробное в конце. Спонтанная речь требует большего осмысления новой информации, помещаемой в завершении фразы, что приводит к частотным паузам/остановкам в начале фразы.

В подготовленной речи деление на синтагмы происходит более равномерно. Говорящий знаком с содержанием текста и распределяет синтагматическое членение соответственно смысловой структуре и физиологическому удобству. Сравните синтагматическое членение во фразе в подготовленной и спонтанной речи:

Подготовленная речь: *And so, | I went to a secondary modern school, | which really abandoned you academically.*

Спонтанная речь: *'And so, | I went to a secondary modern school, | which really | abandoned you | academically* 'И вот, я пошел в обычную среднюю школу, которая тебя сильно тормозила в академическом плане'.

В ходе экспериментального анализа использовался базовый инвентарь интонационных контуров для спонтанной речи и чтения, представленный в работах Р. Кингдона, Дж. О'Конора, Дж. Арнольда, Е. Б. Карневской, С. В. Кодзасова, О. Ф. Кривновой, И. Е. Галочкиной и др. В нашей работе все анализируемые контуры были поделены на четыре базовые группы: нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий и ровный. При этом восходяще-нисходящий контур в нашем экспериментальном материале отмечен не был. Ровный контур фиксировался в тех случаях, когда отсутствовало значительное изменение уровня голоса в ядре интонационной группы.

В первую очередь была проанализирована частотность интонационных контуров в зависимости от позиции во фразе в речи разной степени подготовленности. Результаты отражены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Распределение интонационных контуров в различных фразовых позициях
в подготовленной речи (чтении вслух), %

Типы интонационного контура	Всего	Из них		
		в начальной синтагме	в срединной синтагме	в конечной синтагме
нисходящий	42	7	14	21
восходящий	32	14	18	-
нисходяще- восходящий	18	5	13	-
ровный	8	4	4	-

Таблица 2

Распределение интонационных контуров
в различных фразовых позициях в спонтанной речи, %

Типы интонационного контура	Всего	Из них		
		в начальной синтагме	в срединной синтагме	в конечной синтагме
нисходящий	33	5,5	16,5	11
восходящий	24	6	12	6
нисходяще- восходящий	27	9	13	5
ровный	16	6	7	3

Исследование показало, что подготовленная речь характеризуется предпочтением нисходящего мелодического контура, который, в соответствии со своим основным значением, используется во всех финальных синтагмах в чтении вслух и в ряде начальных и срединных. Причем в срединных синтагмах – в два раза чаще, чем в начальных, что можно наблюдать, когда предпоследняя синтагма во фразе обладает смысловой

завершенностью или весомостью. (Пример в подготовленной речи: *You are 'not sup[□]posed to> park | within 'twenty 'five 'meters of a 'road junction, | but 'they 'do* 'Ты не должен парковаться в пределах 25 метров от пересечения дороги, но они паркуются'.)

Восходящий, нисходящий и ровный контуры встречаются в подготовленной речи исключительно в начальной и срединной синтагмах в соответствии со своими основными значениями незавершенности.

В спонтанной речи нисходящий контур менее частотен и используется наряду с восходящим и нисходяще-восходящим контурами в практически равной степени. Причем финальная синтагма в спонтанной речи зачастую произносится с контуром, ассоциирующимся с мелодической незавершенностью (тоном, отличным от нисходящего). Полученные данные подтверждают отмечаемую в литературе тенденцию к употреблению восходящего тона в том числе в утверждениях и специальных вопросах (Т. И. Шевченко, Дж. Уэллс, А. Краттенден, Д. Болинджер, Д. Лэдд). Согласно Д. Кристалу, говорящий с помощью восходящего тона достигает нескольких дискурсивных целей: получает обратную связь; видит, всё ли понятно слушающему; указывает на незавершенность речи. (Пример в спонтанной речи: *They an[^]ticipated | the 'time would ,come | when there would be 'one ,car | per ,family* 'Они предполагали, что наступят времена, когда у каждой семьи будет одна машина'.)

Таким образом, в подготовленной речи интонационные контуры отражают свои основные значения смысловой завершенности/незавершенности, в то время как в спонтанной речи явление смысловой завершенности менее четко выражено. Анализ частотности контуров в различных позициях во фразе демонстрирует большее разнообразие в спонтанной речи и наличие зависимости от позиции в подготовленной речи.

Из анализа частотности тональных контуров в разных позициях во фразе вытекает вопрос о тенденциях вариативности в сочетании тональных контуров внутри фразы. Учитывая, что спонтанная и подготовленная речь в нашем экспериментальном материале была реализована одним диктором, мы проанализировали идентичные фразы из обоих звучащих корпусов с целью сравнения, насколько их просодическое оформление различается в речи разной степени подготовленности. Сравнительный анализ показал, что полное совпадение по синтагматическому членению и типу контура отмечается только в 18 % сравниваемых фраз, все из них короткие (4 % трехсинтагменные, 4 % двухсинтагменные и 10 % односинтагменные). Таким образом, полное совпадение наблюдается только во фразах короткой протяженности. Все остальные рассмотренные реализа-

ции различаются либо количеством выделяемых синтагм (40 %) и, соответственно, последовательностью контуров, либо, при одинаковом количестве синтагм, разной последовательностью тональных контуров (42 %). Причем разница в количестве выделяемых синтагм зафиксирована, в основном, в полисинтагменных фразах, состоящих из 4 и более синтагм, то есть с увеличением протяженности фразы значительно уменьшается вероятность совпадения ее интонационного оформления при разной степени подготовленности речи. В более коротких фразах синтагматическое членение может быть идентичным, однако реализованные контуры различаются. Таким образом, степень подготовленности устной речи выступает важным фактором, вызывающим варьирование в высотнотональном оформлении фразы.

Анализ тональной комбинаторики фраз разной длины показал, что с увеличением количества синтагм во фразе увеличивается вариативность в сочетаемости тональных контуров, особенно в спонтанной речи, где наблюдается большее разнообразие в последовательностях тональных контуров. При этом сохраняется та же тенденция, что и в коротких синтагмах, к доминированию нисходящего контура в финале фразы в подготовленной речи и отсутствию такого доминирования в спонтанной речи. Также с увеличением количества синтагм (четыре и более) количество возможных последовательностей увеличивается в несколько раз. Анализ последовательностей дает возможность сделать вывод о том, что выбор сочетаемости тональных контуров в полисинтагменных фразах высоко вариативен, отражает огромное количество смысловых нюансов. Причем данное многообразие свойственно спонтанной речи в большей степени, чем подготовленной.

Фразы большой протяженности демонстрируют огромное количество возможных последовательностей тональных контуров. Составление полного перечня возможных сочетаний не представляется возможным и необходимым, поскольку фактически любой контур в начальной и срединной позициях возможен в спонтанной и подготовленной речи и не подчиняется каким-либо строгим правилам и закономерностям. При этом наличие вариативности контуров внутри фразы представляется обязательным, поскольку произнесение нескольких синтагм внутри одной фразы с одинаковым контуром встречается очень редко и только в относительно коротких фразах (двух- или трехсинтагменных). Единственная синтагма, демонстрирующая определенную закономерность в оформлении, финальная, которая произносится с нисходящим тональным контуром в подготовленной речи.

На основании проведенного аудитивного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Спонтанная речь характеризуется более дробным синтагматическим членением с доминированием одноакцентных синтагм во всех позициях во фразе. При этом полиакцентные синтагмы с большей вероятностью располагаются ближе к финалу фразы. В начале фразы говорящий зачастую останавливается после первых слов для формулирования основной мысли, кроме того, в начале фразы в спонтанной речи часто используются вводные слова, состоящие из одной акцентной единицы. Как следствие более дробного синтагматического членения в спонтанной речи отмечается более высокий процент полисинтагменных фраз, чем в чтении вслух. Тональные контуры, реализуемые в спонтанной речи, разнообразны как по структуре (с разными типами шкал и мелодических завершений), так и по расположению во фразе – контуры с основным значением незавершенности имеют высокий процент использования в финальной части фраз в спонтанной речи. Варианты последовательностей тональных контуров в полисинтагменных фразах многообразны и не демонстрируют строгой зависимости от протяженности фразы. Наблюдается обязательное наличие разнообразия в использовании тональных контуров внутри полисинтагменных фраз, включая финальные позиции во фразе.

2. Просодический портрет подготовленной речи отличается предсказуемостью и стремлением к реализации определенных тенденций. Так, синтагматическое членение подготовленной речи относительно равномерное, с превалированием двухакцентных синтагм во всех позициях во фразе. Как следствие аналогичные фразы имеют меньшее количество синтагм в подготовленной речи по сравнению со спонтанной. Таким образом, фразовая выделенность распределяется равномерно по наиболее значимым смысловым элементам высказывания. Тональные контуры подготовленной речи обладают меньшим разнообразием по сравнению со спонтанной речью, в основном, за счет однообразного типа шкалы (высокой ровной или постепенно-нисходящей). Последовательности тональных контуров в полисинтагменных фразах также демонстрируют четкую тенденцию следования своим основным значениям: в финальной позиции реализуется нисходящий тональный контур, в нефинальной – все тональные контуры. Данная закономерность ограничивает возможную вариативность в сочетаемости тональных контуров в подготовленной речи. Фактически вариативность отмечается только в оформлении начальной и срединной частей фразы, в то время как финальная часть звучит единообразно.

3. Полное совпадение в тональном оформлении подготовленной и спонтанной речи с идентичным содержанием в речи одного диктора обнаруживается в нашем материале исключительно в коротких фразах, варьирование в оформлении которых ограничено их протяженностью. С увеличением длительности фразы вероятность совпадения стремится к нулю, что демонстрирует отсутствие регулярной обусловленности выбора тонального контура и их последовательности от логико-смысловых отношений во фразе, зато полностью подтверждает существенность степени подготовленности устной речи как фактора ее просодического оформления. Иными словами, при идентичных логико-смысловых связях один и тот же говорящий использует различные последовательности контуров, их конфигурации и синтагматическое членение в подготовленной и спонтанной речи. Данный факт также свидетельствует о функциональной многозначности самих тональных контуров, ведущей к практически неограниченной вариативности в их сочетаемости. Представляется, что именно интонационное многообразие устной речи способствует ее естественному, непринужденному звучанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карневская, Е. Б.* Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учебник / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно, Л. Д. Раковская ; под ред. Е. Б. Карневской. – Минск : Аверсэв, 2003. – 400 с.
2. *Шевченко, Т. И.* Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : Ленанд, 2015. – 232 с.
3. Фонетика спонтанной речи / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. Н. Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 248 с.
4. *Яскевич, В. В.* Взаимодействие факторов фонетического варьирования: (в чтении и спонтанной речи взрослых и подростков в американском варианте английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Яскевич Виталий Валерьевич. – Минск, 2007. – 151 л.
5. *Цымбал, А. Ю.* Интонационно-стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики устных презентаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Цымбал Анастасия Юрьевна. – Иваново, 2015. – 23 с.

Поступила в редакцию 10.03.2025

Рубанова Евгения Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры романо-
германской филологии
Могилёвский государственный
университет имени А. А. Кулешова
г. Могилёв, Беларусь

Yauheniya Rubanova

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romance and Germanic Philology
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
rubanova@m.msu.by

**СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ЭТНОНИМОВ
В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ**

**WAYS AND TECHNIQUES FOR CREATING SECONDARY ETHNONYMS
IN ENGLISH SLANG**

В статье рассматриваются основные способы и приемы создания вторичных этнонимов в английском сленге: деривация от первичных этнонимов, трансформация имен собственных, заимствование, языковая игра, рифмованная субституция и другие.

Ключевые слова: *этноним; вторичный этноним; английский сленг; номинация.*

The article examines the main ways and techniques for creating secondary ethnonyms in English slang: derivation of primary ethnonyms, transformation of proper names, borrowing, wordplay, rhyming substitution, and others.

Keywords: *ethnonym; secondary ethnonym; English slang; naming.*

Как известно, этноним представляет собой название этнической общности. В «Большой российской энциклопедии» дается ряд однокоренных понятий: этнонимиики (от греч. *ἔθνος* – племя, народ и *ὄνυμα* – имя, название), раздела языкознания, занимающегося изучением значения, происхождения, распространения, функционирования и структуры этнонимов, и этнонимии, представляющей совокупность этнонимов, вошедших в лексико-грамматическую систему языка [1]. Для уточнения понятия *этноним* следует обратиться к понятию этнической общности. В том же источнике находим определение: «Этническая общность, группа людей (народ), обладающих общим самосознанием (этнической идентичностью), а также обычно общими языком и чертами культуры» [Там же]. Главным признаком этнической общности является наличие этнической идентичности. В определении «Британской энциклопедии» указано, что «этническая группа – это социальная группа или категория населения, которая

в рамках более широкого общества выделяется и объединяется общими узами расы, языка, национальности или культуры» (перевод наш. – Е. Р.) [2], что позволяет говорить о схожей трактовке понятия в указанных источниках.

В мире насчитывается свыше пяти тысяч этнических общностей численностью от нескольких сотен до ста и более миллионов человек [1]. Имея такое разнообразие этнических общностей и их наименований в разных языках, закономерно, что этнонимия довольно давно привлекает интерес не только историков, этнографов и социологов, но и лингвистов. Например, в 1967 г. была создана группа ономастики Института этнографии АН СССР, которая начала работу именно с исследования этнонимов и издала сборник «Этнонимы» под редакцией В. А. Никонова с его заглавной статьей [3].

Обзор имеющихся к 2010 г. трудов по вопросам этнонимии находим в диссертации Д. А. Шен. Среди них и уже упомянутый В. А. Никонов, прослеживающий историю возникновения этнонимов русского языка, Г. Ф. Ковалёв и D.L. Gold, изучающие морфологические особенности этнонимов, М. М. Маковский, В. Н. Шапошников и М. З. Закиев, рассматривающие исторический аспект этнонимии. В трудах Е. Л. Березович, Д. П. Гулик, Е. Н. Лучинина, А. М. Железняк подчеркивается роль этнонима в построении ономастического портрета «человека этнического», а этноконнотации трактуются как средство выявления стереотипизированных свойств национальных характеров [4]. Таким образом, изучение этнонимов ведется в разных направлениях. Часто оно связывается с исследованием национального характера и этнических стереотипов [5; 6]. Среди диссертаций последних лет можно отметить работу К. А. Сухаревой, выполненную на материале русскоязычного рекламного дискурса [7], И. В. Щепачевой, исследующей изображение афроамериканской идентичности [8], Н. Е. Григорьевой, изучавшей диалектную этнонимику на материале псковских говоров [9] и др.

Так как этнонимы бытуют как в литературном языке (общепринятая этнонимия), так и в территориальных диалектах и говорах, жаргонах, просторечии [1], для изучения этнонимии английского языка необходимо обратиться к сленгу, изучение которого позволяет дополнить языковую картину мира, в том числе благодаря довольно явному противопоставлению «своих» и «чужих», представителей этноса и иностранцев. Как отмечал С. Б. Флекснер, известный американский лексикограф, «в различные периоды истории сленг изобиловал словами, отражающими страх, недоверие и неприязнь к людям, непохожим на нас. Эта нетерпимость проявляется во многих уничижительных сленговых словах для

различных иммигрантских, религиозных и расовых групп: Chink, Greaser, Heinie, Hunkie, Mick, Mockie, Nigger, Spik. Многие уничижительные слова пытаются определить наш собственный групповой статус, чтобы подтолкнуть других усомниться в превосходстве нашей группы, а следовательно, и в нашем собственном» (перевод наш. – Р. Е.) [10].

Несмотря на довольно четкое определение понятия *этноним*, представленного в энциклопедических изданиях, у исследователей этнонимии остаются вопросы о ее границах.

Исследователь Д. А. Шен по тематическому признаку классифицирует английские этнонимы следующим образом:

- 1) названия жителей частей света, материков, сторон света (*African*);
- 2) названия представителей рас: «чистых» (*Alpine*) и смешанных (*Aframerican*);
- 3) этнонимы, называющие представителей народов / племен (Европы (*Basque*), Азии (*Baluchi*), Африки (*Bantu*), Северной Америки (*Eskimo*), Южной Америки (*Aymara*), островных народов (*Hova*));
- 4) наименования жителей государств (*Algerian*);
- 5) этнонимы, называющие жителей провинции / региона / штата (*Lowlander*);
- 6) названия жителей городов (*Aberdonian*);
- 7) наименования жителей районов города (*Belgravian*);
- 8) названия жителей островов (*Aleut*);
- 9) наименования жителей горных районов (*Altaian*);
- 10) этнонимы со сложным денотатом [4, с. 11–13].

Предложенный подход отличается от более узкого традиционного взгляда, исключающего, например, названия жителей городов или районов городов.

Материал данного исследования включает сленгизмы-этнонимы, отобранные из онлайн-словаря английского сленга Дж. Грина [11]. Отбор примеров осуществлялся с учетом фиксации в дефиниции сленгизма национального признака ('French', 'Russian', 'Chinese' и т. п.). Данные семы коррелируют с перечнем национальностей (List of nationalities), размещенным на сайте правительства Великобритании. Из отобранных таким образом сленгизмов исключены единицы, обозначающие предметы, абстрактные понятия и т. п., не являющиеся наименованиями людей. В работе анализируются вторичные этнические названия, для обозначения которых могут также использоваться термины *прозвищные этнонимы*, *этнические клички*. Цель исследования – выявить способы и приемы создания вторичных этнонимов английского сленга.

Общеизвестно, что для создания первичных этнонимов в английском языке используются суффиксация и субстантивация (например, *a Greek / the Greek, an Italian / the Italian*). В английском сленге для указания на национальную принадлежность могут использоваться дериваты первичных этнонимов (*Frenchie, Irishier, Chineer, Greko, Jappy*). В образовании сленгизмов данной группы участвуют суффиксы *-er, -ee, -ie, -y, -o*. При этом для обозначения представителей какой-либо национальности могут создаваться сленгизмы, образованные от одной деривационной основы с помощью разных суффиксов (*Irishier, Irishy; Chineer, Chino*). Встречаются и нетипичные суффиксы *-vak, -ski* (*Litvak, Polack, Rusски*), появившиеся в результате заимствования.

Первичные этнонимы могут принимать участие и в иных деривационных процессах. Например, название австралийцев *Aussie*, имеющее вариант *Ozzie*, при слиянии с *Chinese* породило *Chozzie* 'a Chinese-Australian person', а блендинг основ *Chinese* и *nigger* привел к возникновению сленгизма *chigger* '(US black) a derog. term for a person of mixed black and Chinese parentage'. В результате сокращения первичных этнонимов возникли сленгизмы *Mex* 'a Mexican, a nickname for a Mexican', *tally* 'an Italian', *pania / panya* '(W.I., Bel.) a Belizian of Spanish descent'.

Однако чаще в английском сленге используются не дериваты первичных этнонимов, а иные ресурсы языка. Среди них выделяются имена собственные. Для большинства наименований этнических групп используются традиционные имена и фамилии (*Ivan* 'a generic term for a Russian; thus a Communist', *Otto* 'a derog. name for a German, with an implication of stolidity; thus generic for a stolid, unimaginative person', *Paddy* 'an Irishman, a generic term for the Irish', *Goldberg* '(US black) any Jew, esp. the shop-owners of Harlem and other ghettos'). В результате анализа установлено, что для обозначения представителя одной и той же этнической группы могут использоваться два и более имен собственных. Например, на национальную принадлежность немца указывают имена *Fritz, Hans, Heinei, Herman, Otto*, на еврея – *Abie, Cohen, Goldberg, Ike, Izzy, mockie, schneider, Solly, Solemon Issac, Yossel*. Женские имена встречаются редко (*Fifi* 'a French prostitute working in London').

Среди особенностей перехода имен собственных в нарицательные исследуемой группы следует отметить, что помимо написания имен с заглавной буквы вторичные этнонимы могут иметь полностью строчное написание (*mulligan* 'as a generic Irish name Mulligan', *schneider* 'a Jew'). Кроме того, отмечаются варианты передачи имен (*Izzy, Issey; mockie, moskey, mosky, moxie*). Примечательно и то, что одно и то же имя может

быть использовано для представителей разных этнических групп. Например, имя *Hans* служит как для обозначения голландца, так и немца, имя *Hymie* – как для еврея, так и немца. Помимо традиционных имен могут использоваться и нетипичные для обозначаемой национальности имена собственные. Так, для обозначения китайцев помимо стереотипных имен *Ah*, *Chang* используются *Joe* в *Joe Chink*, *John* в *John Chinaman*, а также *Paddy* и *Pat*. Использование имени *John* можно объяснить связью с более ранними значениями этого сленгизма ‘a generic term for a man’, ‘a male servant, public or private’, сленгизма *Joe* – со значением ‘a generic name for a person, e.g. *joe average*, *joe citizen*, the average man in the street; also one who has a job or position’, т. е. данные имена имели более широкое значение ‘человек’. Использование ирландского имени в отношении китайцев обусловлено присущим этому сленгизму значением, указывающим на любого иностранца (use of *Paddy* as generic for any foreigner; plus note SE *paddy field*, a rice field, common in China [11]).

Имена собственные могут служить основой для словосложения (*Patlander* ‘an Irish person’ от *Patland* ‘Ireland’, где *Pat* – вариант имени *Patrick*), слияния (*murphia* ‘the expatriate Irish people living in the UK, esp. those who have prospered; also attrib.’ = *Murphy* + *mafia*), сокращения (*tad* ‘(US) an Irish Catholic; also as adj.’ от *Thaddeus*).

Отдельную группу вторичных этнонимов составляют заимствования. В результате заимствования иностранные слова, связанные с языком этнической группы, для обозначения которой они используются, могут как в целом сохранять свою изначальную форму, так и частично или радикально меняться. Например, этноним *Russki* близок по форме слову *русский*, *hoch*, используемое для обозначения немца, совпадает с немецким междометием *hoch!*, а заимствованное из хинди *gora* / *gorah* (गोरा (*gorā*)) обозначает британца или европейца. Однако чаще иностранное слово подвергается изменениям. Так, для обозначения русского используется *Rooshian*, американца итальянского происхождения – этноним *gumbo*, образованный от *goombah*, еврея – слово *Yid*, возникшее от германского *Jude*. При этом сложные иностранные слова сокращаются и упрощаются. Например, из голландского *Hoogmogendheiden* ‘High Mightinesses’ получилось довольно забавное *hogan-mogan* / *hogen-mogen* или просто *hogen*. При этом решается как вопрос ассимиляции иностранных слов, так и проявляется стремление к языковому творчеству. Языковая игра с формой этнонима может приводить к разнообразным вариантам. Так, для обозначения итальянца используются разные звуко-буквенные

ассоциации со словом *Italian*: *Eyetalian*, *Eyetie*, *eyetallyano*, *eye-tye*, *eyeto*, *eyetie*, *Iti*, *I-Tie*, *Itie*. Обозначение еврея *Yid* стало словообразовательной основой для целого ряда сленгизмов с тем же значением: *Yidder*, *Yiddo*, *Yiddy*, *Yiddisher*, *Yiddle*, *Yit*, *Yit*, что также можно отнести к языковой игре.

Как мы видим, в качестве заимствованного слова выбираются не только иностранные обозначения национальной принадлежности, но и иные слова, с которыми ассоциативно связываются представители называемой этнической группы. Например, итальянское слово *peasant* в принятом на итальянском языке значении 'крестьянин' стало обозначением итальянца, а слово *mpongo*, имеющее значение 'человекообразная обезьяна' в Анголе и Лоанге, приобрело сленговое значение 'британец' в Австралии и Новой Зеландии. Так как иностранца всегда выделяла чужая непонятная речь, ряд вторичных этнонимов в основе имеет ассоциативную связь с иностранным языком. Например, французские фразы *Parlez-vous français?*, *Oui, oui*, *Qu'est-ce qu'il dit?* легли в основу вторичных этнонимов *parleyvoo*, *wee-wee*, *kiskeedee* / *keskydee*, служащих для обозначения французов. Имитация речи китайцев привела к возникновению этнонимов *chimpung*, *ching-chong*, *pong* для номинации соответствующей этнической группы. Одной из версий возникновения сленгизма *spic* в отношении итальянца и латиноамериканца является выбор формы неправильного произношения фразы *no spicka da English*, которая означает 'I don't speak English'.

Декодирование ряда подобных вторичных этнонимов представляет непростую задачу. Например, Дж. Грин связывает этнонимы *Boche*, *Bosche*, *Bosh*, *Bush* с французским *caboche* 'голова' или *Alboche*, модификацией *Allemand* в немецком. Ссылаясь на работу Фрейзера и Гиббонса «*Soldier & Sailor Words & Phrases*» (1925), лексикограф предполагает, что корень возник около 1860 г. в парижском сленге низшего класса, где означал плохую участь, а переход к обозначению немцев произошел после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда противником все еще были «*les Prussiens*» [11]. Как отмечает Е. В. Годунова, рассматривающая в диссертации девять наименований этносов в английском сленге, изучать национальные клички необходимо в историко-социальном контексте. Исторические факты проливают свет на развитие лексики этнических прозвищ [12, с. 12].

Однако большая часть проанализированных этнонимов представляет собой сленгизмы, образованные за счет внутренних ресурсов английского языка.

При этом активно задействуется лексика ряда тематических групп.

Часто в основе этнонима лежит наименование продуктов питания или национальных блюд. Среди сленгизмов, указывающих на гастрономические предпочтения представителей разных национальностей, выделяются как наименования блюд и продуктов, употребляемых в пищу (*sausage* 'a German', *noodle* '(US) a Chinese or East Asian person', *peasoup* '(US) a French-born immigrant'), так и композиты, включающие их (*garlic-eater* '(US) a derog. term for a French, Spanish, Portuguese or Italian person', *bean-choker* 'a Spanish-American', *bagel-bender* 'a Jew'). Кроме того, от гастрономических названий образуются и аффиксальные дериваты (*ice-creamer*, *matzer*, *porker*, *porky*). Среди компонентов этой тематической группы выделяются обозначения овощей и фруктов (*cabbage-eater*, *cabbage-head*, *grape-stomper*), супов (*peasoup*, *jean potage*), основных блюд и гарниров (*baloney bender*, *meatball*, *steakdahoyst*, *rice-eater*), сдобы и десертов (*current bun*, *ice-creamer*) и др., а также напитков (*Pepsi*, *beerhead*, *lagerhead*). Среди вторых компонентов сложных слов встречаются *-eater*, *-head*, *-snapper*, *-smacker*, *-bender*, *-choker*. При этом могут сохраняться и ассимилироваться заимствованные наименования *kraut* / *krout* / *sauerkraut*, *kraut-eater*, *krauthead*, *Limburger*, *metzel*, *lokshen*.

Количество образованных «гастрономических» номинаций для обозначения разных национальностей варьируется. Например, для указания на итальянское происхождение используются многочисленные этнонимы: *macaroni*, *macaroni-smacker*, *macaroni-snapper*, *pasta-breath*, *spaghetti*, *spaghetti-bender*, *spaghetti-head*, *spiggoty*, *ice-creamer*, *garlic-snapper*, *garlic-eater*, *rice and sago*. Установлено, что один и тот же вторичный этноним может указывать более чем на одну национальность. Так, ассоциация с капустой лежит в основе обозначения и русского, и немца, и голландца, и австрийца. Один и тот же этноним чаще распространяется на жителей одного региона. Например, *grape-stomper* помимо обозначения итальянца используется для указания на жителей Средиземноморья (французов, испанцев, португальцев, греков).

В этнонимах, фиксирующих представления о внешних признаках расовой или национальной группы, используются иные тематические группы лексики. Такие сленгизмы часто представляют собой сложные номинации, в состав которых входят наименования частей тела (*head*, *face*, *eye*, *nose*, *neck*, *back*, *belly*). Например, *moon-face* '(US) an Asian person; thus *moon-faced*, *moon-eyed*, having Japanese or Asian features', *redneck* 'Irish', *big nose* 'a derog. name for a Jew; also as adj.' В сложных наименованиях, где комбинируется название части тела с его определением, характерный

признак (цвет, форму и т. п.) отражает первый элемент: *yellow face* 'a Chinese person, usu. derog.', *plate-face* '(Aus.) a derog. term for an Asian, orig. Vietnamese', *narrow back* '(US) an Irish person, esp. a second-generation immigrant'.

Сленгизмы, содержащие в структуре композита элемент *head*, могут указывать и на иные признаки (ср. *boxhead*, *flathead*, *hophead*, *ironhead*, *marblehead*, *squarehead*). Например, в семантической структуре сленгизма *flathead* первичным значением является 'a foolish, stupid person', а значения '(US) a Pole', '(US) a Lithuanian', 'a Jew', 'a German settler in Dakota or Wisconsin' производными. Следует также отметить, что в сленге *-head* часто используется в различных сочетаниях как полуаффикс для создания негативных номинаций, в том числе для обозначения глупого человека. В американском сленге реализуется и значение *-head* '(US) used in a variety of derog. combs. to mean a person of a specific (and alien) ethnic origin', что также следует учитывать при декодировании подобных названий.

Представление о национальной принадлежности закономерно связывается с географией проживания народа и природными особенностями страны, поэтому сленговая номинация может реализовываться, например, с использованием лексем, указывающих на географические признаки страны. Так, длинный ряд сленговых обозначений ирландцев содержит компонент 'болото': *bog*, *boggy*, *bog Arab*, *bog hopper*, *bog rat*, *bog trotter*, *bog wog*, *bogger*, *straight from the bog*. Образы природы включают флору и фауну (*bamboo* 'Chinese', *cornstalk* 'an Australian, esp. one who originates from Europe and is based in New South Wales', *bear*, *grizzly* 'a Russian'). Активнее используются анималистические образы (*terrier* 'an Irish person', *canary* / *canary-face* '(Aus./N.Z.) a Chinese immigrant', *moose* '(US) a young Japanese or Korean woman, esp. a prostitute, or the wife or mistress of a serviceman stationed in Japan or Korea'). Разнообразные образы флоры и фауны используются для обозначения австралийцев и новозеландцев, что, по-видимому, связано, с богатым и экзотичным для европейцев миром природы Австралии и Новой Зеландии (*Kiwi*, *pure merino*, *dingo*, *geebung*, *kangaroo*, *koala-shagger*). Ассоциативно с животным человека определенной этнической группы связывает не только ареал распространения животного, его внешние характеристики и поведенческие особенности, но и гастрономические предпочтения нации: *frog* 'a French'. Последний сленгизм породил ряд дериватов в отношении французов и Франции (*frog-swallower*, *frog-eater*, *frog*, *Frog*, *Froggie*, *froggy*).

Кроме указанных выше тематических групп могут быть задействованы наименования людей. Среди них встречаются названия рас и национальностей, используемые в отношении иных этнических групп (*white nigger*

'a Mediterranean and thus relatively dark-skinned immigrant to the US, e.g. a Greek or Italian', *Dutch* 'a nickname for a German', *Greek* 'a derog. term for an Irish immigrant to the US or UK'), названия людей определенной профессии или рода занятий (*pope* '(US) an Irish (and Roman Catholic) person', *monk* '(US) a Chinese person', *organ grinder* 'an Italian, spec. an immigrant'), социального статуса (*don* 'a Spaniard', *Hun* 'a derog. term for a German, the German army') и другие (*reffo* (refugee) '(Aus.) a derog. term for any European (esp. Italian, Greek, Yugoslav) immigrant to Australia').

Для создания вторичных этнонимов могут использоваться наименования предметов, локаций, действий, ассоциирующихся с культурой и бытом представителей этнических групп. Например, для обозначения китайцев и азиатов в ход идет название *chopsticks* 'палочки для еды', а для номинации ирландцев – название музыкального инструмента *harp* 'арфа' (ирландская / кельтская арфа стала национальным символом независимой Ирландии). Японцы, занимающиеся производством микрочипов, в сленге имеют вторичное прозвище *micro-chip*. Благодаря известной своими замками и зеленым Ирландии в сознании англичан номинации *Castle*, *Castle Catholic*, *Emeralder* связались с ирландцами. Сбор риса стал основой для создания этнонима *rice-picker* в обозначении китайцев, а ношение деревянных башмаков голландцами привело к возникновению номинации *clog-clatters*.

Отдельно следует рассмотреть вторичные этнонимы, возникшие в результате рифмованной субституции, способа номинации, характерного для английского сленга. В английской традиции используется термин *rhyming slang*, который изначально подразумевал рифмованный сленг кокни. Следует, однако, отметить, что в отношении способа создания рифмованного сленга правильнее использовать термин *рифмованная субституция*. Данный термин вместо принятого в зарубежной англистике введен профессором Т. К. Беляевой [13]. Этот способ создания сленгизмов давно вышел за рамки социальной среды кокни Лондона и используется сегодня в разных разновидностях сленга. В результате действия рифмованной субституции возник и ряд вторичных этнонимов (*bubble and squeak* 'a Greek', *muddy trench* 'French', *tea-caddy* 'Paddy = an Irish person'). Наибольшее количество рифмованных сленгизмов зафиксировано со значением 'Jew': *box of glue*, *half past two*, *kangaroo*, *pull-through*, *Rhapsody in blue*, *buckle my shoe* и др. Подобные единицы могут рифмоваться как с литературным наименованием 'Jew', так и со сленговыми этнонимами (*kike* 'Ike', *Cisco kid*, *saucepan lid*, *God forbid* 'Yid').

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о разнообразии способов и приемов создания вторичных этнонимов в английском сленге, среди которых выделяются деривация от первичных этнонимов с помощью аффиксации, слияния, сокращения, заимствование с разной степенью адаптации, трансформация имен собственных, словосложение и рифмованная субституция. При использовании внутренних ресурсов английского языка создаются вторичные этнонимы на базе наименований разных тематических групп (названий продуктов питания, национальных блюд и напитков, предметов быта и производства, географических особенностей мест проживания этнических групп, представителей флоры и фауны, частей тела человека, цветообозначения и др.). Вторичные этнонимы сленга демонстрируют существенную вариативность форм. Кроме того, зачастую сленгизмы, служащие для обозначения национальной принадлежности, представляют собой результат языковой игры, характерной для сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/ethnic-group> (date of access: 10.02.2025).
3. Никонов, В. А. Этнонимия / А. В. Никонов // Этнонимы. – М. : Изд-во «Наука», 1970. – С. 5–31.
4. Шен, Д. А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Дарья Александровна Шен. – Н. Новгород ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – 2009. – 22 с.
5. Миньяр-Белоручева, А. П. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы персонификации и вербальные образы-антропонимы / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 52–65.
6. Сорокина, Н. В. Национальный стереотип как междисциплинарная проблема / Н. В. Сорокина // Гуманит. вектор. – 2011. – № 1 (25). – С. 51–59.

7. *Сухарева, К. А.* Этноним *русский* и его производные в моделях речевого воздействия (на материале современного отечественного рекламного дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ксения Андреевна Сухарева. – Н. Новгород ; Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – 26 с.
8. *Щепачева, И. В.* Специфика изображения афроамериканской идентичности в романах Персиваля Эверетта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Инна Владимировна Щепачева. – Казань ; Казан. фед. ун-т. – 2022. – 21 с.
9. *Григорьева, Н. Е.* Этнонимы в диалектной лексико-семантической системе (на материале псковских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Евгеньевна Григорьева. – Калининград ; Балт. фед. ун-т им. И. Канта. – 2020. – 25 с.
10. Preface // Dictionary of American Slang / compiled and ed. by H. Wentworth and S. B. Flexner. – New York : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – P. 6–15.
11. *Green, J.* Green's Dictionary of Slang / J. Green. – URL: <https://greensdicto-fslang.com> (date of access: 13.02.202).
12. *Годунова, Е. В.* Этнокультурная специфика английских социальных диалектов в синхронии и диахронии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Екатерина Дмитриевна Годунова. – М. ; Воен. ун-т. – 2012. – 21 с.
13. *Беляева, Т. М.* Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.

Поступила в редакцию 19.03.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'42: 654.10(476) (043.3)

Гладко Марина Александровна

доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
речеведения и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Maryna Hladko

Habilitated Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Speechology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
mgladko29@gmail.com

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО КОНВЕРГЕНТНОГО РАДИО

COMMUNICATIVE AND DISCURSIVE CHARACTERISTICS OF BELARUSIAN CONVERGENT RADIO

В статье представлены результаты исследования коммуникативно-дискурсивных характеристик белорусских радиотекстов в условиях конвергенции средств массовой коммуникации. Показано, что кроме информирования сайт радиоканала выполняет такие функции, как демонстрационно-презентационную, имиджевую, эмоционально настраивающую и т.д.; социально-сетевой дискурс – рекреативную, самовыражения, социализирующую. Предпринят анализ типов текстов, модификаций жанров радиодискурса (*приращение, трансфер, адаптация*), обусловленных развитием конвергентных технологий. Установлено, что коммуникативное взаимодействие в социально-сетевом радиодискурсе осуществляется по четырем моделям: *приватно-личностной, игровой, фатической, децентрализованной*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *радиодискурс; конвергентное радио; жанр; жанровые модификации; модель коммуникативного взаимодействия.*

The article deals with results of the study of communicative and discursive characteristics of Belarusian radio texts in the context of mass media convergence. It shows that besides informing, the radio channel's website performs such functions as demonstration and presentation, image, emotionally adjusting and activating communicative activity. The article analyzes modifications of radio discourse genres related to the development of convergent technologies (*increment, transfer, adaptation*). The article reveals that communicative interaction in social network radio communication is carried out according to four models: *private-personal, game, phatic, decentralized*.

Key words: *radio discourse; convergent radio; genre; genre modifications; model of communicative interaction.*

Радиодискурс как совокупность дискурсивных практик, характеризующийся дистантностью, опосредованностью, всеохватностью, массовостью и доступностью [1, л. 32], принято считать особым типом коммуникативной деятельности. Звуковую реализацию текста – радиоречь – составляют несколько знаковых систем: вербальная семиотическая система, интонация, музыкальное оформление, различного рода шумы, транслируемые по звуковому каналу радиостанции [1, л. 134], которые осуществляют смысловое наполнение передачи. При этом сочетание невербальных содержательных компонентов с вербальными формирует радиотекст на основе метафорического переноса, конструирует ткань акустического образа адресанта сообщения, участников обсуждения, обсуждаемых фактов [2, с. 20; 3, с. 92].

Исследования ведущих лингвистов и журналистов показывают, что коммуникативной характеристикой радиоречи является особый характер соотносительности с жизненным пространством слушателя в координатах социального пространства-времени. Если просмотр телепередачи в большинстве случаев имеет целенаправленный рекреативный характер (помимо получения информации об актуальных событиях, сведений об окружающем мире), то радиоречь становится частью жизни слушателя, формируя фоновую рекреативность. Ощущаясь адресатом как нечто вмещенное в его жизнь, радиодискурс обозначается речевыми жанрами, лексико-грамматическими единицами, обязательно содержащими компонент, репрезентирующий сферу субъекта речи (субъективно-модальные, оценочные значения и т.д.). Это обуславливает значимость личностного начала, фатического компонента радиокоммуникации.

В спонтанном (разговорном) радио ведущие в своих публичных образах строят псевдоблизкие отношения с адресатом. Эта псевдо-фамильярность актуализируется дружеской тональностью общения, преобладанием фатических (светская беседа, подтрунивание, шутка, сравнение, похвала, комплимент и т.д.) [4, с. 147], фатико-рекреативных жанров, высокой частотностью разговорных языковых единиц. Обыденность, создаваемая и поддерживаемая ведущим посредством этих паттернов, привносит стабильность и фамильярность в данную опосредованную форму общения и, таким образом, имитирует ту псевдоблизость, «которую мы находим в звонках матери и дочери» [5, р. 445].

«Конвергентный скачок» в сфере массовой коммуникации обусловил появление новых коммуникативных технологий и практик в радиокоммуникации (инфотейнмент, интерактивность) [1, л. 215–217], обеспечивающих максимальное коммуникативное приближение к адресату.

Объединение мономедийных каналов коммуникации (радио, телевидения) в полифункциональные медийные комплексы, осуществляющие трансляцию в интернете, отражают процесс конвергенции [1, л. 179]. Как следствие, в электронной среде формируется измененный медийный продукт – текст, организованный «на пересечении разных семиотических систем, характеризующийся поликодовой многоуровневостью, смысловой и композиционно-структурной открытостью [6, с. 73]. Эти особенности воплощает конвергентный радиодискурс, среди типологических признаков которого выделяются: гипертекстовость, нелинейность [1, л. 89], «семантическое и структурное объединение единиц разных уровней вербальной и невербальной семиотики в информационно-коммуникационный поток» [6, с. 72]. Существенные изменения радиокommunikации дают основание для исследования дискурсивных трансформаций, произошедших в радиопространстве.

Цель статьи заключается в выявлении функциональных и коммуникативно-дискурсивных характеристик белорусского конвергентного радио. Материалом исследования послужили 200 текстов сайтов, а также 1000 текстов цифровых медиаформатов (Инстаграм, Фейсбук, TikTok) белорусских радиостанций.

Радидискурс в данной работе понимается как совокупность текстов радио совместно с рядом факторов (прагматических, социокультурных, психологических и т.д.). Представим характеристики национального конвергентного радиодискурса по следующим параметрам: типы текстов, функциональная и жанровая специфика, реализация тематического единства, модели коммуникативного взаимодействия.

Анализ форматных характеристик текстов радио позволяет разделить их на несколько групп в зависимости от того, кто является автором/адресантом, какова его коммуникативная цель, какая форма коммуникации предполагается при его участии, в рамках какого типа медиа эти тексты создаются. На основе этих критериев выделим:

1) медиатексты первого порядка (*стержневые презентативные*) – создаются коллегиальным, преимущественно профессиональным автором; конструируют функционально-содержательные презентативные блоки (консультативный, рекреативный, информационно-аналитический) в эфирном радио, а также в цифровых каналах (на сайте, в социальных сетях, мессенджерах радиостанций); призваны оказывать воздействие через информирование и рекреативизацию; форма коммуникации – устная; базовый тип медиа – эфирное/аналоговое радио;

2) медиатексты второго порядка (*аттрактивно-презентативные*) – создаются коллегиальным профессиональным автором; представляют, или анонсируют центральную тему стержневого радиотекста в цифровых каналах, т.е. конструируются в модифицированном виде на основе текстов первого порядка, задающих коммуникативную линию; коммуникативные установки – привлечение внимания, информирование, рекреативизация, активизация коммуникативного взаимодействия участников; форма коммуникации – письменная;

3) медиатексты третьего порядка (*автопрезентационные*) – создаются зрителями/слушателями в рамках эфирного текста (звонок в студию) и/или цифровых медиаформатов телевидения и радио; коммуникативные установки – самовыражение, самоактуализация, социализация; форма коммуникации – как устная, так и письменная. Разделение на данные группы обусловлено типом автора, его целями, разными видами речевой деятельности адресата: прослушивание/просмотр в первом случае; письменная или устная коммуникация – во втором. Заметим, что белорусский конвергентный гиперрадиотекст конструируется преимущественно аттрактивно-презентативными и автопрезентационными текстами.

Радиотекст, представленный на **сайте**, состоит из множества *макротекстов* различных форм – вербально-визуальных и аудиовизуальных: представление ведущих, аудиозаписи, подкасты, видеозаписи или стрим передач, а также *микротекстов*: описание радиоканала, анонс, комментарий радиослушателя, новостные, рекламные сообщения, фотографии с надписями. Все они объединены сайтом радиостанции в единое коммуникативное целое, гиперрадиотекст, выполняющий структурирующую и организующую деятельность пользователя функции [7], призванный создавать особое психоэмоциональное пространство, объединять пользователей в зависимости от их интересов, например, любителей рок-контента, динамичного, энергичного или спокойного, домашнего образа жизни.

Макротексты обладают структурой различной «глубины». Так, *представление ведущих* имеет две формы: короткую *презентационную* (антропоним, должность, визуализация/фотография ведущего) и связанную с ним межтекстовой ссылкой *расширенную персонифицированную* форму, которая в 98 % случаев включает обязательные компоненты: ‘описание хобби’, ‘причины работы на радио’. Соответственно, формируется внутренний

контекст когнитивно-речевой модели восприятия субъектов коммуникативного пространства радио, который сфокусирован на личностно окрашенных основах координации образов коммуниканта-модератора.

Макротексты *подкасты, аудиозаписи, видеозаписи* представлены метамаркером визуальных кодов (фотографический, картинки) и экспликацией темы программы, выполняющей навигационную функцию: *Утренний расклад. Вам нужно принять верное решение? Оставьте заявку – мы поможем* («Радио Юнистар»). Расширенный вариант репрезентирован детальным текстовым описанием с обязательными ('содержание', 'ведущие', 'время эфира') и опциональными (аудио- или видеозапись, форма для заполнения заявок) компонентами.

Кроме *информирования* сайт радиоканала осуществляет такие функции, как *навигационную, имиджевую, эмоционально настраивающую и активизирующую коммуникативную активность*, демонстрируя инструменты, вовлекающие в интерсубъектное взаимодействие. Так, главная страница содержит видеозаписи (интервью, развлекательные видео) с ведущими, визуальный ряд, демонстрирующий фотографии ведущих и/или студии, включает средства вовлечения в игровые/развлекательные виды деятельности: опросы, розыгрыши, голосование. Однако в целом сайты белорусских радиостанций выполняют преимущественно *демонстрационно-презентационную*, а также *структурирующую* функции, так как объединяют, ретранслируют и группируют передачи эфирного радио, расширяя временные рамки коммуникативного пространства (зритель может посмотреть передачу в записи в удобное время).

Тематическое единство, обеспечивающее функционирование стержневого презентативного и автопрезентационного радиотекстов, интерактивность, активное взаимодействие адресанта и адресата, представлено в **социально-сетевом радио**: социальных сетях и мессенджерах. Гиперрадиотекст формируется за счет макро- и микротекстов, расширяющих и дополняющих стержневой медиатекст, который включает в себе главную коммуникативную линию: видео/фоторяд + сообщение (представлено монтажом жанров) + хэштеги + комментарии.

Персонификация участников расширяет возможности радиокоммуникации от информационно-рекреативных до создания круга «потенциальных друзей» из числа слушателей-пользователей со схожими интересами, а также осуществления индивидуальной связи по осям *журналист (редакция) – слушатель, слушатель – слушатель*, что затруд-

нительно реализовать в эфире. В совокупности данные характеристики обеспечивают ключевые функции данного типа конвергентного радиодискурса: *рекреативная, самовыражения и социализирующая*.

В социально-сетевом радио коммуникативные интенции самовыражения, экспликации эмоционального состояния и личностных смыслов, а также социализации оформляются в разнообразные виды диалогического общения с фатической, прагматической (эмоционально настраивающей, гедонистической) целеустановками. Коммуникативное взаимодействие с адресатом осуществляется симметрично, т.е. автор/журналист общается со слушателями как в эфире, так и в конвергентном радио. При этом присутствует единое тематическое ядро, заданное в эфирном и конвергентном сообщении (посте) журналиста. Зачастую общение продолжается после эфира посредством автопрезентационных текстов. При этом тематическое единство гиперрадиотекста обеспечивается посредством постов, представляющих жанры:

приглашение: РАНАК РОБІМ РАЗАМ! 🗣️💬 Далучайцесь да размовы ў Telegram-чаце са студыяй («Радио Столица», ВКонтакте, 2022); анонс: ⚡СТАЛІЧНЫ ГОСЦЬ⚡ 📍 Працягваем размову пра тое, як наладжана ўзаемадзеянне ўлады з грамадзянамі. І на гэты раз на прыкладзе Першамайскага раёна. 📺 Відэаверсіі праграм можна паглядзець тут👉👉👉 («Радио Столица», ВКонтакте, 2023);

мини-отчет: Начинаем новую неделю! И закрываем прошлую итогами Золотого виража! После небольшого перерыва музыкальные гонки снова вернулись в эфир Рокса! И вот с какими результатами («Радио Рокс», Инстаграм, 27.09.2020);

презентация: ☒ Слушайте шоу «Утро в большом городе» каждый будний день с 7:00 до 10:30. 🎧 Ваше утро будет хитовым, весёлым и интересным, ведь за дело берутся профессионалы: Пётр Сафронов ... ! Вместе с утренним шоу вы сможете: 📺 проверить свой психологический возраст, 📺 узнать свое будущее у музыкального автомата... («Радио Юнистар», ВКонтакте, 2022);

информационные жанры (темы Жизнь знаменитостей, Неожиданные, удивительные факты из мира кино, музыки, Повседневная жизнь, Культура и искусство и т.д.).

РадIODискурс характеризуется высокой степенью неоднородности, что обусловлено его ключевыми свойствами – диалогичностью, интерактивностью, поликодовостью. Исследователи отмечают, что для радио-

дискурса наиболее характерно частотное использование таких типов речевых жанров, как информативные, этикетные, императивные, оценочные [8, с. 146], игровые и развлекательные [2, с. 23]. Наше исследование показывает, что конвергентный радиодискурс наполняется и расширяется посредством жанровых модификаций, которые позволяют обеспечить уникальный, отличный от эфирного радиодискурса ландшафт.

Традиционные информационные и познавательные жанры радиодискурса трансформируются за счет форм жанровых модификаций *приращение*, *трансфер* и *адаптация*. Так, жанр *мини-отчет* изначально представлен короткими сообщениями (2–3 предложения), отражающими тему и суть передачи. В последнее время текстовые репрезентанты этого жанра развиваются за счет содержательного расширения – *приращения*: констатация темы передачи дополняется жанрами *рецепт*, *мини-совет*, *рекомендация*, *пожелание*, а также *новостная заметка*, *отчет*, которые содержат основную информацию из стержневого текста (эфирной передачи): *Помогла нам справляться с непростыми жизненными ситуациями наш постоянный эксперт – медицинский психолог ... При попадании в стрессовую или психотравмирующую ситуацию, человеку важно иметь хорошо осознанные «опоры на ресурсы» ...* («Радио Мир», Инстаграм, 2023).

В целом конвергентному радиотексту наиболее типичны такие формы жанровой модификации, как *адаптация* или *трансфер + приращение*. Так, адаптация текста наблюдается в случае, когда традиционные фатические речевые радиожанры *приветствие*, *пожелание*, информационные жанры *отчет*, *заметка* модифицируются за счет поликодовости, наполняясь помимо вербального (аудио)визуальными кодами (видео, фотографический, графический). Жанровая модификация *трансфер + приращение* объединяет фатические жанры, которые переносятся из стержневого текста, и развлекательные жанры *видеошутка*, *видеоприкол* (видеоряд, демонстрирующий ведущих или забавное поведение животных, людей).

Не обусловленными тематической направленностью эфирного радио оказываются аудиовизуальные радиожанры *прикол*, *эксперимент*, *беседа*, *рекомендация* (по выбору книг, фильмов), *видеоальбом*, которые представлены в конвергентном радиодискурсе автономными текстами, детерминирующими ценностные установки радиоканала, типичные формы и способы общения (развлекательный, релаксационный, информационный и т.д.). Такие модификации призваны моделировать фрагменты медиакартины мира с гедонистической, праздничной установками.

Наиболее частотными для данных жанров являются темы рекреативной направленности *Повседневная жизнь (ведущих), Игра/развлечения* (нелепые эксперименты, конкурсы, танцы и т.д. с участием ведущих), *Интересы, впечатления, мнение известных людей*, например, *Спросили, как провели время наши ведущие в единственный выходной!* («Радио Мир», Инстаграм, 2023). При этом несколько изменяется роль профессионального адресанта: в конвергентном радиодискурсе он становится не только участником-организатором/модератором, направляющим коммуникативное взаимодействие адресата (например, участие в розыгрыше или игре, в которой активные участники – слушатели) и наблюдающим со стороны за развитием процесса. Журналист является активным участником – объектом розыгрышей, приколов, экспериментов (видео забавных, нелепых или искренних повседневных или рабочих ситуаций), т.е. особым информационным/информационно-развлекательным поводом в коммуникативном пространстве радио.

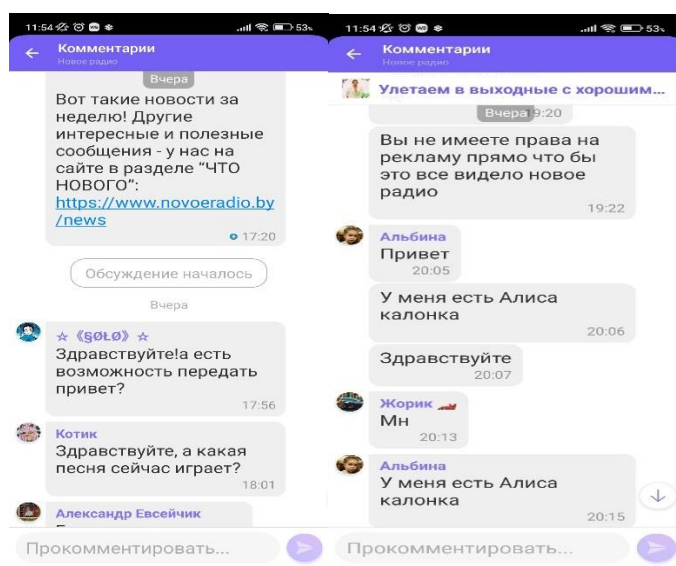
В социально-сетевом радиодискурсе общение разворачивается по самым различным осям коммуникативного взаимодействия: вертикальной (*журналист-организатор общения – слушатель*), горизонтальной (*слушатель – слушатель*), перекрестной (*журналист – гость – слушатель*). При этом доминантной оказывается легкая, непринужденная манера, реализуемая в рамках праздноречевых фатических жанров *приветствие, пожелание, поздравление, шутка, цитата, светская беседа (болтовня), поздравления/благодарность* (ведущих, слушателей с праздниками): *Хорошего понедельника! Пусть никакой дождь не испортит этот день* 🤔 («Новое радио», ВКонтакте, 2021); Редакция: *Эта неделя, несмотря на большие выходные, прошла очень насыщенно! Вот что мы делали ... А как прошла твоя неделя?* Good Satan: *Круто!* X-void: *Крутяк!* Ирина: *На этой неделе с дочерью посетили FALCON Club. Это было великолепно, круто!* («Народное радио», Вайбер, 2024).

В ходе исследования выявлено, что коммуникативное взаимодействие осуществляется по четырем моделям: 1) *приватно-личностной*, обусловленной механизмами коммуникативной технологии «новая искренность» [9, с. 120–140], 2) *игровой*, предполагающей участие в играх, конкурсах и т.д., 3) *фатической*, нацеленной на вовлечение и поддержание легкого светского общения с аудиторией, 4) *децентрализованной*, детерминированной механизмом коммуникативного гедонизма. Первые три модели конструируются разворачивающейся моделью медиатекста, в которой обсуждаемые темы следуют одна за одной, объединены логическими или ассоциативными связями. В итоге формируется связный текстовый континуум.

Иллюстрацией приватно-личностной модели является экспликация личностных смыслов и повышенной чувствительности в публичном радиопространстве, например: *Дорогие наши , расскажите, что или кто вас больше всего раздражает? Диана Изусткина Меня раздражает, когда я купила себе новую сковородку, а муж в ней пожарил яичницу и вилок по ней жик-жик* 🙄😞 *Радиослушатель Как я вас понимаю, а вот меня бесит мой чавкающий и сопливающий чадо* («Радио Мир», ВКонтакте, 2024). Эмоционально и лично вовлекающий, эмоционально провоцирующий контент, содержащий коммуникативные инструменты сенсibilизации (гипертрофированной чувствительности, гиперэкспрессивности), становится все более востребованным (распространенным).

Игровая и фатическая модели задают аксиологические доминанты общения, указывают на конкретные сценарии поведения, например: *Всем хорошего дня от Леши! Пиши в комментах, как проходит твоя классная или несчастная пятница* 🖱 («Новое радио», Вайбер, 2024).

В случае реализации децентрализованной модели многосторонний характер ступенчатой оси взаимодействия *журналист/редакция – слушатель – слушатели – слушатели* задает тематическую прогрессию высказываний слушателей, разворачивает межличностную коммуникацию. Эта модель представляет собой ассиметричное взаимодействие, при котором общение слушателей-пользователей осуществляется независимо от тематического ядра, заданного в сообщении (посте) журналиста (рисунок):

Пример децентрализованной модели коммуникативного взаимодействия в радиотексте («Новое радио», Вайбер, 2024)

Если в модели 1 проявляется установка на достижение искренних и доверительных отношений по оси *журналист – слушатель – слушатели*, экспликацию личностных смыслов, самоактуализацию и самовыражение, на формирование поведенческого паттерна, подразумевающего высокий уровень вовлеченности в отношения, в модели 2 – на игровую спонтанность и развлечение, в модели 3 – на фатически ориентированную цель, то в модели 4 в основании коммуникации лежит потребность в получении удовольствия от общения, не зависимо от темы и условий коммуникации.

Фатическая модель выстраивается преимущественно посредством речевых перформативных жанров *поздравление, пожелание, благодарность: Просыпайся с Новым радио и заряжайся хорошим настроением на весь день!...; Как прошел твой вечер?* («Новое радио», Вайбер, 2023), тактиками *прямой адресации*, эксплицированной местоимениями *ты* или *вы*, *этикетных вопросов: Как вы сегодня?, Как прошел твой день?, Что нового у вас?*

В децентрализованной модели активное вовлечение аудитории реализуется посредством тактического разнообразия коммуникативных стратегий речевого жанра *болтовня* – стратегии *вовлечения адресата*: тактики *прямой адресации, побуждения к действию, лично ориентированного вопроса, обсуждения фотографий/видео*, например, *Какие домашние животные у вас есть?* («Радио Рокс», ВКонтакте, 2023); *Новые фото звезд🔥Чьи кадры больше понравились? Пиши в комменты👉* («Новое радио», Инстаграм, 09.09.2023). Интерактивность обеспечивается также за счет поликодового характера сообщений, использования хэштегов.

Таким образом, современное коммуникативное пространство радио Беларуси значительно расширяется как по номенклатуре каналов коммуникации, так и по временным (возможна отсроченная реакция), функциональным, жанрово-тематическим, дискурсивным характеристикам. Типичные формы общения в конвергентном радио обеспечивают коммуникативные практики, которые являются как продолжением и/или расширением эфирных практик, так и особыми автономными аудиовизуальными практиками. В целом они создают своеобразный коммуникативный континуум, активирующий многостороннее/многоосевое межличностное и приватно-интимное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нестерова, Н. Г.* Феномен радиодискурса: современные дискурсивные практики : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Нестерова Наталья Георгиевна. – Томск, 2015. – 459 л.
2. *Ермоленкина, Л. И.* Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве информационно-развлекательного радио / Л. И. Ермоленкина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3. – С. 18–26.
3. *Клюев, Ю. В.* Публицистичность радиоречи / Ю. В. Клюев // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер.: Филология, история, востоковедение. – 2015. – № 2. – С. 89–95.
4. *Егошкина, В. А.* Русский развлекательный радиийный дискурс: коммуникативно-прагматический и жанрово-стилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Егошкина Виолетта Александровна. – Томск, 2020. – 283 л.
5. *O’Keeffe, A.* Media and discourse analysis / A. O’Keeffe // The Routledge handbook of discourse analysis / ed.: J. P. Gee, M. Handford. – London, 2012. – P. 441–454.
6. *Казак, М. Ю.* Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1. – С. 65–76.
7. *Нестерова, Н. Г.* Радиодискурс и радиотекст в условиях новых коммуникаций / Н. Г. Нестерова // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 3. – URL: <https://medialing.ru/radiodiskurs-i-radiotekst-v-usloviyah-novyyh-kommunikacij/> (дата обращения: 23.06.2023).
8. *Самсонова, А. С.* Жанровое своеобразие современного радиодискурса / А. С. Самсонова, Н. В. Лагута // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2013. – № 60. – С. 141–147.
9. *Гладко, М. А.* Коммуникативное пространство радио / М. А. Гладко. – Минск : МГЛУ, 2023. – 150 с.

Поступила в редакцию 12.02.2025

Жиганова Елена Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и
зарубежной литературы
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка

Elena Zhiganova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
zhiganovalena@mail.ru

**ФИТОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ**

**PHYTONYMIC NAMES
IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN-LANGUAGE
POETIC DISCOURSE OF BELARUS**

Статья посвящена выявлению репрезентативного потенциала фитонимических номинаций, широко представленных в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Наряду с традиционной номинативной функцией, фитонимы реализуют и более сложные ассоциативно-смысловые и символические значения, являются ярким выразительным средством, способствующим, с одной стороны, воплощению авторского замысла, с другой стороны, выражению национальной языковой картины мира. В статье анализируются знаковые для современной культурной традиции образы березы, сосны и дуба, которые в поэтическом дискурсе выявляют свой внутренний потенциал, образуя новые лексико-семантические варианты и коннотативные оттенки и созначения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фитонимы; поэтический дискурс; аудиальные; визуальные; тактильные; ольфакторные коннотации.

The article is devoted to identifying the representative potential of phytonymic names, most abundant in modern Russian-language poetry of Belarus. Along with the traditional nominative function, phytonyms also implement more complex associative, semantic and symbolic meanings. These meanings are also vivid expressive means that contribute to both the embodiment of the author's idea and the expression of the national linguistic picture of the world. The article analyzes the images of birch, pine and oak, which are significant for the modern cultural tradition and reveal their internal potential in poetic discourse, forming new lexical and semantic variants, connotative nuances and meanings.

K e y w o r d s: phytonyms; poetic discourse; auditory; visual; tactile; olfactory connotations.

Фитонимическая лексика является репрезентантом природного мира и представляет собой особую тематическую группу, с помощью которой реализуется познание и описание человеком окружающего его природного мира. Это делает изучение функционирования подобной лексики актуальным, что также обусловлено аккумуляцией в ней не только мен-

тальных, но и антропоцентрических факторов порождения художественного текста, формирующих в конечном итоге образную и художественную целостности.

Фитонимы несут коннотативный заряд и обладают большим метафорическим потенциалом. Поэтому по большей части исследователи фитонимической лексики сосредоточивают внимание либо на лингвистических аспектах (таких, как внутренняя форма и коннотации (Е. В. Крепкогорская [1], А. М. Летова [2], С. С. Шумбасова [3], Е. А. Петрунина [4], Л. Ф. Пулицева [5], Н. Ш. Ягумова [6]), либо на использовании их в роли второго элемента метафорического сравнения (Н. И. Коновалова [7], Ю. А. Дьяченко [8], С. Г. Горбовская [9]).

С одной стороны, фитонимы представляют собой универсальные наименования растений, которые используются носителями языка в большинстве случаев в прямом значении. С другой стороны, в поэтическом контексте номинативная функция подобных лексем чаще отходит на второй план, а внимание сосредотачивается на образных и коннотативных ассоциациях, выявляемых в разных контекстуальных ситуациях. Подобные семантические приращения зачастую обусловлены спецификой миропонимания и мироощущения автора, а также смысловым объемом лексических единиц, использованных в поэтическом дискурсе.

В данной статье внимание обращается на особенности функционирования фитонимической лексики в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси. Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии русскоязычной поэзии Беларуси [10]. В статье использовались контекстуальный, семантико-стилистический, описательный методы, а также элементы компонентного и статистического анализа.

В ходе исследования выявлено более 700 лексических единиц, анализ которых позволил выделить следующие тематические группы: деревья, кустарники, цветы, травы, плоды, грибы.

В статье внимание уделяется самой частотной из представленных фитонимических групп – названиям деревьев (выявлено более 470 текстовых включений). В поэтических текстах чаще всего используются названия деревьев, произрастающих на территории Беларуси: *береза* (67), *сосна* (51), *дуб* (40), *рябина* (39), *тополь* (35), *клен* (31), *липа* (26), *ива* (17), *ель* (17), *черемуха* (15), *осина* (12), *верба* (12), *каштан* (10), *ольха* (4). Редкими в исследуемом контексте оказались названия экзотических для природы Беларуси деревьев – *платан*, *чинара*, *орех*, *сакура*.

Особо значимыми в художественном континууме восточных славян являются такие фитонимы, как *береза*, *сосна* и *дуб*, что подтверждается частотностью их использования в исследуемом русскоязычном поэтическом контексте.

Так, *береза*, по представлению древних людей, приносит счастье, оберегает от зла и одновременно связана с душами умерших. Данный фитонимический образ часто используется в обрядовом и необрядовом фольклоре, где функционирует в качестве знака с положительными коннотациями.

Значимость фитонима *сосна* в художественном континууме также объясняется сложившейся в восточнославянском фольклоре традицией использования данного символа в обрядовом и необрядовом фольклоре. «В русских, белорусских и украинских народных песнях сосна выступает в качестве символа мирового древа. С сосной как деревом культовым и почитаемым последовательно связывается функция медиатора, посредника между «этим» миром и «верхним» мирами, а также «тем светом», где обитают души умерших. Сосна, как и другие хвойные деревья, тесно связана в обрядах и поверьях с темой смерти. Возможно, это объясняется тем, что сосна – дерево вечнозеленое, то есть противостоящее смерти и угасанию, символизирующее вечную жизнь» [11, с. 113].

Фитоним *дуб* в традиционной культуре славян «предстает деревом почти универсальным, все “валентности” которого оказываются заполнены и который может реализовывать любые значения и функции, характерные для дерева в целом. В приоритете у дуба – культовые и “локативные” функции (быть местом и объектом культовых действий), а также профилактические и лечебные ритуалы (часто примыкающие к культовым и совершающиеся около растущего дерева), они, взятые вместе, гарантируют заповедность дуба, широкий спектр символических значений, из которых формируется образ “первого” дерева славянского дендрария и которые это дерево воплощает на всем пространстве поля культуры – в языке, верованиях, фольклорных сюжетах и ритуальных практиках» [11, с. 72].

Широкая распространенность данных деревьев на территории Беларуси позволяет им активно включаться в канву поэтического повествования и прежде всего выражать маркер Родины, малой и большой, родного пространства. Так, субстантив *береза* ассоциируется с Беларусью и употребляется в одном линейном ряду (*О, Белая, Белая, Белая Русь... / В молчании белом **березы** (Виктор Куц), Я горжусь **березами** твоими, / Белорусский край, любимый край!* (Андрей Душечкин).

Сосна и дуб, в свою очередь, маркируют более узкие топорсы, поскольку в картине мира белоруса образ Родины чаще всего сужается до понятия малая родина (город, деревня, дом, угол (бел. – *кут*): *Там, где сосны, там мой дом, Сердце любит эту землю, / Эти сосны...* (Анна Тихонова); *Наши сказки и наши были, / Наши сосны и наш простор* (Андрей Тявловский); *И так люблю мне под сенью дуба, / Вспоминая Коласа Якуба, / Выдохнуть душой: Мой родны кут...* (Бронислав Спринчан).

Почитание деревьев у белорусов, как и у многих других народов, связано с обожествлением природы, что нашло свое отражение в мифопоэтической картине мира восточных славян. Дерево представляет собой символ вечной жизни, своеобразную мировую ось (или мировое древо), разные уровни которой символизируют мироустройство: крона связана с Богом, светом, корни – с подземным миром, миром умерших. Интересен тот факт, что именно сосна и дуб в белорусской культурной традиции могут становятся сакральными деревьями. Обычно сакрализуются деревья, на которых появляются божественные лики, в которые ударяет молния, рядом с ними находится культовый камень или бьет святой источник. Согласно преданиям, такие деревья обладают целительной силой и особо почитаются среди местного населения. На данный момент на территории Беларуси известны следующие сакральные деревья:

Святая Сосна (у деревни Будча Ганцевичского района), на которой в XVIII веке, согласно преданию, явилась икона Божией Матери, рядом протекал источник;

Святая Сосна на перепутье (у деревни Цвермы Лидского района), которая после удара молнии обрела особые целительные свойства;

Святая сосна Кулина (в верховье реки Вилия у деревни Красники Докшицкого района), рядом с которой находится сакральный камень;

Царь-дуб (у деревни Старое Роматово Малоритского района), самый старый дуб Беларуси, обладающий целительной силой;

Святой Дуб (у деревни Костевичи Волковысского района), где, согласно преданию, явилась чудесная икона;

Дуб-Якуб (у деревни Козлы Несвижского района) и Царь-дуб (у деревни Тадулино Лепельского района), которые являются самыми старыми в округе и были посажены в честь рождения детей.

Точное количество сакральных деревьев Беларуси определить сложно, поскольку некоторые из них погибают, появляются новые, да и местные жители, оберегая свои святыни, склонны их скрывать.

В поэтическом дискурсе подобная традиция отражается в описании деревьев. В частности, подчеркивается их размер (*Дубы и сосны в три обхвата* (Наталья Советная), *В три колечка на камне змея, / в три обхвата матерый дубок* (Алексей Жданов); возраст (*Им этот остров стал последней песней, а дуб столетний церковью служил* (Юрий Сапожков); могущественная сила (*Тот могучий, высокий, раскидистый дуб, / Что с рябиной хотел повенчаться* (Иван Юркин), *Среди болот, на островочке тесном, / могучий дуб напоминает нам, / как скользкой гатью, лишь тебе известной, / сюда спешили, кто остался жив* (Юрий Сапожков); посредничество с иными мирами (*Настанет день – усталая душа / Земной одёжки ветошь отряхнёт... / Останется, не ведая себя, / Под кряжистой смолистою сосной, <...> / Неспешно солнце тенью от сосны / Земных часов отсчитывает ход* (Елена Агина), *Вцепившись жадно в суть земли, / Прижат к больной реке ветрами, / Он слышит глубь, двоясь в мели, / И беседует с веками* («Дуб», Феликс Мыслицкий).

Довольно конкретные лексические значения фитонимов выявляются в контекстах с локативным содержанием и указанием на элементы окружающего пейзажа: *И только березы, березы / В окошке вагонном летят* (Сергей Ваганов), *А мечта – остановиться, / У березки посидеть* (Тамара Краснова-Гусаченко); *Перепрыгнул на сосну, / смел снежок с ее вершинки / и осыпал тишину* (Иван Бурсов), *А душа страдает все равно, – / где-то в соснах светится окно, / там поэмы кто-то сочиняет* (Игорь Шкляревский); *Боже мой, я совсем не о том, / Что за окнами сосны да поле* (Елена Агина); *Белки с грибами – под небеса. / Лисы за белками – на дубы* (Олег Сешко), *Затихал в дубах / Кудрявый ветер* (Григорий Соколовский).

Динамизм исследуемым фитонимическим образам в поэтическом контексте придают перцептивные образные признаки, которые возникают на основе визуальных, аудиальных, ольфакторных и тактильных ощущений. Их экспликация происходит за счет использования соответствующей по значению лексики.

Аудиальные коннотации являются наиболее частотными при создании поэтического образа березы: *Я так хочу пройти тропинкой детства / За руку с мамой, вдоль знакомого ручья. / Послушать шум берез* (Иван Юркин), *Счастлив я, что всегда вы со мною, / Как родник, отчий дом, тихий шелест берез* (Иван Юркин), *Так спокойно берёза шумит на ветру, / ни листочка ещё не роняя* (Татьяна Лейко), *Под широким ветром берёзы шумят* (Владислав Артёмов), *Лёг бы (тихо вздохнув) в эту горькую землю, / на которой так звонко берёзы растут* (Александр Слащев), *Листья с берез, / налетая, срывает, / Струнно стволами звенит* (Николай Ковале-

вич), *И, окунаясь в озёрную тишь, / Слушая шелест берёз у отрогов* (Олег Зайцев). В качестве экспликантов для реализации подобных семантических приращений выступают субстантивы *шум, шелест*, глаголы *шуметь, звенеть*, наречия *звонко, струнно*. Подобные звуковые коннотации обусловлены тем фактом, что фитонимы выступают в данных контекстах в качестве объекта воздействия, что, в свою очередь, может определяться гендерной соотносительностью фитонима с женским образом.

Подобную ситуацию можно наблюдать в репрезентации фитонима *сосна*, однако здесь аудиальные коннотации чаще всего вербализуются с помощью глаголов *звучать, шуметь, шуршать, скрипеть*: *Сосны на ветру звучат, как гусли, / И опять душа моя полна / Думами о судьбах Беларуси* (Бронислав Спринчан), *а сосны иглами шуршащими сорят* (Татьяна Бирченко), *там шумит теперь бор сосновый* (Глеб Арханов), *за стеной скрипит в ночи сосна* (Анна Васильева), *и сосны шумят, осыпая пыльцу золотую* (Екатерина Самигулина).

В меньшей степени аудиальные коннотации характерны для фитонима *дуб*, что обусловлено соотносительностью с мужским образом, вследствие чего на первый план выходят иные черты – мужественность, сила, устойчивость: *Чёрные дубы не шелестят* (Юрий Фатнёв). Аудиальные коннотации присутствуют в контексте со значением юности, молодости, для чего используется суффиксальный дериват *дубок*: *Зашумит своей кроной дубок* (Алексей Жданов).

Фитонимические образы в современном русскоязычном поэтическом дискурсе «прирастают» визуальными коннотациями часто за счет использования эпитетов-колоронимов. К числу эпитетов, обусловленных литературной традицией, относится адъектив *белый* при фитониме *береза*: *косы белой березы, рощи белых берез* (Иван Юркин), *И будет ничего не жаль – / лишь эту белую березу* (Татьяна Лейко). Визуализация образа, реализующего подобное колористическое значение, может достигаться с помощью иных средств выражения, в ряде случаев – сравнительных оборотов: *Вдруг березка млечная / Порасправит плечики* (Виктор Куц), *Березы инеем покрылись* (Иван Юркин), *Нежностью березы просветлели* (Тамара Краснова-Гусаченко), *Как березка у дома светла!* (Михаил Поздняков), *Как струи молока, тела березок – / Воздушность, лёгкость, белизны восторг!* (Наталья Советная), *Белейшими стоят березы свечками* (Татьяна Бирченко).

Визуализация образа может достигаться с помощью включения различных колоронимов в состав метафор, олицетворений, метонимий, благодаря чему расширяется палитра фитонимического образа: *Тихо чара-*

ми своими / снял **наряды желтые с берез** (Николай Иванов), На земле городской снятся мне по ночам / Гроздь красных рябин, **косы белой березы** (Иван Юркин), И нить дороги раскачала звонко / **Подвески желто-розовых берез**, По **золоту берез** / октябрьские дожди (Виктор Куц).

Реже визуальные коннотации сопровождают образ *сосны*. В отличие от *березы*, у *сосны* нет устойчивого литературного эпитета-колоронима, поэтому зрительный образ обусловлен чаще авторским замыслом и реализуется посредством метафорических моделей и эпитетов: дремали **сосны в инее** (Николай Иванов), Я, как и он, влюблён / В просторы эти, / В осеннюю печаль / **Седых сосен** (Григорий Соколовский), Жёлтой по **зелени** вышив каймой, / В **соснах** запутался луч утомлённый (Иван Бисев), **Сосновый** лес взмахнет **зеленой** шалью (Ирина Петрова), И **сосны** шумят, осыпая пылцу золотую, / сон наш качая **в медных** своих ладонях (Екатерина Самигулина). Иногда визуальный образ реализуется благодаря принципу психологического параллелизма, основанному на сопоставлении психологического состояния героя и состояния природы: **Смурная**, глядишь за окошко: / там **черные сосны** стоят (Ольга Злотникова). Подобный прием используется и применительно к фитониму дуб: **Тёмный** дом. Не проскрипит калитка / **Чёрные дубы** не шелестят (Юрий Фатнёв), где эмоциональный настрой лирического героя «подпытывается» окружающей его обстановкой.

В поэтическом контексте образ дуба в меньшей степени визуализирован, нежели образы *березы* и *сосны*, что в какой-то мере предопределено гендерной соотнесенностью: женские образы более яркие и красочные, нежели мужские. Встречается в исследуемом дискурсе традиционный для фитонимической лексики колороним *зеленый* (*Выйдешь тихо утром ранним / Под **зеленый** свод дубрав* (Лариана Кыркалова)), который отражает цвет древесной кроны.

Тактильные коннотации возникают в контекстах, предполагающих ситуацию прикосновения, вызывающую особые переживания и чувства. Подобные семантические приращения вербализуются с помощью глаголов, выражающих значение прикосновения, близости (*обнять, поцеловать, гладить, прислонить, лнуть*): Я **обниму холодную берёзу**, / Взгляну на мир и снова удивлюсь (Владислав Артёмов), **Обнимал березку**, клен, / Красную рябину (Иван Юркин), И хочется в горечи снова заплакать, / **Березу** вдруг в родинку **поцеловать** (Феликс Мыслицкий), У **березы** стою, ствол ладошкой **гладя** (Ирина Петрова), К ней **сосна** свои плечи / **Прислонила, пьяна** (Сергей Ваганов), **Дубравы лнут** во мне в моих лесах (Светлана Евсеева). Выражение тактильных коннотаций может быть опосредовано

авторским чувственным опытом: *И зябко в предрассветности рассиней / Луне в воде и **соснам** на горе* (Дмитрий Ковалёв), ***Дрожит сосна**, / О, как **дрожит сосна!*** (Александр Драгохруст).

Ольфакторные коннотации часто маркируются глаголом *пахнуть*, *веять* и иными лексемами, связанными со значением запаха: *И **березами пахнувший** ветер / По больничным палатам пройдет* (Михаил Шелехов); *В бору **сосновом**, облучённом, / **Не пахнет** пасмурный рассвет* (Андрей Скоринкин). Подобных коннотаций, репрезентующих фитонимы *береза*, *сосна* и *дуб*, немного. «Рекордсменами» в этом отношении являются фитонимы *черемуха*, *липа*, *тополь* (***Настоем черемухи полдень дышал*** (Елена Крикливец), *Куда ж бежать от **аромата**: / **Черёмуховый** окоём* (Олег Ананьев), ***Липа сладко**, чуть **приторно веет*** (Анна Васильева), *Ах, как **пахнут** – из детства приветом! – / Почки выстрелив в мир, **тополя*** (Надежда Солодка).

Антропоморфные образы являются неотъемлемой частью фольклорной традиции, впоследствии перешедшей в литературу и эксплицирующейся в поэтическом дискурсе посредством олицетворений. В современной русскоязычной поэзии Беларуси олицетворение является наиболее продуктивным типом образного словоупотребления фитонимической лексики. Перенос в подобных конструкциях может осуществляться на основе уподобления действиям человека: ***Березы письма пишут** при звезде* (Дмитрий Ковалёв), *Тот могучий, высокий, раскидистый **дуб**, / Что с рябиной **хотел повенчаться*** (Иван Юркин), *От её ль, от колыбельных песен / Дом пылал, **валились с ног дубы**, Два старых **дуба им помашут** с кручи* (Владислав Артёмов), ***Сосны в скорбном – чернобыльском плаче** / Восковую **роняют слезу*** (Олег Ананьев); внешним признакам: *Лишь за просекой **брезжит в тумане** / Черёда **голоногих берез*** (Елена Агина), *И **женственность** / **Неброская берёз*** (Григорий Соколовский), ***Дуб, сильный и высокий**, ждет беда* (Эдуард Скобелев). В большей степени благодаря олицетворениям фитонимические образы реализуют свою гендерную принадлежность.

Наряду с олицетворениями продуктивным типом образного словоупотребления в исследуемом контексте выступают эпитеты. Кроме эпитетов-колоронимов, о которых речь шла выше, выделяются группы, в которых внимание акцентируется на внешнем облике (виде) того или иного дерева (кудрявый, облезлый, кряжистый, седой и др.): *В **благословенный мир весенний** / **Парящих праздничных берез*** (Бронислав Спринчан), *И **подставляют взмыленные сучья** / для виселиц **облезлые березы*** (Константин Михеев), ***Косы кудрявых берез*** (Иван Юркин), ***Под кря-***

жистой смолистою сосной (Елена Агина). В отдельных случаях актуализируется темпоральный признак: *Жемчужина в оправе изумрудной / Сто-летних сосен* (Виктор Куц), *Я, как и он, влюблён / В просторы эти, / В осеннюю печаль / Седых сосен* (Григорий Соколовский) и пр.

Фитонимы, называющие деревья, могут выступать в поэтическом тексте в качестве субъекта сравнения: *Как струи молока, тела березок* (Наталья Советная), *Сосен стволы будто свечи* (Анна Васильева), *Здесь сосны, / как зенитные стволы, – / любая может выстрелить былиной* (Иван Бурсов), *Сосны на ветру звучат, как гусли* (Бронислав Спринчан). Обращает на себя внимание регулярное использование творительного сравнения: *Белейшими стоят берёзы свечками* (Татьяна Бирченко), *Стеной органа уходила ввысь / Сосновая реликтовая роща* (Вадим Спринчан).

Фитоним дуб в исследуемом поэтическом дискурсе выступает лишь как объект сравнения: *Стоит, / могучий и красивый, / весь, словно дуб, в тугих узлах* (Иван Бурсов), *Они бредут, нагнувшись, как дубы, / Они сквозь смерть прошли и не увязли* (Владислав Артёмов). Подобные сравнительные однословные конструкции имеют анимистическую направленность (в них с дубом чаще всего сравнивается человек).

Функционирование вышеупомянутых фитонимов в поэтическом контексте, при наличии общих тенденций, имеет и некоторые отличительные черты.

Так, например, отличительной чертой фитонима *сосна* в современной русскоязычной поэзии является наличие коннотаций, связанных с концептом «память»: *Мне сосны шепчут о былых сраженьях* (Виктор Куц), *Этот дедовский край / ты отныне своим нареки / и у сосен узнай / о дремучей и вечной печали* (Елена Крикливец), *Никуда не уйдешь от судьбы. / Повелела нам Родина-мать / корчевать вековые дубы, / корабельные сосны валять* (Алексей Жданов). Подобные семантические приращения возможны в силу того, что сосна – дерево-долгожитель – является свидетелем давно минувших дней и носителем памяти о прошедших событиях.

Нарочитый антропоморфизм дуба в исследуемом контексте выдвигает на первый план такую черту, как маскулинность, что реализуется в большом количестве олицетворений, построенных на глаголах и глагольных формах: *Дуб побрякивает: / «Э-эх!»* (Иван Бурсов), *Два старых дуба им помашут с кручи* (Владислав Артёмов), *Братались гордые дубы / ломтем дерновым* (Татьяна Жилинская).

В отличие от дуба, антропоморфизм в реализации образа березы обуславливает использование большого количества «женских» эпитетов, характеристик, атрибутов-аксессуаров, олицетворяющих этот образ:

И женственность / Неброская берёз (Григорий Соколовский), *Нежностью берёзы* просветлели, / Зеленью на синей панораме / Неба – / запечатались (Тамара Краснова-Гусаченко), *И вдруг ощутить уставшей душою / всю беззащитность* мартовских *берёз* / на фоне тающего снега (Алла Никифорова); *Где берёзкам и ольхам / янтарные серьги* дарил (Николай Ковалевич).

Таким образом, фитонимические номинации обладают богатым образным и метафорическим потенциалом, который реализуется в поэтическом контексте чаще всего посредством олицетворений, эпитетов и сравнений. Коннотативными значениями фитонимы обладают за счет ближайшего текстового окружения, благодаря которому вербализуются аудиальные, визуальные, ольфакторные и тактильные ощущения и ассоциации. Все это свидетельствует о значимом репрезентативном потенциале фитонимической лексики в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крепкогорская, Е. В.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках : дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Евгения Всеволодовна Крепкогорская ; Казан. (Приволж.) фед. ун-т. – Казань, 2012. – 233 с.
2. *Летова, А. М.* Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Анна Михайловна Летова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2012. – 198 с.
3. *Шумбасова, С. С.* Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Светлана Сергеевна Шумбасова ; Гос. соц.-гум. ун-т. – М., 2011. – 332 с.
4. *Петрунина, Е. А.* Английские фразеологические единицы с компонентом фитонимом / Е. А. Петрунина // Вестн. ун-та Рос. академии образования. Сер. Филология и журналистика. – 2008. – № 3. – С. 28–31.
5. *Пуцилева, Л. Ф.* Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов: на фоне итальянского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лариса Филипповна Пуцилева ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 239 с.
6. *Ягумова, Н. Ш.* Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.20 / Нуриет Шумафовна Ягумова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – 213 с.

7. Коновалова, Н. И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : Изд-во Дома учителя, 2001. – 156 с.
8. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юлия Александровна Дьяченко ; Курс. гос. ун-т. – Курск, 2010. – 197 с.
9. Горбовская, С. Г. Обновление традиции флорообразности во французской литературе начала XIX века на примере поэзии Альфонса де Ламартина / С. Г. Горбовская // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 2. – С. 15–23.
10. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 2 т.
11. Агапкина, Т. А. Деревья в славянской народной традиции : очерки / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2019. – 656 с.

Поступила в редакцию 21.03.2025

Нестер Наталия Александровна

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иноязычного
речевого общения
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Nataliya Nester

PhD in Philology,
Head of Foreign Language Speech
Department
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
nataly.nester@gmail.com

**ЭЛЕМЕНТЫ СИМВОЛИЗМА В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ**

**ELEMENTS OF SYMBOLISM IN PRECEDENT STATEMENTS
IN RUSSIAN-LANGUAGE ADVERTISING SLOGANS**

В статье исследуется использование прецедентных высказываний, обладающих символическим содержанием, в русскоязычных рекламных слоганах в аспекте реализации эмотивной и апеллятивной функций рекламного текста. На основании анализа репрезентативной выборки автор показывает, что указанные функции реализуются не только через апелляцию к положительным коннотациям прецедентных высказываний, но и через воспроизведение узнаваемых реципиентами языковых структур в рамках прецедентных высказываний, утративших связь с источником, свое символическое содержание и оригинальный набор коннотаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *прецедентный феномен; прецедентное высказывание; символ; символизм; рекламный дискурс; рекламный слоган.*

The article studies the use of precedent statements with symbolic meaning in Russian-language advertising slogans focusing on their role in the realization of emotive and appellative functions of the advertising text. Basing on the analysis of a representative selection of slogans, the author shows that these functions are realized not only through the appeal to positive connotations of precedent statements, but also through the reproduction of language structures well-known to the recipients. These recognizable structures within a precedent statement appear to have lost the connection with the source, their symbolic meaning and the original set of connotations.

Key words: *precedent phenomenon; precedent statement; symbol; symbolism; advertising discourse; advertising slogan.*

Рекламная коммуникация имеет функционально обусловленный воздействующий характер, который определяет как жанровую палитру рекламных текстов, так и номенклатуру языковых средств, используемую

для обеспечения их эффективности. Исследователи выделяют четыре базовые функции рекламного дискурса, получающие реализацию в рекламном тексте: 1) репрезентативная (связанная с описанием и предикцией характеристик и качеств товара); 2) апеллятивная (направленная на убеждение и содержащая призывы к покупке); 3) экспрессивная, или эмотивная (передающая оценочное сообщение); 4) информативная (передающая сообщение о товаре, название торговой марки или название компании) [1, с. 78].

Рекламный слоган как разновидность рекламного текста обладает всеми его прагматическими особенностями. Однако, поскольку слоган представляет собой краткое изречение, очевидно, что он не может одновременно в полном объеме реализовывать все функции рекламного текста. Анализ языкового материала показывает, что при доминанте апеллятивной функции основной воздействующий потенциал слогана актуализируется через реализацию эмотивной функции, то есть через обращение к эмоциональной сфере адресата. Таким образом, широкое использование апелляции к эмоциям в пределах жанра рекламного слогана функционально обусловлено.

В качестве средства, воплощающего этот подход в текстах русскоязычных рекламных слоганов, выявлено использование прецедентных феноменов. Прецедентные феномены – имена, высказывания, тексты, ситуации – рассматриваются как «единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» [2, л. 18]. Разъяснения данного термина, предложенные учеными-лингвистами, сводятся к следующим характеристикам прецедентных феноменов: 1) известность широкому кругу представителей лингвокультурного сообщества; 2) значимость для членов лингвокультурного сообщества в когнитивном и эмоциональном аспектах; 3) регулярная возобновляемость в речи [3; 4; 5].

Из предложенного толкования очевидно, что прецедентные феномены могут успешно использоваться в рекламных слоганах для реализации эмотивной и, вместе с ней, апеллятивной функций рекламного текста.

Материалом для исследования функционирования прецедентных феноменов в текстах рекламных слоганов послужили 120 русскоязычных рекламных слоганов, содержащих прецедентные феномены, отобранных из русскоязычной базы рекламных слоганов textart.ru [6]. Данная статья

представляет результаты анализа прецедентных высказываний (ПВ), которые составили значительную долю (66 %) в отобранном материале. Дальнейшее исследование проводилось в нескольких направлениях: 1) определение источников прецедентности; 2) регистрация возможных преобразований оригинальных высказываний, использующихся в качестве прецедентных; 3) выявление особенностей реализации эмотивной и апеллятивной функций рекламного текста.

Анализ источников прецедентности демонстрирует, что в качестве прецедентных высказываний наиболее часто используются лозунги советских времен (1–3), что связано с соответствующим неймингом, например, (3).

- (1) *Кадры решают всё!* (фото-дизайн студия свадебной фотографии «За кадром!») >> «*Кадры решают всё!*» – ПВ из речи И.В. Сталина, произнесенной советским вождем в 1935 году.
- (2) *Покупатели всех стран, соединяйтесь!* (торгово-развлекательный центр «Семеновский», г. Москва).
- (3) *Пролетарии всех стран, веселитесь!* (дискотека «Закрома Родины»). >> «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» – известный интернационалистический коммунистический лозунг, впервые провозглашенный в «Манифесте Коммунистической партии» К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Среди зафиксированных источников прецедентности также значительную часть занимают пословицы (4) и поговорки (5).

- (4) *Мир тесен. Но не для тебя* (мотоциклы BMW). >> *Мир тесен.*
- (5) *Держи орех за зубами!* (орехи «Коза Ностра»). >> *Держи язык за зубами.*

Литературные произведения (6–8) и их экранизации (9) также зарегистрированы в качестве источников прецедентности в исследованном материале.

- (6) *Мы в ответе...* (частный детский сад «Маленький принц», г. Минск). >> «*Мы в ответе за тех, кого приручили*» – ПВ из повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».
- (7) *Наши лимузины – роскошь, а не средство передвижения* (компания Автопрокат 63, прокат лимузинов и машин, г. Самара). >> «*Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения*» – ПВ из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».
- (8) *Что вам надо – мармеладу!* («Фру-Фру», жевательный мармелад). >> ПВ «*Что вам надо? – Шоколада!*» из стихотворения К. Чуковского «Телефон».

- (9) *Ондулин. Мы с тобой одной кровли* (кровельные материалы Onduline). >> ПВ *«Мы с тобой одной крови»* из сказки Р. Киплинга «Книга джунглей», получившей особую популярность после выхода советского мультфильма «Маугли» в 1970-х годах.

Авторы рекламных слоганов дословно цитируют ПВ с полным сохранением исходного смысла или с его модификацией при переключении значений полисемичных лексических единиц, входящих в его состав (1), а также подвергают их трансформациям по замене отдельных элементов ПВ (5), усечению (6) или расширению (4) оригинального ПВ, изменению его синтаксической и семантической структуры.

Замена элементов ПВ осуществляется по следующей схеме: 1) замена одного из слов похожим по звучанию и однозначно ассоциируемым с рекламируемым объектом (9); 2) замена слов в рамках ПВ в соответствии с объектом и целями рекламной кампании (2, 3, 8).

При трансформации утвердительного ПВ в отрицательное или вопросительное (10) или в противоположном направлении (7) рекламный слоган полемизирует с утверждаемым в оригинальном источнике.

- (10) *Кто сказал, что курица – не птица?! (птицефабрика Моссельпром).* >> просторечное высказывание *«Курица – не птица, Польша/Болгария – не заграница».*

Стоит отметить, что некоторые ПВ пользуются особенной популярностью у создателей рекламных слоганов. Например, ПВ из повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» *Мы в ответе за тех, кого приручили* встречается в проанализированном материале в нескольких модификациях: в усеченном виде (6), с заменой элементов ПВ на соответствующие объекту и целям рекламной кампании (11), (12).

- (11) *Мы в ответе за тех, кого обучаем!* (Центр дополнительного иноязычного образования «Квалитет»).

- (12) *Мы в ответе за то, что и как перевозим!* (московская сеть такси «Цель»).

Проанализированные ПВ содержат коннотативные компоненты, которые вызывают эмоциональный отклик разной степени интенсивности у адресата. Частое обращение именно к детской литературе, детским фильмам или мультфильмам в качестве источника прецедентности предполагает отсылку к приятным воспоминаниям о детстве – такие ПВ ассоциируются с беззаботностью и радостными переживаниями.

- (13) *«Пуск» если есть, то его сразу нет* (плавленый сливочный сыр «Пуск»). >> ПВ *«Мёд – если есть, то его сразу нет!»* из советского мультфильма «Винни-Пух».

(14) *Приходите к нам лечиться!* (стоматология «Титания»). >> ПВ «*Приходи к нему лечиться / И корова, и волчица, / И жучок, и червячок, / И медведица!*» из стихотворения К. Чуковского «Айболит».

Однако во многих случаях ПВ претерпевают такие трансформации, что оригинальное значение утрачивается и угадывается лишь некое структурное подобие знакомого выражения. В таких случаях осуществляется лишь апелляция к узнаванию хорошо знакомой, часто возобновляемой в речи структуры.

Например, как было отмечено выше, среди создателей слоганов достаточно популярными являются ПВ, уходящие корнями в советскую эпоху. Уже упомянутое ПВ *Кадры решают всё!* (1) впервые произнес советский лидер И. В. Сталин на приеме в Кремле выпускников военных академий Красной Армии 4 мая 1935 года. В оригинальной речи оно звучало более развернуто: «Теперь мы дошли до той стадии развития, когда кадры решают всё, а не кобылы и машины» [7, с. 69], но при публикации речи в газете «Правда» приняло всем известную сейчас форму. Провозглашенный И. В. Сталиным в 1935 г. лозунг стал символом советской эпохи, знаменующим резкую смену направления официальной пропаганды и определяющим на протяжении всех лет советского строя основной вектор кадровой политики. Ученые, представляющие различные общественные науки, анализировали эту речь и ее основополагающий тезис в историческом, политическом, экономическом контекстах и пришли к выводам, которые указывают на ряд противоречий в сталинской риторике и его действиях как вождя советского народа [7, с. 61–64] (напомним, что в 1937 году начались суровые репрессии, жертвами которых, в противоречие данному лозунгу, стали многие высокообразованные и высококвалифицированные специалисты).

Учитывая эти обстоятельства и историческую роль И. В. Сталина, чье имя в обыденном сознании связано с культом личности и кровавыми репрессиями, трудно предположить, что ПВ используется с целью пробуждения положительных эмоций у адресата. В данном случае наблюдается апелляция к узнаваемой структуре, а негативная коннотация не мешает ее восприятию, потому что сейчас мало кто – разве что люди довольно пожилого возраста – свяжет это ПВ с именем И. В. Сталина.

Вообще сам факт употребления этого выражения в различных модификациях (1, 15) в таком легкомысленном жанре, как рекламный слоган, позволяет заключить, что оно утратило свою глубокое символи-

ческое значение и употребляется сейчас как структура, определяющаяся реципиентом как «что-то знакомое» и при этом лишенное негативных коннотаций.

(15) *Кадры – решаем всё!* (кадровая компания «Staffline»).

Такая же тенденция наблюдается с самым популярным в нашем корпусе ПВ – *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*. Выборка включает 6 модификаций данного ПВ (2, 3, 16, 17, 18, 19).

(16) *Отдыхающие всех стран, присоединяйтесь!* (Бар Крыжополь, Ставрополь).

(17) *Дизайнеры всех стран, объединяйтесь!* (Deforum.ru – форум дизайнеров).

(18) *Музыканты всех стран, объединяйтесь!* (из рекламы на русскоязычной радиопрограмме в Израиле).

(19) *Элитарии всех стран, развлекайтесь!* (караоке-клуб «Пионер», г. Москва).

Источником прецедентности данного ПВ является программный документ «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, изданный в 1848 г. в Лондоне на немецком языке. Впоследствии документ был переведен на 100 языков, и этот лозунг стал одним из самых растиражированных в коммуникативном пространстве Советского Союза: его поместили на национальных языках на всех гербах союзных республик, рядом с названиями всех серьезных советских газет, на монетах и банкнотах, орденах и медалях и т.д. [8, с. 6]. Этот лозунг явился символом единства мирового пролетариата в его борьбе с угнетателями, однако в контексте известных исторических событий утратил свою символическую (и идеологическую) сущность. Исследователи (например, Л. П. Дядечко) отмечают его полную деидеологизацию и даже карнавализацию в результате бесчисленных трансформаций, в том числе иронического плана [8, с. 10].

Создатели приведенных рекламных слоганов обращаются к данному ПВ не в поисках положительных коннотаций: если таковые когда-нибудь и возникали, то только в идиосферах отдельных личностей – коллективное эмоциональное восприятие скорее тяготело к отрицательнооценочному, сопряженному с раздражением от чрезмерного использования и заидеологизированности. Поэтому, как и в предыдущем случае, очевидно использование апелляции к знакомой, узнаваемой структуре, ни источник ни эмоциональную окраску которой уже не могут восстановить адресаты рекламного сообщения. Это также подтверждается тем, что в приведенных выше рекламных слоганах данное ПВ подвергается таким серьезным трансформациям, что, пожалуй, узнаваемой остается лишь синтаксическая структура.

Такие же выводы позволяет сделать и ряд слоганов (20–22), созданных на основе ПВ *Из России с любовью*, источником прецедентности которого является роман Я. Флеминга из серии о британском супершпионе Джеймсе Бонде, который стал популярным в том числе и в СССР после вышедшей в 1963 году экранизации.

(20) *Из Москвы с любовью* (Торгово-ярмарочный комплекс «Москва», г. Люблино).

(21) *Norge. Из Норвегии с любовью* («Norge», норвежская семга).

(22) *Из России с музыкой!* (российский музыкальный телеканал «Russian Musicbox»).

Данные трансформации указывают на обращение к узнаваемой синтаксической структуре, при этом связь с источником прецедентности (и с любыми коннотациями) оказывается утраченной.

Таким образом, проведенное исследование позволяет определить особенности использования прецедентных высказываний в русскоязычных рекламных слоганах для реализации эмотивной и воздействующей функций рекламного текста. Обращение к прецедентным феноменам часто обусловлено стремлением авторов рекламных слоганов пробудить положительный эмоциональный отклик у аудитории – для этого наибольшим потенциалом обладают ПВ из детской литературы, фильмов и мультфильмов, поскольку вызывают у большинства реципиентов приятные эмоции, ассоциирующиеся с детской беззаботностью. Указанные функции также реализуются при использовании ПВ, которые в прошлом обладали ярко выраженным символизмом. Однако с течением времени при смене исторического контекста данные ПВ утратили свое символическое содержание, и сегодня их источники прецедентности и коннотативные элементы значения не прослеживаются представителями целевой аудитории. В таких случаях осуществляется апелляция к хорошо известным, регулярно возобновляемым в речи структурам, лишенным символизма и коннотаций оригинала.

Вышесказанное позволяет заключить, что символическое содержание некоторых ПВ, которое было закреплено за данными высказываниями в коллективном языковом сознании десятилетиями, может быть утрачено под влиянием социально-исторического контекста. Однако использование таких единиц возобновляется в различных вариантах реализации их трансформационного потенциала и способствует осуществлению воздействующей функции рекламного дискурса через апелляцию к знакомым, хорошо известным адресату из полученного языкового опыта синтаксическим структурам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кочетова, Л. А.* Функции рекламного дискурса: таксономия и динамические аспекты реализации / Л. А. Кочетова // Вестн. ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2010. – №2 (12). – С. 77–83.
2. *Смыкунова, Н. В.* Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Наталья Валерьевна Смыкунова ; Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина. – М., 2003. – 230 л.
3. *Прохоров, Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
4. *Красных, В. В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. – М. : Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 5 – 12.
5. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. База слоганов Textart.ru. – URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья / сост., коммент., приложение д.и.н. В. А. Невежина. – М. : АИРО-XX; СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 544 с.
8. *Дядечко, Л. П.* Фразеологическая судьба главного коммунистического лозунга в восточнославянских языках / Л. П. Дядечко // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск ; Новосибирск, 2016. – Вып. 3. – С. 5–12.

Поступила в редакцию 05.02.2025

Новикова Лидия Петровна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского
языка как иностранного
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Lidziya Novikava

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language
Vitebsk State University
named after P.M. Masherov
Vitebsk, Belarus
novikovalp01@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ**

**FEATURES OF FUNCTIONING OF ADVERBS
IN MODERN RUSSIAN ORAL PUBLIC SPEECH**

В статье анализируется функционирование наречий *достаточно, очень, реально, чисто* в современной русской устной публичной речи, представленной на белорусских телеканалах. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы: 1) существует тенденция к приобретению наречием *достаточно* значения неопределенности и к вытеснению им наречия *довольно*; 2) стремление к усилению смысла высказывания ведет к широкому употреблению в речи интенсификаторов, в том числе и с нарушением кодифицированной нормы; 3) наблюдается проникновение в устную публичную речь из молодежного сленга и разговорной речи наречий *реально* и *чисто* в значениях, не поддерживаемых современной кодифицированной нормой. Анализ дополнен сопоставлением речевых фактов с данными словарей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *устная публичная речь; наречие; языковая норма.*

The article analyzes the function of adverbs *enough, very, really, purely* in modern Russian oral public speech, presented on Belarusian television channels. As a result of the study, the following conclusions were made: 1) there is a tendency for the adverb *enough* to acquire the meaning of indefiniteness and to displace the adverb *quite*; 2) the desire to strengthen the meaning of an utterance leads to the widespread use of intensifiers in speech, including those in violation of the codified norm; 3) there is a penetration of adverbs *really* and *purely* into oral public speech from youth slang and colloquial speech in the meanings not supported by the modern codified norm. The analysis is supplemented by the comparison of speech facts with dictionary data.

K e y w o r d s: *oral public speech; adverb; language norm.*

Уже в конце XX века в авторитетных исследованиях подчеркивалось, что «языковая коммуникация, опосредованная письмом, является вторичной по отношению к устной», находясь «на периферии употребления языка», а «устные сферы коммуникации явно и безоговорочно доминируют

над письменными» [1, с. 84]. В настоящее время в связи с развитием устных средств массовой информации правомерность данного утверждения представляется абсолютно очевидной. Особый научный интерес вызывает изучение телевизионной речи как «коммуникативно-функциональной разновидности современной устной литературной речи публичного назначения» [2, с. 498]. Именно узус данной сферы коммуникации наиболее ярко отражает существующие тенденции в развитии языка, а при планомерном и систематическом наблюдении, сопоставлении с данными словарей позволяет проследить динамику языковых изменений, происходящих в настоящее время.

Здесь следует отметить, что вопрос о разновидностях русской устной литературной речи в целом и их нормативных характеристиках является дискуссионным. В частности, широко обсуждается проблема лингвистической сущности устной публичной речи в трудах Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Г. П. Нещименко и др. Целостный характер речи публичной коммуникации предопределяет общая основная функция ее подвидов: устное общение с широкой аудиторией на общественно значимые темы. Принимая за основу позицию О. А. Лаптевой, под «устной публичной речью» мы понимаем осуществляемую в условиях официального общения спонтанную литературную речь, основные характеристики которой (линейность, необратимость, связь с физическим временем) определяются ее устностью [2]. Представленное исследование проводится на материале телеречи как одной из разновидностей устной публичной речи, изучение которой является актуальным направлением лингвистических исследований в рамках как дескриптивного, так и нормативного подхода. Данная речь характеризуется ориентацией на массовую аудиторию. Для эффективного воздействия на адресата говорящему необходимо учитывать различные характеристики языковых средств, использовать их наиболее оптимальное сочетание, не противоречащее языковым нормам. В этой связи интересен опыт создания российскими исследователями специализированных мультимедийных корпусов, включающих устную публичную речь в широком разнообразии ее жанровых разновидностей с целью разноаспектного изучения особенностей данного объекта исследования [3].

Вместе с тем сама устная форма современной публичной речи требует особого исследовательского внимания в нормативном аспекте: постоянного наблюдения, накопления и актуального анализа речевых фактов, отражающих взаимовлияние кодифицированной нормы и узуса. В процессе проводимого нами комплексного анализа фрагментов телеречи,

представленной на белорусских телеканалах, наше внимание привлекли многократно повторяющиеся нарушения кодифицированной нормы, связанные с употреблением таких наречий, как *достаточно*, *очень*, *реально*, *чисто*. Отметим, что современные исследователи русской устной публичной речи российского медиапространства указывают на количественные и качественные изменения, происходящие в области наречной лексики [4; 5]. Цель нашего исследования – нормативный анализ функционирования указанных наречий в русской устной публичной речи белорусских телеканалов.

Как известно, телевизионная речь неоднородна и реализуется в различных жанрах, из которых наиболее распространенным является интервью. Материалом нашего исследования выступает русская устная публичная речь, представленная в популярных проектах «Скажем молчи» (телеканал «Беларусь 1») и «Марков. Ничего личного» (телеканал «ОНТ») (2024 год). Данные программы-интервью построены в формате диалога, гостями являются политические деятели, руководители из разных сфер (образование, здравоохранение, культура и др.), которые, в силу занимаемых должностей, часто коммуницируют с массовой аудиторией и, следовательно, воздействуют на языковое сознание социума. Таким образом, на современном материале нами исследуется устная речь носителей русского литературного языка в сфере публичной коммуникации в Беларуси. Выпуски указанных программ размещены в интернет-пространстве и характеризуются большим количеством просмотров. Всего в ходе исследования проанализирована речь 86 респондентов, при этом продолжительность речи каждого из них составляет не менее 40 минут.

В первую очередь обращает на себя внимание широкое функционирование наречия *достаточно*, которое употребляется не только без указания «для чего», но и приобретает значение неопределенности, свойственное близкому по значению наречию *довольно*. Подобный процесс выступает проявлением диффузности семантики, что может наблюдаться в языке при наличии нечетких границ между значениями «в семантической системе языка и в языковой коммуникации» [6, с. 302]. Приведем примеры из проанализированного материала: *достаточно серьёзный институт, достаточно часто выезжают* (18.01.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *достаточно большое количество получателей социальных выплат, достаточно гибко в правовом поле обозначен этот вопрос* (04.03.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *достаточно масштабным направлением* (30.05.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *станет проблемой на достаточно долгое время, достаточно тяжело работал* (13.06.24, ОНТ,

Марков. Ничего личного); *достаточно легко и просто, достаточно значимая династия, профессия достаточно тяжёлая* (18.06.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *сложный достаточно законопроект, достаточно взрослый человек* (07.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *достаточно оперативный социологический опрос, достаточно интересные социальные факты* (16.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *достаточно время напряженное, достаточно небогатый клочок земли, достаточно уверенно стоять на ногах* (20.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *всё достаточно благоприятно* (21.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *достаточно широкий формат работы* (02.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *достаточно маленькая страна, достаточно хорошо пела* (03.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *идут достаточно поступательно* (22.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи) и т.д.

Отметим, что и в словарях отсутствует четкое разграничение наречий *достаточно* и *довольно*. Обратимся к авторитетным нормативным источникам. Так, в четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой наречие *достаточно* определяется через первое значение соответствующего прилагательного, т. е. «удовлетворяющий, соответствующий чему-л., каким-л. потребностям» (... *он привозил из города хороших груш и яблок достаточно...*), а рядом, лишь в качестве оттенка значения, представлено толкование «в значительной степени» с примером употребления *достаточно умён* [7]. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет *достаточный* как «удовлетворяющий потребностям или необходимым условиям», т. е. соответствующий некоему стандарту, и там же в качестве примера употребления соответствующего наречия представлено аналогичное выражение *достаточно умён*, в котором данное слово выступает абсолютным синонимом наречия *довольно*, имеющим в свою очередь толкование «до некоторой степени, порядочно» (*довольно поздно, довольно сильный*) [8]. Вместе с тем в «Большом универсальном словаре русского языка» (2019) употребление наречия *достаточно* как обстоятельства меры и степени представлено уже в качестве отдельного значения с толкованием «в приемлемо значительной степени» с пояснением, что синоним *довольно* используется чаще [9].

Следовательно, бесспорно нормативным употреблением в приведенных из проанализированного материала сочетаниях было бы наречие *довольно*, выражающее неопределенную меру и степень, но в результате постепенно произошедшей диффузии значения *достаточно* стало употребляться в современной речи со значением неопределенности [10]. Особое внимание привлекают сочетания со значением достаточности отрицательного, представляя собой явно ненормативное употребление

лексемы и требуя, по мнению О. Б. Сиротининой, введения в словарное толкование наречия *достаточно* реализации обязательной валентности *для чего* (*достаточно ... , чтобы ...*) [11]. Употребление наречия *достаточно* в функции обстоятельства меры и степени П. А. Клубков также считает нормативным лишь при наличии соответствующего контекста (*достаточно ... для ... ; достаточно ... , чтобы ...*) либо при условии, что контекст легко можно восстановить [12]. В проанализированном нами материале подобный контекст отсутствует, а его восстановление в большинстве случаев затруднительно. В целом употребление наречия *достаточно* со значением неопределенности зафиксировано у 48 % респондентов. При этом в проанализированном материале отсутствуют факты использования наречия *довольно*. Следовательно, наблюдается тенденция к замещению одной лексемы другой.

Анализ нашего материала исследования показывает, что наиболее употребительный интенсификатор *очень* ненормативно расширяет свою лексическую сочетаемость. Следует подчеркнуть, что в лингвистических исследованиях под «интенсификаторами» в широком смысле понимаются разнообразные средства различных языковых уровней (фонетического, лексического, грамматического), служащие для усиления высказывания или его части [13]. В данной работе под «интенсификаторами» мы понимаем слова, обозначающие высокую степень градуируемого признака, действия, состояния или процесса, которые выражены главным словом.

В ходе исследования были зафиксированы следующие выражения: *очень уникальные вещи* (28.03.24, «Марков. Ничего личного», ОНТ); *очень прекрасная страна* (12.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *наша фауна очень уникальна для природы* (25.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *в очень замечательной истории* (02.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи) и др. Отметим, что в «Большом универсальном словаре русского языка» рядом с толкованием значения данного слова имеется предупреждающее указание: «не употребляется со словами, обозначающими высокую степень признака, свойства, типа “обожать”, “ненавидеть”, “огромный”, “прекрасный”, “шикарный” и т. п.» [9].

Количественный анализ материала показывает, что 13 % респондентов используют наречие *очень* с нарушением кодифицированной нормы. В связи с этим отметим, что в речи говорящих наблюдается также широкое употребление интенсификаторов *совершенно* и *абсолютно*, демонстрирующее стремление к категоричности выражения. Анализ материала исследования показывает преимущественное использование наречия *абсолютно*: *абсолютно не монолитная* (30.01.24, ОНТ, Марков. Ничего

личного); *абсолютно не массово идет* (04.03.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *абсолютно блестящее развитие, абсолютно безнравственно* (13.06.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *абсолютно все выплаты* (14.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *мы абсолютно другие* (02.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи) и т.д. Приведем примеры употребления интенсификатора *совершенно* из проанализированного материала: *совершенно сознательно* (01.02.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *совершенно безрассудно* (18.04.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *совершенно очевидно, совершенно эксклюзивная ситуация* (13.06.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *совершенно перестроился, совершенно разочарованный* (13.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи) и т.д. Результаты проведенного исследования показывают, что наречия *абсолютно* и *совершенно* используются всеми респондентами, при этом в речи 31 % из них зафиксированы многократно повторяющиеся употребления данных интенсификаторов. Полученные данные позволяют согласиться с мнением П. А. Леканта о том, что «русскую речь поразила “простуда” большой степени, большой цифры, большого размера, большого преувеличения» [14]. Несомненно, существование взаимосвязи между языковыми процессами в русской устной публичной речи, представленной на белорусском телевидении, и в речи российского медиапространства является отражением общности и недискретности коммуникативного пространства двух государств.

Отдельно следует рассмотреть проникновение в устную публичную речь из молодежного сленга и разговорной речи наречий *реально* и *чисто*. В процессе анализа материала исследования нами зафиксированы следующие употребления указанных лексем: *реально независимой страной* (30.01.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *реально очень много работаем* (22.02.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *чисто прикладной случай* (30.05.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *чисто дипломатический ход* (20.06.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *реально определенное достижение* (13.06.24, ОНТ, Марков. Ничего личного) и т.д. Следует подчеркнуть, что наречие *чисто* в значении «исключительно, только» в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой имеет помету «просторечное», а наречие *реально* имеет лишь значение «существующий на самом деле, действительный, не воображаемый...», соотносясь с прилагательным *реальный* в первом и втором значении (*реально существующий факт, реально смотреть на жизнь*) [7].

С нормативной точки зрения на месте наречия *реально* в приведенных примерах правильным было бы употребление наречия *действительно* и его синонимов *в самом деле, несомненно, точно* и др., которые предла-

гают различные специальные словари, в частности «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой, при этом не включая наречие *реально* в данный синонимический ряд [15]. В целом в ходе нашего исследования употребление наречий *реально* и *чисто*, нарушающее кодифицированную норму, выявлено в речи 8 % респондентов.

Таким образом, проведенный анализ функционирования наречий *достаточно*, *очень*, *реально* и *чисто* в современной русской устной публичной речи, представленной на белорусских телеканалах, позволяет сделать следующие выводы: 1) существует тенденция к приобретению наречием *достаточно* значения неопределенности и к вытеснению им наречия *довольно*, имеющего указанную семантику, что является следствием диффузности значений указанных лексем; 2) стремление говорящих к усилению смысла высказывания ведет к широкому употреблению в речи интенсификаторов, в том числе и с нарушением кодифицированной нормы; 3) наблюдается проникновение в устную публичную речь наречий *реально* и *чисто* в значениях, не поддерживаемых современной кодифицированной нормой и свойственных молодежному сленгу и разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А. Ф. Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи / А. Ф. Журавлев // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской. – М., 1988. – С. 84–102.
2. Лаптева, О. А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 520 с.
3. Савчук, С. О. Устная публичная речь в мультимедийном модуле НКРЯ / С. О. Савчук / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – URL: https://ruslang.ru/doc/savchuk/savchuk_2017_corpling.pdf (дата обращения: 23.10.24).
4. Дегальцева, А. В. К проблеме изменения норм современного русского языка / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 368–376.
5. Сиротинина, О. Б. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? / О. Б. Сиротинина, А. И. Матяшевская // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 150–164.

6. Kiklewicz, A. K. Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii jezyka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej / A. K. Kiklewicz. – Lask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2007. – 453 s.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // РАН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с. – URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 05.11.2024).
9. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2019. – 1456 с. – URL: [https://gramota.ru/poisk?query=очень&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=очень&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 09.10.24).
10. Сиротинина, О. Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2014. – Вып. 14. – С. 5–14.
11. Сиротинина, О. Б. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
12. Клубков, П. А. Говорите, пожалуйста, правильно / П. А. Клубков. – СПб. : Норинт, 2004. – 189 с.
13. Моисеева, И. Ю. Интенсификаторы в английском языке: функционально-стилистический и грамматический аспекты / И. Ю. Моисеева, В. Ф. Ремизова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18342> (дата обращения: 17.09.2024).
14. Павел Лекант: Небрежность провоцирует безграмотность речи / Информационный портал фонда «Русский мир». – URL: https://www.russkiymir.ru/publications/200821/?sphrase_id=245484 (дата обращения: 20.09.2024).
15. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/23427-Словарь-синонимов-русского-языка-Около-11-000-синонимических-рядов.pdf> (дата обращения: 05.11.2024).

Поступила в редакцию 20.11.2024

Сериков Григорий Владимирович

кандидат филологических наук,
доцент, докторант Института
языкознания им. Якуба Коласа
Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Ryhor Serykau

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Doctoral Student at
The Institute of Linguistics named after
Yakub Kolas The Center for Research
of Belarusian Culture, Language and
Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
gserikov@internet.ru

**ВОЗВРАТНЫЕ ДЕРИВАТЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

**RETURN DERIVATIVES IN SLAVIC LANGUAGES:
FUNCTIONAL, SEMANTIC, HISTORICAL AND GRAMMATICAL ASPECTS**

В статье прослеживается путь теоретического осмысления значений возвратных дериватов от времен Ф. Ф. Фортунатова и Е. Ф. Карского до позиций лингвистов нашего времени, ставится вопрос о причинах относительной свободы возвратной морфемы *się, sã, se, sa, ce* в западно- и южнославянских языках, выявляются исторические предпосылки ее трактовки как возвратной клитики, употреблявшейся в эпоху древних славянских памятников письменности в виде энклитической формы возвратного местоимения *себя* и входящей в разнообразные просодические единства. Проведен сравнительный анализ идентичных фрагментов церковнославянских текстов XVII и начала XXI веков с целью выявления организующей роли ударения в праязыке славян, способствовавшего сохранению агглютинированных просодических единств.

На примере анализа идентичных фрагментов из Евангелий на разных славянских языках раскрывается историческая связь между возвратными глагольными конструкциями, формами страдательного залога и императива.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *возвратный глагол; морфема; корреспондентный; делимитер; димитировать; конфрактированный; модификационный ряд; клитика; энклитика; просодическое единство; возвратная модель.*

The article traces the history of theoretical understanding of the meanings of reflexive derivatives from the works of F. F. Fortunatov and E. F. Karski to the positions of linguists of our time; it raises the question about the reasons for the relative freedom of the reflexive morphemes 'się', 'sã', 'se', 'sa', 'ce' in the West and South Slavic languages; reveals the historical prerequisites of the interpretation of these morphemes as reflexive clitics, used in the times of ancient Slavic writing in the form of an enclitic form of

the reflexive pronoun 'self' and included in various prosodic unities. A comparative analysis of identical fragments of Old Church Slavonic texts of the 17th and early 20th centuries is carried out in order to reveal the organising role of an accent in the ancient Slavic language, which contributed to the preservation of agglutinated prosodic unities, preserved in favour of identifying these formations with modern reflexive verbs.

Analysis of identical fragments from the Gospels of editions in Church Slavonic and in different Slavonic languages, reveals the historical connection between reflexive verb constructions, the forms of the passive voice and the imperative.

Key words: reflexive verb; morpheme; correspondent; delimiter; dimitation; confracted; modification number; clitics; enclitics; prosodic unity; reflexive model.

Описывая возвратность глаголов как выражение действия, направленного на субъект, и признак, характерный для многих глаголов, причастий и деепричастий, нельзя не затронуть особенности отражения на письме данной древней залоговой формы в церковнославянском и современных славянских языках, поскольку в восточнославянских языках показатель возвратности – постфикс *-ся* – подвергся агглютинации с опорным глаголом, в западнославянских же и южнославянских продолжает употребляться как самостоятельная клитика, выступая то в препозиции, то в постпозиции по отношению к корреспондентному (т. е. «своему») глаголу.

В 1911 г. основоположник белорусской филологии Е. Ф. Карский (1861–1931) в своем фундаментальном труде «Белорусы» обратил внимание на строение и значения возвратных глаголов, начиная от соответствующих фактов, зафиксированных в письменных памятниках, до современных ему белорусских говоров (первая декада XX в.), раскрывая особенности их (возвратных глаголов) функционирования в устной и письменной речи белорусов в разделе «Выражение залогов» [1, с. 376]. Исследователь утверждал, что «...славянские глаголы не имеют особых суффиксов для страдательного залога. Они уже в древнейших памятниках страдательным оборотам предпочитают действительные» [Там же]. Далее Е. Ф. Карский добавлял: «Страдательный залог в живой речи может быть выражаем формами возвратного залога с *-ся*: *изнаидеть ли съ <...> полтескъ град далсѣ ѹмоу*» [Там же, с. 377], а также: «В современных славянских языках и особенно в русском в роли показателя залога является в настоящее время, да уже и в старину, винительный падеж возвратного местоимения *сѣ*. Главная его роль в соединении с глаголами переходными показывать, что действие возвращается на самого действующего, на подлежащее. В прежнее время относящиеся сюда глаголы и чувствовались как переходные, а *сѣ* было к ним прямым дополнением, а затем местоимение все более и более теряло свое реальное и даже чисто формальное

значение, обращаясь постепенно в глагольный суффикс, который в известных случаях может получать даже более краткий вид (-сь)» [1, с. 378]. Используя для иллюстрации особенностей оформления старинных возвратных глаголов материал старобелорусских текстов (напр., Западно-русских летописей по Виленскому и Уваровскому спискам (XV–XVI в.), Судебников XV в., Четьев 1489 г., Псалтирей XVI–XVII вв., печатных изданий Ф. Скорины, Статутов ВКЛ и мн. др.), филолог-славист подмечал, что возвратная клитика **сѧ** в названных текстах, судя по ее месту в предложениях, не воспринималась в старину как морфема, как суффикс возвратного глагола -ся, поскольку она могла предшествовать глаголу, к которому относилась, и даже отделяться от этого глагола другими словами (называемыми нами в ряде предшествующих публикаций делимитерами [2; 3; 4] и др.): *сѧ повоздвигнут рати.., нежели сѧ словами пишут.., се звело* и др. [1, с. 377]. Также Е. Ф. Карский утверждал, что «такую постановку *ся* в древнейших памятниках следует приписать влиянию церковнославянского языка, а в более поздних – польского», приводя в качестве примеров соответствующие факты, зафиксированные его современниками, этнографами и фольклористами П. А. Бессоновым (1828–1898), Е. Р. Романовым (1855–1922) и др.: *Богу ся молитя; соснився мне сон дивный, – и ни ся ён мне соснився, ни ся у казцы сказався* [Там же, с. 378]. Ссылаясь на выводы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914) в его статье «О залогах русского языка» и полностью соглашаясь с русским лингвистом, Е. Ф. Карский выделил в белорусском языке 4 группы возвратных глаголов: 1) с прямым возвратным действием (*мыцца, купацца, адзеватца*); 2) со значением изменения в состоянии субъекта (*не хоте^нсѧ, сѧ боронити, назбиралася их богато*); 3) со взаимным возвратным действием (*бю^мсѧ, справоватисѧ, воеватисѧ, мы любимсѧ*); 4) с выражением страдательности или с указанием на мнимого деятеля-субъекта (*конецъ сталсѧ, перебродитисѧ, поспеетсѧ, надеясѧ*) [Там же, с. 378–379]. Причин же дальнейшей агглютинации -ся с глаголами в истории восточнославянских языков (в отличие от языков западной и южной групп) и превращения данной древней местоименной энклитической формы в морфему Е. Ф. Карский не указывает, ограничиваясь следующим резюме: «Таким образом, из соединения глаголов с *ся* получились глаголы возвратные. Им могут быть противопоставлены все остальные глаголы, как невозвратные. Этими двумя группами и исчерпываются все залоги восточнославянских языков в их современном состоянии» [Там же, с. 378]. Этот факт, возможно, объясняется отчасти тем, что клитики (< греч. *klínō* ‘прислоняться, опираться’), по выражению В. А. Плунгяна, вообще воспринимаются как «класс

“неполноценных” слов в морфологии» [5, с. 28]. Но поскольку любое явление объективной реальности, проявленное в материальном мире, имеет свои первопричины и свои механизмы направленного развития, то логично предположить о существовании предпосылок закрепления энклитической формы местоимения **сѧ** (< себе (**себѧ**)) в качестве самостоятельной клитики в западно- и южнославянских языках, в отличие от языков восточнославянской группы.

Во всех славянских языках возвратным дериватам присущ, тем не менее, схожий набор семантических функций. Так, например, академическая «Русская грамматика» 1982 г. среди возвратных глаголов действительного залога выделяет 7 смысловых групп: 1) собственно-возвратные глаголы (*умываться, бриться, обуваться*); 2) глаголы взаимно-возвратного значения (*обниматься, целоваться, встречаться*); 3) глаголы косвенно-возвратного значения (*строиться, запасаться, устраиваться*); 4) глаголы активно-безобъектного значения (*крапива жжется, корова бодается, собака кусается*); 5) глаголы характеризующе-качественного значения (*нити плохие, рвутся; машина хорошо заводится; кофе плохо растворяется*); 6) глаголы общевозвратного значения (*сердиться, тревожиться, удивляться*); 7) побочно-возвратные глаголы (*держаться за перила, цепляться за руку, ушибиться об угол*) [6, с. 617–618]. Согласно выводам современных славистов, возвратная морфема в славянских языках передает интранзитивность (непереходность), рефлексивность (обращение к себе), имперсональность (безличность), реципрокальность (взаимность) [7; 8].

Между тем, какие бы значения в белорусском, русском и украинском языках ни имели возвратные глаголы, все они уже никак не димитируют (отпустить < лат. *dimittas*) возвратную морфему *-ся (-ца), -сь* от глагола, которая уже навсегда лишена своей относительной свободы и является полностью неподвижной в языках восточнославянской группы. Феномен же возвратности в остальных славянских языках заключается в *подвижности* возвратной морфемы-клитики, что является поводом постановки вопроса о причинах такой свободы *się, sã, se, sa, ce* в остальных славянских языках, которая сохраняется со времен первых письменных памятников старославянского языка (IX в.) и, несомненно, уходит своими корнями в эпоху праславянского языкового единства, конец которого приходится на VI–VII вв.

Соглашаясь с определением клитики как «акцентно несамостоятельной единицы» (по В. А. Плунгяну), не совпадающей ни с морфемой, ни со словоформой, но образующей «некое просодическое единство... с другой (просодически полноценной) словоформой языка (...опорной, или носителем клитики)» [5, с. 28], отметим, что в нашем случае к клитикам, кроме предлогов и частиц, рассматриваемых В. А. Плунгяном, мы относим также

старославянскую возвратную морфему **сѧ**, польскую **się**, кашубскую **sã**, чешскую **se**, словацкую **sa**, словенскую и хорватскую **se**, сербскую и македонскую **се** местоименного происхождения, которая ведет себя в западно- и южнославянских языках как обыкновенная клитика, располагаясь то ли справа (как энклитика), то ли слева (как проклитика) от своего носителя.

Наблюдая за относительно свободным, а иногда и устоявшимся в языковой практике (например, поляков) местом возвратной клитики в устном или письменном высказывании, следует отметить, что ее носителем может быть отнюдь не корреспондентный глагол, а любое соседствующее акцентно самостоятельное опорное слово, например: «... *ja się po prostu na Polsce nie znam*» [9, s. 101] ‘я попросту не разбираюсь в Польше’. Здесь возвратный глагол (*nie*) **znam się** ‘(не) разбираюсь’ являет собой конфрактированную (разорванную) словоформу, где возвратная клитика находится в дистактной препозиции, отделяясь от глагола пятью делимитерами. Данное явление описывается моделью **się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V** (где V – глагол < лат. *verbum*, а n¹... nⁿ – делимитеры, т. е. слова, разделяющие клитику от глагола). Таким образом, в синтагме *ja się po prostu na Polsce nie znam* в силу просодических особенностей польского языка (ударение на предпоследнем слоге) клитика **się** объединяется в одно фонетическое слово с предшествующим местоимением *ja* ‘я’, выступая в роли энклитики и образуя вместе с местоимением просодическое единство. Для этой энклитики местоимение *ja* является опорным, ударным словом. Данная синтагма состоит из последовательности 10-ти ударных (долгих) и безударных (коротких) слогов, образующих 4 фонетических слова, где и клитика **się**, и «ее» глагол находятся в слабой позиции, в позиции энклитики: [*ja*’ **się**] [*po pro*’*stu*] [*na Pol*’*sce*] [*nie*’ **znam**], или: [’ **się**] [’] [’] [’]. Чистый же просодический рисунок таков: [’] [’] [’] [’]. Проклитиками, как видим, здесь являются предлоги *po* и *na*, энклитиками – *się* и *znam*, причем, форма наст. вр. ед ч. 1-го л. Глагола *znam* ‘знаю’, как и другие односложные аналогичные формы типа *wiem* ‘знаю’, *chcę* ‘хочу’, *mam* ‘имею’ и др. в сочетании с отрицательной частицей *nie* (как и предлоги *do*, *od* и др. в сочетании с местоимениями: *do nas* ‘к нам’, *do mnie* ‘ко мне’, *od nich* ‘от них’) исторически утратили ударение и превратились в энклиномены (по В. А. Плунгяну) в силу своей односложности и фиксированного ударения на предпоследнем слоге.

О функциональной «незначительности» возвратной клитики, о ее акцентной несамостоятельности свидетельствуют старинные издания Евангелий (атрибутировать которые зачастую не удастся в силу их обветшалости и отсутствия полных выходных данных), написанные церковнославянским языком, в их сравнении с современными переизданиями на том же языке. Сравним два фрагмента (рис. 1) из Евангелия от Матфея:

В Напрестольном Евангелии 1678 г.: БО НА ЛНЦЕ ЧЕЛОВѢКѢМЪ . РЦЫ ѿБѢ НАМЪ, <u>ЧТО ТИ СМ МНІТЪ</u> ; (Мф. 22:17) [10]	В современном Святом Евангелии 2024 г.: рцы ѿѿбо <u>на́мъ, что́ ти сѧ мні́тъ</u> ; (Мф. 22:17) [11]
‘итак, скажи нам, как Тебе кажется’	
<u>ЧТО́ЖИ Сѧ ВА́МЪ МНІ́ТЪ</u> ;	<u>ЧТО́ ЖЕ Сѧ ВА́МЪ МНІ́ТЪ</u> ;
(Мф. 21:28) [10]	(Мф. 21:28) [11]
‘что же вам кажется’	

Рис. 1. Варианты просодического единства с клитикой сѧ

Здесь мы видим, что в издании 346-летней давности возвратная клитика объединяется под общим ударением с местоимением *что*, к которому также предварительно присоединяется энклитическая форма местоимения *тебе* (< ст.-ц.-слав. **ТОБѢ** (**ТЕБѢ**, **ТИ**)), или частица *же*, что явно свидетельствует об относительной самостоятельности возвратной морфемы по отношению к корреспондентному глаголу *мнить* и ее историческом месте в устной речи. В первом эпизоде (**ЧТО́ТИ Сѧ МНІ́ТЪ**) перед нами лишь два фонетических слова со своими ударными слогами. В современном же издании Евангелия, как видим, рука просвещенного издателя заботливо рассредоточила «сросшиеся» лексемы, оставив клитику **сѧ** безударной, отчего возникает вопрос сегментации: то ли она объединяется с предыдущим местоимением **ти́**, то ли с последующим глаголом **мні́тъ**. В любом случае перед нами – модель контактной препозиции **сѧ + V** с отдельным написанием **сѧ** от глагола, что являлось в печатных изданиях XVII в. уже редкостью. Более того, во втором эпизоде (**ЧТО́ЖЕ Сѧ ВА́МЪ МНІ́ТЪ**) имеем местоименной делимитер **ва́мъ**, прямо указывающий на обособленность возвратной морфемы от глагола. В современной же церковнославянской интерпретации видим уже аналогичную картину сегментации трех просодических единств на пять, причем клитика приобретает уже самостоятельное ударение: **что́ же сѧ́ ва́мъ мні́тъ**. Здесь мы имеем модель дистантной препозиции **сѧ + n¹ + V**, свидетельствующую о просодической спаянности возвратной клитики отнюдь не с глаголом, что свидетельствует об огромной организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке.

Однако нетронутыми до сего дня в современных редакциях церковнославянских текстов [11] остаются просодические единства, состоящие из глагола, причинного союза *бо* (< *убо*) и возвратной морфемы, то ли из глагола, энклитических форм личных местоимений *ми* (< **мѧиѢ**) и *ти* (< **ТОБѢ**, **ТЕБѢ**) и возвратной морфемы (рис. 2). В этом случае возвратная модель

являет собой агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹сѧ**, сохраненное в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

ро́ждшееѡсѧ въ ней, ѿ дѡхѧ ѣсть сѧ:
'ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго' (Мф. 1:20) – модель Vбосѧ
дѡдѡсѧ вѡмѧ 'ибо дано будет вам' (Мф. 10:19) – модель Vбосѧ
ѡ. ѡ глагола: покая́тсѧ, прибли́жисѧ цѣтвѣе нѣное.
'и говорить: ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 4:17) – модель Vбосѧ
па́дѧ поклонѣшисѧ 'пав, поклонись мне' (Мф. 4:9) – модель Vмисѧ
ѡсповѣ́дѡтсѧ, ѡче 'славлю Тебя, Отче' (Мф. 11:25) – модель Vтисѧ

Рис. 2. Сохраненные просодические единства с сѧ

Теперь обратим внимание (рис. 3) на место возвратной морфемы в соответствующих эпизодах со значением 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2 и Мф. 4:17) в Напрестольном Евангелии 1678 г. [10]:

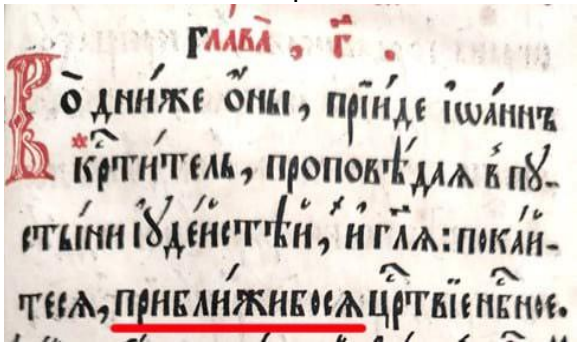
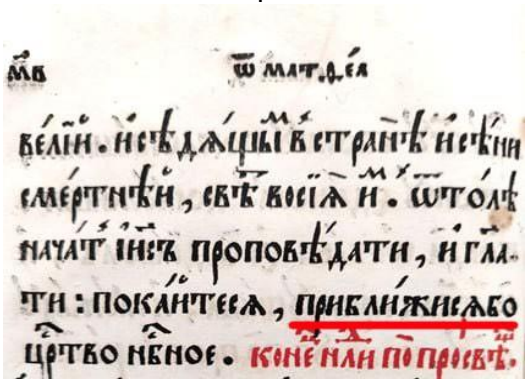
от Матфея 3:2	от Матфея 4:17
 [11]: прибли́жисѧ бо цѣтвѣе 'ибо приблизилось Царство [Небесное]' (Мф. 3:2) – модель Vсѧ + бо	 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2) – модель Vсѧ бо

Рис. 3. Подвижность возвратной морфемы сѧ

Как видим, во-первых, в последнем эпизоде в современном церковнославянском варианте имеем вариант **прибли́жисѧ бо цѣтвѣе**, а в Напрестольном Евангелии 1678 г. – **прибли́жисѧ цѣтвѣе**, хотя это один и тот же 2-й стих 3-й главы Евангелия от Матфея. Во-вторых, в соседних главах (3-й и 4-й) старинного издания (рис. 3) также в этом смысле нет однообразия. Авторы-издатели могли в некотором смысле вольно обходиться с возвратной морфемой сѧ, но долженствование возвратности гла-

гола обязательно учитывали и подчиняли доминирующему ударению глагола и безударный союз *бо*, и возвратную клитику-морфему *сѧ*. В-третьих, величина пробелов между буквами и словами (к тому времени уже печатными), несомненно, свидетельствует о слитном написании как возвратной глагольной формы *привлѣжисѧ*, так и *привлѣжисѧво*, что явно указывает на характер произношения такого рода сочетаний, и о роли клитик в то время.

Итак, опираясь на все сказанное выше, обратим внимание, во-первых, на роль возвратной клитики в истории формирования залоговых отношений в некоторых западно- и южнославянских языках и, во-вторых, на ее место в интонационном рисунке соответствующих предложений. Наиболее подходящим источником исследования идентичных текстов в компаративном ракурсе, как видим, являются тексты Библии как наиболее популярной книги в мире. Вызывают особый интерес некоторые фрагменты новозаветных текстов, содержащие возвратные глаголы в русском синодальном переводе, в современном белорусском, в украинском, чешском, словацком, болгарском, македонском, словенском и сербском [12]. Так, например, во фрагменте из Евангелия от Марка, 7:35, наблюдаем фонетические варианты возвратной морфемы:

И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто [13].

І адразу адкрыліся вушы яго і развязаліся пугы яго языка, і пачаў гаварыць выразна [14].

І зараз же відкрились його вуха, і розв'язались зав'язі його языка, і почав він виразно говорити [15].

Выступающие здесь возвратные глаголы представляют собой результат агглютинации древней энклитической формы возвратного местоимения *сѧ* (< *себѧ*) с глаголом и превращения ее в постфикс, и судить о первоначальной картине этого явления сегодня нет источниковедческих оснований, как мы убедились выше, даже и по церковнославянскому соответствию данного фрагмента:

И ѡбѣ разверзѡстасѧ слѡха ѿгѡ, и разрѣшисѧ оѹза ѡзыка ѿгѡ, и глаголаше прѡвѡ [16]. Как сказал Н. П. Некрасов (1828–1914), «Вообще наш язык смело приставляет ся к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [17, с. 25].

Иная картина представлена в западно- и южнославянских языках. Здесь мы отмечаем разнообразный модификационный ряд возвратных клитик. В польском варианте данный фрагмент звучит так: *Zaraz otworzyły*

się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić [18]. Наблюдаем две наиболее распространенные в польском языке возвратные модели: контактной постпозиции **V + się** (*otworzyły się*) и контактной препозиции **się + V** (*się rozwiązały*).

В болгарском переводе – две модели **се + V**: *И веднага се отвори слухът му, и се развързаха връзките на езика му, и заговори чисто* [19];

В сербском синодальном переводе – одна модель **се + V**, вторая – **V + се**: *И одмах му се отвори слух, и раздријешу се свеза језика његова, и говораху правилно* [20];

В македонском переводе – две модели **се + V**: *И веднаш му се отворија ушите и му се разврза врската на неговият јазик, и зборувахе чисто* [21];

В словенском переводе – одна модель **V + sa**, вторая – **sa + n¹ + n² + V**: *I otvorili sa mu uši, jezik sa mu hned' rozviazal a hovoril správne* [22].

В словацком же и чешском переводах этого фрагмента вообще отсутствуют возвратные глаголы, при этом смысл (по прихоти переводчика) полноценно передается страдательными формами соответствующих причастий. В словацком переводе это звучит так: *A hned' boli otvorené jeho uši, a rozviazané bolo puto jeho jazyka, a hovoril správne* [23], т. е. 'были отворены его уши' и 'развязаны были узы его языка'. В чешском переводе: *A hned otevřiny jsou uši jeho, a rozvázan jest svazek jazyka jeho, i mluvil právě* [24] 'отворены уши его' и 'развязаны узы языка его'.

Последние два варианта переводов свидетельствуют об исторической связи возвратности глаголов со страдательным глагольным залогом (см. выше замечание Е. Ф. Карского). Впрочем, никаких препятствий в переводе белорусского, русского или польского варианта данного фрагмента при помощи страдательных причастий также не возникло бы. Сравним:

I адразу адкрыліся вушы яго і развязаліся пугы яго языка, і пачаў гаварыць выразна → *I адразу былі адкрыты вушы яго і развязаны пугы яго языка, і пачаў гаварыць выразна*;

И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто → *И тотчас был отверзт у него слух и разрешены узы его языка, и стал говорить чисто*;

Zaraz otworzyły się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić → *Zaraz zostały otworzone jego uszy, więzy języka rozwiązane i mógł prawidłowo mówić*.

Несмотря на «семантическую незначительность» возвратной морфемы, ее никоим образом ни в каком славянском языке нельзя употреблять излишне, и не во всех славянских языках семантически тождественные

глаголы приобретают возвратность в идентичных контекстах. Например, глаголы, выражающие понятия *возвращаться, садиться, дотрагиваться* и др. не требуют наличия в своей структуре формально выраженной возвратной морфемы. Сравним: бел. *вяртаем^{ся} дадому*, рус. *возвращаем^{ся} домой*, укр. *повертаємось додому*, словац. *vraciate **sa** domov*, чеш. *vracíte **se** domů*, болг. *прибираме **се** у дома*, словен. *vračato **se** domov*, макед. ***се** враќаме дома*, а в польском языке в самом глаголе *wracać* 'возвращаться' уже содержится понятие обратности, исключающее наличие возвратной морфемы *się*: *wracamy do domu*.

Рассмотрим еще один контекст, содержащий в русском синодальном переводе три возвратных глагола (Евангелие от Марка 1:41): *Иисус, умилосердивши^{сь} над ним, простер руку, коснул^{ся} его и сказал ему: хочу, очисти^{сь}* [13].

В церковнославянском переводе возвратному деепричастию *умило-сердивши^{сь}* соответствует деепричастие *милосердовав* ('милосердуя'): *Ѣсѣ же ѿмѣрдовавъ, простѣръ ръкъ, коснѣсѣ ѣгоу, и гла ѣмѣ: хѣ, ѡчѣстисѣ* [16];

В белорусском переводе: *Іісус жа, злітаваўшыся над ім, працягнуў руку, дакрануўся да яго і кажа яму: хачу, ачыісціся* [14];

В украинском: *І, змилосердивши^{сь}, Ісус простягнув свою руку, доторкнув^{сь} його і сказав до нього: «Хочу, будь чистий!»* [15];

В польском: *Zdjęty litością, wyciągnął rękę, dotknął go i rzekł do niego: Chcę, bądź oczyszczony!* [18];

В словацком: *A Ježiš, ľútosťou hnutý, vystrel ruku, dotkol **sa** ho a povedal mu: Chcem, buď čistý!* [23];

В чешском: *Ježíš pak slitovav **se**, vztáhl ruku, dotekl **se** ho a řekl jemu: Chci, buď čist* [24];

В болгарском: *А Иисус, като **се** смили, протегна ръка, докосна **се** до него и му рече: искам, очисти **се**!* [19];

В сербском синодальном: *А Иисус смиловавши **се** пружи руку, па дохвативши га **се** рече му: Хоћу, очисти **се*** [20];

В македонском: *И му **се** смили, ја протегна раката и го допре и му рече: «Сакам! Биди чист!»* [21];

В словенском переводе: *I zľutoval **sa** nad ním, vystrel ruku, dotkol **sa** ho a povedal mu: Chcem, buď čistý!* [22].

Трем возвратным словоформам, отраженным в русском переводе (*умилосердивши^{сь}, коснул^{ся}, очисти^{сь}*) соответствуют три возвратные в белорусском (*злітаваўшыся, дакрануўся, ачыісціся*), три – в сербском (*смиловавши **се**, дохвативши га **се**, очисти **се***), две возвратные в украинском (*змилосердивши^{сь}, доторкнув^{сь}*), две в чешском (*slitovav **se**, dotekl **se***), две –

в болгарском (**ce** *смили*, *докосна ce*), две – в словенском (*zl'utoval sa*, *dotkol sa*), одна – в словацком (*dotkol sa*), одна – в македонском (**ce** *смили*) и ни одной в польском.

В качестве соответствий к словоформе *умилосердившись* в польском и словацком переводах наблюдаем страдательные конструкции *zdjęty litością* и *l'útošťou hnúty* в значении 'движимый жалостью'.

В польском и македонском переводе возвратному глаголу *коснулся* (дотронулся) в сочетании с местоимением *его* соответствуют семантически тождественные невозвратные глаголы: *dotknął go* (поль.) 'дотронул его' и *go donpe* (макед.) 'его дотронул'. В восточнославянских языках исторически устоялась исключительно возвратная словоформа: *дотронулся*, *дакрануўся*, *доторкнувсь*. В сербском же варианте наблюдаем конструкцию с конфрагментированным возвратным деепричастием 'дотронувшись его' с местоименным делимитером *га* 'его': *дохвативши га ce*, описываемую моделью **RG + n¹ + ce** (< лат. *reflexivum gerundium* 'возвратное деепричастие').

В украинском, польском, словацком, чешском, македонском, словенском переводе собственно-возвратному глаголу *очистись* соответствуют семантически тождественные императивные конструкции 'будь чист': *будь чистий*, *bądź oczyszczony*, *bud' čistý*, *bud' čist*, *буди чист*, *bud' čistý* соответственно.

Итак, вхождению возвратной морфемы **сѧ** в просодическое единство в старославянский период способствовала ее односложность, обуславливавшая отсутствие собственного ударения, причем оторванность от корреспондентного глагола была обычным явлением, что позволяет допускать важность организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке. Гармоничный просодический рисунок, вызванный ритмическим чередованием коротких и долгих слогов, в котором огромную роль играли односложные клитики (союз **ѡ**, частица **же**, энклитические формы личных местоимений **ми**, **ти**), способствовал закреплению энклитической формы возвратного местоимения **сѧ**, а позже **sa**, **se**, **сѧ**, **się** в различных пре- и постпозициях в современных славянских языках и постепенному превращению ее в возвратную морфему.

Агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹сѧ**, а именно: **Вбосѧ**, **Вмисѧ**, **Втисѧ** сохранено в церковнославянских изданиях последнего времени в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

Устойчивым носителем возвратной клитики-морфемы в церковнославянских текстах является глагол, реже – иные просодические единства типа **что́тисѧ** (**мнѣтѧ**), что свидетельствует об огромной организующей роли ударения в праязыке наших предков, имевшем политоническую (музыкальную) просодию.

Наблюдая факты потенциальной взаимозаменяемости возвратных глаголов со страдательными конструкциями и с формами повелительного наклонения в современных западно- и южнославянских языках, можем говорить о генетической связи таких языковых категорий, как возвратность, страдательность (пассивность) и императивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карский, Е. Ф.* Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский ; коммент. В. Н. Курцовой. – Минск : БелЭн, 2006. – Т. 2, кн. 2: Язык белорусского народа. – 512 с. : ил. – (Помнікі гістарычнай думкі Беларусі).
2. *Серигов, Г. В.* Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты / Г. В. Серигов // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2022. – № 2 (60). – С. 143–149.
3. *Серигов, Г. В.* Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Серигов // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
4. *Серигов, Г. В.* Энклитика *sz* в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи / Г. В. Серигов // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2023. – № 1 (136). – С. 91–99.
5. *Плунгян, В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 384 с. – (Новый лингвистический учебник).
6. *Русская грамматика* / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. I : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова [и др.]. – 783 с.
7. *Норман, Б. Ю.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б. Ю. Норман // Wikireading. – URL: <https://tech.wikireading.ru/aEgGreMvHm> (дата обращения: 06.01.2025).
8. *Kępińska, A.* Profesor Salomea Szlifarsztejnowa jako historyk języka polskiego / A. Kępińska // *My z nich. Spuścizna językoznawców Uniwersytetu Warszawskiego* / red. nauk. : Zofia Zaron, Zbigniew Greń. – Warszawa, 2017. – S. 199–211.
9. *Strączek, K.* Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.

10. Евангелие на престольное. – М., 1678.
11. Святое Евангелие : религиозное издание – М. : ИП Карпов С. В., 2024. – 448 с.
12. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 06.01.2025).
13. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения: 06.01.2025).
14. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&v> (дата обращения: 06.01.2025).
15. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&ua> (дата обращения: 06.01.2025).
16. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&utfcs> (дата обращения: 06.01.2025).
17. Некрасов, Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов // Соч. Н. Некрасова. – С.-Петербург. : Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. – С. 25.
18. Biblia // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&pl> (дата обращения: 06.01.2025).
19. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&bg> (дата обращения: 06.01.2025).
20. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&z> (дата обращения: 06.01.2025).
21. Библия. Ветхий Завет Библии // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/macedonian_bible.htm#Mark (дата обращения: 06.01.2025).
22. Biblija // SLB Bible. – URL: <https://www.bible.com/bible/644/MRK.7.SLB> (date of access: 06.01.2025).
23. Bible // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/slovak_bible.htm#Mark (date of access: 06.01.2025).
24. Bible = Ветхий Завет Библии // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&cze> (дата обращения: 06.01.2025).

Поступила в редакцию 30.01.2025

Сыропарова Полина Александровна

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Palina Syroparava

PhD Student of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus polina.syroparova@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБРАЗА НЕЧИСТОЙ СИЛЫ
В ПАРЕМИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ»

NATIONAL-CULTURAL DETERMINATION OF THE USE OF THE IMAGE
OF EVIL SPIRITS IN PAROEMIAS CONTAINING
THE CONCEPTS "SPACE" AND "TIME"

В статье рассматривается употребление образа нечистой силы в белорусских паремиологических высказываниях, содержащих понятия «пространство» и «время». Проанализирована мотивированность применения данного образа для экспликации пространственно-временных отношений, обусловленная особенностями белорусской духовной культуры и мифологии. Представлены лексические единицы, используемые в языке для передачи образа нечистой силы. Приведены примеры соответствующих паремий из белорусских литературных произведений.

Ключевые слова: лингвокультурология; паремия; пространство; время; мифология; образ нечистой силы.

The article examines the use of the image of evil spirits in Belarusian paroemiological statements containing the concepts "space" and "time". The motivation for using the image of evil spirits to explicate space-time relations, conditioned by the peculiarities of Belarusian culture and mythology, is analyzed. Lexical units used in the language to convey the idea of evil spirits are presented. Examples of corresponding paroemias from Belarusian literary works are given.

Key words: linguoculture; paroemia; space; time; mythology; image of evil spirits.

Репрезентация окружающей действительности в языке – одна из наиболее интересующих современную лингвистику сфер исследования. Особую актуальность эта проблема приобретает с точки зрения современного подхода к изучению языка в тесной взаимосвязи с национальной культурой. Исследование такого рода предполагает определяющую роль окружающей действительности в формировании картины мира и находит свое отражение в способах категоризации в языке явлений, с которыми сталкивается человек.

Важными категориями окружающей действительности являются «пространство» и «время». В современном мире вопрос пространственно-временных отношений остается одним из наиболее дискуссионных и актуальных во многих отраслях знания. Считается, что «пространство» и «время» образуют корпус основных экзистенциальных категорий, формирующих человеческое мышление и деятельность, так как мир состоит из объектов и событий, имеющих пространственно-временную протяженность.

Лингвокультурный аспект категорий «пространство» и «время» проявляется в том, что В. фон Гумбольдт назвал душой народа – в языке: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 48]. В языке сохраняется и выражается культурная информация о жизни определенного этноса в определенный исторический период. Национально-культурная семантика языка особенно ярко прослеживается в поговорках. Эти единицы языка непосредственно иллюстрируют культурную действительность и поэтому представляют интерес не только как средство общения между людьми, но и как источник огромного количества знаний о национальной истории и культуре страны. Русский этнограф И. М. Снегирев писал: «В пословицах и поговорках народ высказывает сам себя живее и сильнее, нежели все описания посторонних наблюдателей» [2, с. 84].

В основе термина *паремия* лежит греческое слово παροιμία [parimía] ‘поговорка, пословица, притча’. Некоторые словари, например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля или «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, дают определение паремий как фрагментов Библии (преимущественно – Ветхого Завета), предназначенных для богослужебного употребления.

В настоящее время в лингвистике термин *паремия* имеет несколько дефиниций. Лингвисты используют различные подходы при его определении. Ряд авторов рассматривает паремию в качестве родового термина к понятиям *пословица* и *поговорка*. В. М. Мокиенко трактует паремию как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения» [3, с. 8]. Л. Б. Савенкова термином *паремия* обозначает «вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [4, с. 14]. В. А. Воропаева относит к паремиям «пословицы, поговорки, изречения из Священного Писания, обладающие признаками общеизвестности» [5, л. 92].

Некоторые авторы в своих исследованиях указывают на сходство между паремиями и фразеологическими оборотами. Г. Л. Пермяков в своем научном труде «Основы структурной паремиологии» отмечает, что паремии, как и фразеологические обороты «представляют собой клише и используются в качестве знаков», а также «обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли» [6, с. 201].

Часть лингвистов считает, что паремии исключаются из области фразеологии. По мнению В. П. Жукова, «от фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении, поскольку они являются законченными предложениями». Жуков также указывает на смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость и другие признаки предложения, отличающие пословицу от фразеологизма. По его мнению, важно и то, что основу пословицы составляет не понятие, как у фразеологизмов, а суждение [7, с. 9].

Проблема интерпретации паремии остается актуальной в современном языкознании. Такая особенность паремии, как синкретичность (сочетание в себе черт фразеологических сочетаний, пословиц, поговорок, афоризмов и т.д.), затрудняет определение ее статуса в ряду других устойчивых выражений, а также формулировку единой дефиниции данного термина. В общетеоретическом смысле паремию можно определить как устойчивую, воспроизводимую в речи, не менее чем двухкомпонентную языковую единицу, в которой кратко, обобщенно и вместе с тем стилистически и грамматически оформлено иллюстрируется законченная мысль, выражающая мудрость определенного народа, а также культурный опыт, аккумулированный на протяжении многих поколений.

Белорусский язык, как и любой другой, отличается национально-культурной спецификой, поэтому для исследователя-лингвиста белорусские паремии, несомненно, имеют лингвокультурологическую ценность. Национально-культурная специфика выражается посредством лексико-семантического содержания паремий: названия реалий материальной и духовной культуры белорусов, животного и растительного мира Беларуси, имена известных персон, географические названия, обычаи и традиции, исторические события, быт и гражданско-экономический уклад, литература и др.

Вопрос пространственно-временных отношений находит свое отражение в полной мере и в белорусских паремиологических высказываниях. В результате анализа паремий, отобранных из «Фразеологического словаря белорусского языка» И. Я. Лепешева, «Слоўніка беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» С. Ф. Ивановой и Е. Е. Иванова, а также

«Русско-белорусского словаря пословиц» Е. Е. Иванова, был сделан следующий вывод: одним из наиболее частотных образов в белорусских паремиях, используемых для экспликации понятий, входящих в семантическое поле «пространство» и «время», является образ нечистой силы, что обусловлено особенностями славянской мифологии. В паремиях нечистая сила чаще всего представлена лексическими единицами *чорт*, *ліха*, *д'ябал*, *нячыстая <сіла>*, *нялёгкая <сіла>*.

В белорусском фольклоре черт представлен как антропоморфное существо, покрытое черной шерстью, с рогами, хвостом и копытами. Собственно черти отличаются от прочей нечисти местами своего обитания и свободой передвижения (повсюду, вплоть до церкви ночью), а также способностью к оборотничеству (превращаются в черную кошку, собаку, свинью, змею, чаще в человека, странника, младенца, кузнеца, мельника, могут принимать облик знакомого соседа, мужа и тому подобных). Черти в народных верованиях постоянно вмешиваются в жизнь людей: могут причинять как мелкие неприятности и принуждать к неправильным поступкам, так и провоцировать на преступление, самоубийство, а также пытаются заполучить душу человека. Считается, что черти могут также насылать непогоду, метель, сами превращаются в вихрь, срывающий крыши, приносящий болезни [8].

Воплощением злой доли, горя и несчастья в восточнославянской мифологии является Лихо. Один из распространенных способов представления Лиха в мифологии – облик бабы огромного роста с одним глазом, которая спит на кровати из человеческих костей. Лихо на своем пути валит деревья, засыпает реки и озера, не проявляя жалости ни к людям, ни к животным: всех встречных существ Лихо разрывает на части и съедает [9, с. 97].

Вышеописанные образы в белорусской культуре являются исключительно отрицательным, поэтому выражения с лексемами *чорт*, *ліха*, *д'ябал*, *нячыстая <сіла>*, *нялёгкая <сіла>* имеют негативную коннотацию. Зачастую они используются для:

- 1) передачи эмоций – *баяцца як чорт крыжа/ладана* (страх); *што за чорт* (удивление); *ліха яго бяры* (безразличие);
- 2) описания отрицательных черт характера человека – *чорт лазаты* (очень злой человек); *хітры як чорт* (пронырливый человек); *чортам падшыты* (неугомонный, неусидчивый человек);
- 3) описания неблагоприятных погодных условий – *чэрці жэняцца*, *чэрці вяселле спраўляюць*, *чорт з ведзьмай ажаніўся* (очень сильная метель); *д'ябальская спёка* (жаркая, знойная погода);
- 4) неодобрительной оценки событий, поступков, действий – *чорт пацягнуў за язык* (сожалеть, что было сказано лишнее);

- 5) усиления отрицания – *чорта лысага, чорта з два* (ничего подобного);
6) указания на количество – *да ліха, да чорту* (очень много) и др.

Использование образа нечистой силы для выражения категории «пространство» связано с предполагаемым местом обитания мифологических существ. Черт – это существо из преисподней, где он мучает грешников. Дьявол также ассоциируется с темным подземным миром, откуда посылает искушения на людей. Считается, что черти часто обитают в лесах, глубоких болотах, горах и других удаленных и непроходимых местах, которые являются опасными и таинственными. Лихо живет на старой заброшенной мельнице или в глухом лесу. Описанные мифологические существа обитают в отдаленных и недостижимых для человека местах, поэтому паремии, содержащие образ нечистой силы, который используется для выражения категории «пространство», имеют следующие значения.

Очень далекое, труднодоступное место – *у чортавых зубах, у чорта на рагах, дзе чорт хамуты не вешае, супраць ліха на ўзгорачку*. Пр.:

- *Аказалася, што Грыша працуе недзе ў чорта на рагах...* (А. Асіпенка);
- *Да ці ж такую кватэру ўжо атрымаеш?! Дадучь дзе-небудзь у чорта ў зубах маламетражку, і будзь здароў...* (М. Васілёнак).

Глубокое, бездонное место – *чортава акно, чортава вока*. Пр.:

- *Справа пачыналіся непраходныя смаленскія лясы з балотамі і вечна незамярзаючымі чортавымі вокнамі* (А. Асіпенка);
- *Ніводнага чортавага акна не засталася на балоце, па якім цяпер уздоўж і ўпоперак хадзілі магутныя чалябінскія трактары* (М. Паслядовіч).

Подальше от кого/чего-нибудь (в том числе негативная коннотация «Прочь!», «Вон!») – *да д’ябла, да чорта, к чорту, к/да чортавай матары*. Пр.:

- *- Вось жа ўспам’янеш мае словы! Не будзь я Іван Масладуда, калі мы не прагонім іх да чортавай матары!* (М. Лынькоў);
- *- І правільна ён цябе распісаў... Ідзі да д’ябла з маіх вачэй!*

Неизвестное место – *ліха ведае дзе, адзін чорт ведае дзе, нячысцік ведае дзе*. Пр.:

- *Ліха ведае, дзе ляжаць твая скарбы;*
- *Адзін чорт ведае, дзе яны згубіліся.*

Направление движения («Куда?», «Откуда?», «Где?» и др.) – *чорт нясе/панёс, ліха нясе, нячыстая гоніць/носіць, чэрці ўхапілі*. Пр.:

- *Астат хацеў быў рушыць да хаты, але Ганна папярэдзіла: – Пачакай хіба, яны хутка. Даведаешся, можа, куды іх чорт нясе* (М. Лынькоў);
- *Дзе гэта цябе нячыстая носіць? – сярдзіта запытаў дзед.*

Использование образа нечистой силы для выражения категории «время» обусловлено ассоциацией мифологических существ с хаосом, непредсказуемостью и нарушением нормального порядка вещей. Образы черта и дьявола часто служат для обозначения того, что выходит за рамки привычного, что может быть воспринято как негативное или нежелательное, а также для описания событий, которые происходят вне контроля человека или развиваются не так, как было запланировано. Паремии, содержащие образ нечистой силы, используемый для выражения категории «время», имеют следующие значения.

Не вовремя, в неподходящий момент – *чорт прыгнаў, чэрці прыгнали, нячысіц прынёс, ліха прынесла, нячыстая сіла прынесла, нячыстая/нялёгкая нясе*. Пр.:

- - *Каго там нялёгкая нясе не ў пару?* – сказаў я (М. Васілёнак);
- *Не паспеў я вярнуцца дадому, як у сяло прыехаў Ліпаў. Ён спыніўся каля Палікарпавай хаты. “Чаго яго прынесла нялёгкая?” – падумаў я* (А. Якімовіч).

Незапланированно, несвоевременно, неожиданно – *на табе чорт табакі, як чорт з табакеркі*. Пр.:

- - *Да, бачыш, сына чакаў ён ад першых родаў. Юркам назваць збіраўся, а тут – на табе чорт табакі – дачку жонка нарадзіла ўчора* (І. Козел);
- *Новы дырэктар з’явіўся як чорт з табакеркі і адразу пачаў усё мяняць*.

Потрачено много времени впустую – *пораўся, пораўся, а чорта выпараў*. Пр.:

- *Тры тыдні згубіў ён на пошукі, але безвынікова – пораўся, пораўся, а чорта выпараў*.

Торопить/опережать события – *лезці ў пекла раней за бацьку, паперад/раней бацькі ў пекла сунуцца/лезці*. Представленные паремии чаще всего употребляются в качестве предупреждения в форме императива с частицей *не*. Пр.:

- - *Гэй, не лезь раней бацькі ў пекла! Дай склад адкрыю! – закрычаў Давыдоўскі, адкідваючы завалу і расчыняючы шырокія, на дзве палавіны, дзверы* (В. Адамчык).

В данном случае для выражения категории «время» используется не сам образ нечистой силы, а ее место обитания: “Пекла – паводле рэлігійна-містычных уяўленняў – месца, дзе церпяць вечныя пакуты душы памерлых грэшнікаў, месца, дзе адбываюцца небяспечныя, жахлівыя падзеі. Лезці ў пекла – тое, што і лезці чорту ў зубы” [10, с. 102].

Таким образом, обращение к образу нечистой силы в паремиях обусловлено особенностями белорусской духовной культуры и мифологии. Самыми частотными языковыми единицами в проанализированных паре-

миях являються *чорт, ліха, д'ябал, нячистая <сіла>, нялёгкая <сіла>*; вираження с даними лексемами мають негативну коннотацію. Використання образу нечистої сили для вираження категорії «пространство» пов'язано з місцем обитання міфологічних істот, тоді як використання даного образу для передачі категорії «время» обумовлено асоціацією міфологічних істот з хаосом, непередсказуваністю і порушенням нормального порядку речей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. ; под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
2. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Рус. купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
3. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
4. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 239 с.
5. Воропаева, В. А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Воропаева Виктория Александровна ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 168 л.
6. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
7. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 672 с.
9. Коваль, У. І. Народня уявленні, павер'ї і прыкметы : Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. І. Коваль. – Гомель : Беларус. Агенства навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
10. Іванова, С. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Іванова, Я. Іваню. – Мінск : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.

Поступила в редакцию 21.03.2025

Хромчанка Альбіна Рышардаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры
медыялінгвістыкі і рэдагавання
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
г. Мінск, Беларусь,

Albina Khromchanka

PhD in Philology,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Medialinguistics and Literary Editing
Belarusian State University,
Minsk, Belarus
albina77153@gmail.com

Рабавя Ганна Іванаўна

студэнтка факультэта журналістыкі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь,

Hanna Rabava

Student of the Faculty of Journalism
Belarusian State University,
Minsk, Belarus
ryabovaannaofficial@gmail.com

АБ ПАХОДЖАННІ І ЎЖЫВАННІ СЛОВА *ШАЦУНАК* У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

ABOUT ETYMOLOGY AND USAGE OF THE WORD *SHATSUNAK* IN BELARUSIAN

У артыкуле даследуецца слова *шацунак* у сучаснай беларускай мове, шляхі запазычання, семантыка, а таксама фіксацыя яго ў старабеларускіх тэкстах. Звяртаецца ўвага на блізкія па значэнні і падобныя па марфемнай будове лексемы, адзначаныя ў “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы”. Выказваецца меркаванне, што інавацыйным цэнтрам слова *шацунак* з’яўлялася тэрыторыя Польшчы, адкуль яно было пашырана на памежныя землі Украіны і Беларусь. У старабеларускай мове слова мела некалькі лексічных значэнняў, некаторыя з якіх дагэтуль захаваліся ў беларускай мове.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *шацунак; шэнціць; шацаваць; беларуская мова; запазычанне.*

The article studies the word *shatsunak* in the modern Belarusian language, its ways of adoption, semantics, as well as its fixation in Old Belarusian texts. Attention is paid to the lexemes that are close in meaning and similar in morphemic structure, noted in the “Explanatory Dictionary of the Belarusian Language”. It is believed that the center of origin of the word *shatsunak* was the Polish territory, from where it was expanded to the border lands of Ukraine and Belarus. In the Old Belarusian Language, the word had several lexical meanings, some of which have survived in the Belarusian language to this day.

К е y w o r d s: *shatsunak; shentsits; shatsavats; Belarusian language; adoption.*

Змены ў грамадска-палітычным, эканамічным, культурным жыцці народа адбываюцца ў лексіцы, мяняюць слоўнікавы склад лексічнай сістэмы і з’яўляюцца штуршком да непарыўнага працэсу абнаўлення мовы. І хоць старэнне слоў, зніжэнне частотнасці іх выкарыстання адбываецца паступова, цягам доўгага часу, аднак у гісторыі грамадства засведчаны перыяды,

калі ў адначасці малаўжываная, устарэлая лексіка становілася актуальнай і набывала новае жыццё. Прынамсі, такія працэсы быў характэрны для беларускай мовы напрыканцы ХХ ст., калі пад уплывам культурных працэсаў у краіне адбывалася вяртанне ў вуснае і пісьмовае маўленне старых лексічных форм (*асадка, імбрык, імбрычак, філіжанка, фатэль*) ці, наадварот, утвараліся новыя словы, каб пазбавіцца ад русізмаў (*вітальяна – прыхожая*) і інш. Паказальна, што гэтая з’ява не спынілася ў выніку змены сацыяльна-палітычных арыенціраў, і культурныя працэсы, запушчаныя ў 90-я гг. ХХ ст., працягваюць дзейнічаць у мове. Пацверджаннем гэтаму служыць актывізацыя ў публіцыстычнай і мастацкай літаратуры, а таксама ў вусным беларускім маўленні слоў *шэнціць, пашэнціць, шанцаваць, шанцаванне, шацунак* са значэннямі ‘мець удачу’; ‘шчаслівы збег абставін’; ‘пашана, павага’.

У сувязі з гэтым лічым мэтазгодным на падставе наяўных фактаў правесці аналіз слова *шацунак* з гледжання яго функцыянавання ў сучасным дыскурсе, а таксама паходжання, тыпалогіі і арэальнага пашырэння.

У перакладзе Васіля Сёмухі на беларускую мову твора польскага пісьменніка Ежы Анджаеўскага «Цемра зямлю ахінае» (1957) гэтае слова захавана са значэннем ‘павага, ушанаванне’: *Вялікі і станісты пан маркіз дэ Вілена, забыўшыся пра шацунак да Іх Каралеўскіх Мосцяў, стукнуў кулаком па білцы крэсла* [1].

Выкарыстоўвалі *шацунак* і класікі беларускай літаратуры, напрыклад Янка Купала ў вершы «Свінапас і стрынатка» (1914):

...Аб маім пастырскім чыне
На’т ня думай брыдка
А тым болей – мей **шацунак**
Над маёю сьвіткай... [2];

Васіль Быкаў у творы «Кар’ер» (са значэннем ‘удача, поспех’): *Ну, думаю, трымайся, Сямён, справы твае быццам пайшлі ўгару, не балбачы толькі. Кароткі, аднак, быў мой шацунак, праз тыдзень пахавалі Навікоўскага – забілі, як пераходзілі жалезку* [3].

У перакладзе лібрэта да камічнай оперы Яна Голанда, першага вядомага арыгінальнага музычна-сцэнічнага твора «Агатка, або Прыезд пана» (1784), створанага і пастаўленага ў Беларусі, У. Мархель скарыстоўвае *шацунак* у значэнні ‘пашана’:

Тут у мяне найлепшы будзе вам **шацунак**,
Бо мне вас мілы Антак даў у падарунак,
Ды штосьці доўга не вяртаецца ён з двору,
Відаць, забавіцца і прыйдзе ён не скоро [4].

На сайце Catholic.by ад 16.02.2016 быў змешчаны матэрыял «Мансеньёр Марынка Антолавіч: праца святара-дыпламата – гэта служба на карысць тых, да каго пасылае Бог», у якім з названым вышэй значэннем ужываецца лексема *шацунак*: *Адносна камунікацыі з біскупамі, то яшчэ раз хацеў бы асабіста падзякаваць іерархам за зычлівы прыём, спагадлівасць, гатоўнасць слухаць і разважаць разам і за **шацунак** да маёй асобы* [5].

У прыведзеных вышэй кантэкстах слова *шацунак* мае значэнне ‘павага, пашанота’ ці ‘ўдача, поспех’, аднак у эфірным сюжэце канала «СТБ» (24 снежня 2024 г.) у апаведзе пробашча касцёла Святога Юды Тадэвуша ў вёсцы Прывалкі слова набывае семантычнае адценне, адпаведнае кантэксту, а менавіта ‘ўзаемаразуменне’: *Ведаем, што зараз так неспакойна ва ўсім свеце, таму сёння ўвесь каталіцкі свет моліцца, у першую чаргу, каб настаў супакой, згода, **шацунак**, павага паміж людзьмі ва ўсім свеце* [6]. Дапускаем магчымасць такой семантыкі на падставе ўжытага аўтарам сінанімічнага рада, дзе *шацунак*, на нашу думку, не з’яўляецца паўторам слова *павага*.

Паводле артыкула «Шацк (Пухавіцкі раён)», змешчаным у Вікіпедыі, выяўляецца, што ў беларускіх гаворках *шацунак* можа мець іншую семантыку – ‘украса’: *...значэнне такіх назваў трэба шукаць у словах кшталту **шацунак** (украса)...* [7]. Аднак пацверджання гэтаму ў дыялекталагічных крыніцах намі не знойдзена, таму варта разглядаць гэты прыклад як адзінкавы.

У сучасных тэкстах, размешчаных на сайтах, таксама сустракаецца названая лексічная адзінка, напрыклад у матэрыяле, прысвечаным аўтару блога «Хата з краю» Паўлу Бераснёву, яна ўжыта ў значэнні ‘ўдача’: *Часам не атрымаеш таго, чаго хочаш, гэта і ёсць **шацунак**, – разважае Вольга* [8].

Падобны кантэкст са словам *шацунак* можна шырыць, а таксама і са словамі, змешчанымі ў «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», якія маюць памету *Разм.*, такімі, як *шэнціць* з адсылкай да *шанцаваць*. Ададзяслоўны назоўнік *шанцаванне* ў слоўніку пададзены асобным артыкулам. З паметай *Разм.* зафіксаваны таксама і назоўнік *шанц*, які мае тое ж значэнне, што і *шанс*; апошні пазначаны як запазычанне з французскай мовы (*chance*) [9, с. 348, 436]. Аднак у слоўніку У. Даля *шанц* – гэта варыянт да слова *шанец* са значэннем ‘ваенны акуп, рэдут, невялікае ўмацаванне’ [10, с. 337], з такім жа значэннем слова *szaniec* адзначана і ў польскіх крыніцах з указаннем на запазычанне з нямецкай мовы *Schanze* [11, с. 643]. У сувязі з гэтым узнікае пытанне аб паходжанні гэтых слоў, якія, магчыма, маюць розныя семантычныя адценні і шляхі пранікнення ў бела-

рускую мову. Калі ж *шанс* з французскай мовы, дзе першапачатнае значэнне было ‘від гульні ў косці’, ад лацінскага *cadere* ‘падаць’ [11, s. 643], дык *шацунак* з суфіксам *-унак* указвае на запазычанне з польскай.

У польскай мове назоўнік *szacunek* мае значэнні: ‘пачуццё гонару, шанавання, глыбокай павагі’; ‘ацэнка вартасці прадметаў, маёмасці’. Дзеяслоў *szacować* прадстаўлены некалькімі значэннямі: ‘вызначаць кошт, ацэньваць’; ‘камбінаваць, разлічваць’; ‘быць высокай думкі пра сябе’, ‘шанаваць, паважаць’ і інш. Прыметнік *szacowny*, утвораны ад інфінітыва *szacować*, захоўвае падобную семантыку – ‘каштоўны, шаноўны, годны павагі’ [12, s. 341].

Паводле «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы», слова *шацунокъ* і яго арфаграфічны варыянт *шецунокъ* фіксуюцца ў помніках пісьменства з 1515 г. са значэннямі ‘ацэнка, вызначэнне кошту’, ‘вызначаная праз падлік сума расцэнкі’: *если ѿнь не присягнетъ на тыхъ перлохъ водлугъ шацѣнку, хто ихъ зналъ, маеть Сидорковой тыи перла платити* (КСД, 210, 1515); *то маеть быти шацовано на пнзи по тому, ꙗко ниже в семь статѣи шацѣнокъ збожю есть ѿписанъ* (Ст. 1588, 261). А таксама ўтвараюць лексічнае гняздо наступныя адзінкі: *шацовати*, *шацовникъ* ‘ацэншчык’, *шацовое* ‘плата за ацэнку чаго-н.’ і інш. [13, с. 72–73]. У XVI ст. працэдура спагнання «шацунку» выглядала наступным чынам: купец з таварамі з’яўляўся ў мытную камору. Іх заносілі ў кнігу, «шацавалі» (ацэньвалі) і «давалі цэхі» (ставілі пячатку). Па выплаце купец атрымліваў «квіт» (даведку) аб аплаце, які ён быў абавязаны прад’яўляць на кожнай наступнай мытні. Купцы маглі выплачваць мыта «гатавай» – падрыхтаванымі для аплаты грашыма або прывезенымі таварамі [14].

З іншымі значэннямі, якія ёсць у польскай мове, у прыватнасці, ‘пачуццё гонару, павагі’, асобных артыкулаў у «Гістарычным слоўніку беларускай» мовы няма, аднак некаторыя ілюстрацыі да слова *шацунак* маюць не зусім выразнае значэнне з-за недастатковага кантэксту: *члвкъ которы ѣчинит шлюбъ, а пошлюбит богу дѣшу свою, под шацѣнкомъ дасць ѿкупъ* (Библія, 177) [13, с.73]. Магчыма, тут маецца на ўвазе ахвяра Богу як знак пашаны пасля прыняцця пэўнай клятвы. У сувязі з гэтым дапускаць, што ў старабеларускай мове слова *шацунак* мела толькі два значэнні: ‘ацэнка, вызначэнне кошту’ і ‘сума расцэнкі’, нам думаецца, няма падстаў. Тым больш што варыянты дзеяслоўных форм кшталту *шанцовати* (*шанцоватися*) зафіксаваны ў названым вышэй слоўніку са значэннем ‘шэнціць, шанцаваць’: *коли се так крижаком в литве шанцовало, иж жомоитскѣю землю тѣжским гармом ѿкрѣтне ѿбтѣжили* (Стрыйк., 533б) [Тамсама, с. 52].

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (Москва, 1973, с. 403) не фіксуе лексічную адзінку *шацунак*, толькі слова *шанец*, якое аўтар слоўніка выводзіць з нямецкай мовы, што пацвярджаюць і іншыя лексікаграфічныя крыніцы, і якое праз польскую трапіла ва ўкраінскую (*шанець, шанця*) са значэннем ‘земляны акуп, палявое абарончае ўмацаванне’.

Вызначэнне арэала пашырэння гэтай назоўнікавай формы вымагае больш дэталёвага даследавання фіксацыі яе ў пісьмовых крыніцах, а таксама ўжывання ў беларускіх і іншых славянскіх гаворках. У прыватнасці, «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» фіксуе толькі дзеяслоў *шэнціць*. Аднак тыпалагічна тоесны назоўнік адзначаецца ва ўкраінскіх гаворках заходняй зоны, памежнай з польскай тэрыторыяй. *Шацунок* у слоўніку ўстарэлай лексікі ўкраінскай мовы пададзены са значэннем ‘оцінка, обрахунок’, што адпавядае значэнням у старабеларускай мове, а таксама ў польскай [15]. Слоўнік львоўскіх гаворак (Лексикон львівський: поважно і на жарт. – Львів, 2009) фіксуе гэтую лексему са значэннем ‘повага, шана’: *мати шацунок*, дзеяслоў *шацувати* са значэннем ‘поважати, шанувати’: *Дурень я – от що! Я все ж таки вище шацував Оришку* (с. 626). У «Этымалагічным слоўніку ўкраінскай мовы» ў артыкуле *шацувати* як аднакаранёвы згадваецца і назоўнік *шацунок*. Паходжанне гэтых слоў вядзецца ад гоцкага *skatss* ‘багацце, грошы’, нямецкага *Schatz* ‘скарб’ і інш. [16, с. 391]. Як вынікае з папярэдняга аналізу, лексема *шацунак* шматзначная і першасным значэннем, відавочна, было ‘ацэнка, разлік’, што пацвярджаюць беларускія помнікі пісьменства, а таксама слоўнік устарэлай лексікі ўкраінскай мовы.

Арэальны-тыпалагічны аналіз дазваляе ўмоўна акрэсліць зону функцыянавання назоўніка *шацунак* з інавацыйным цэнтрам на тэрыторыі Польшчы, адкуль гэтая з’ява пашырылася на ўсход – заходнюю Украіну і Беларусь. У польскай мове ўтварэнне назоўніка адбылося суфіксальным спосабам ад утваральнай асновы інфінітыва *шацаваць*, запазычанага з нямецкай мовы. Калі ўлічыць час фіксацыі слова *шацаваць* у старабеларускай мове (пачатак XVI ст.), то можна дапусціць магчымасць яго запазычання без пасярэдніцтва польскай мовы, а ў выніку непасрэдных міжмоўных кантактаў, вусным шляхам. Як адзначаецца ў «Лексікалогіі сучаснай беларускай літаратурнай мовы», германізмы маглі пранікаць у старабеларускую мову шляхам прамога запазычання, што адбывалася на працягу ўсёй гісторыі старабеларускай мовы ў працэсе гандлёвых сувязяў і шчыльных кантактаў з нямецкімі спецыялістамі ў галіне рамеснай і іншай гаспадарчай дзейнасці. У тэматычнай групе абстрактнай лексікі, прадстаўленай у названай вышэй кнізе, ёсць і слова *шанцовати* без указання яго значэнняў

і граматычных памет [17, с. 71, 73]. У сувязі з гэтым паходжанне і семантыку слова *шацунак* у беларускай мове неабходна даследаваць у кантэксце іншых аднакаранёвых слоў, а перадусім інфінітыва *шацаваць*. Пра даўняе запазычанне гэтага інфінітыва сведчыць наяўнасць яго ў лямкоўскіх гаворках украінскай мовы, адных з самых архаічных і самабытных, якія належаць да гаворак карпацкай групы: *шацувати* са значэннем 'ацэньваць, вызначаць вартасць' (гл.: Пиртей П. С. Короткий словник лемківських говірок, 2004). Тэрытарыяльна лямкоўскія гаворкі пашыраны ў заходніх раёнах Закарпацкай вобласці Украіны, ва ўсходняй Славакіі і ў Жэшуйскім ваяводстве Польшчы, што можа сведчыць на карысць больш шырокага арэала ўжывання інфінітыва, а таксама магчымых словаўтваральных форм ад яго асновы.

Семантычны аналіз паказаў, што ў сучасным беларускім маўленні словы *шані, шанс, шанец, шацунак* утвараюць поле парадыгматычнага тыпу, адзінкамі якога з'яўляюцца назойнікі, і маюць інтэгральную семантычную прымету 'ўдача, шчаслівы збег абставін'. Іншую лексіка-семантычную групу з названай прыметай складаюць дзеясловы *шэнціць, пашэнціць, шанцаваць*, дзе дамінантай выступае інфінітыў *шанцаваць*. Такім чынам, сэнсавая парадыгма, якая аб'ядноўвае словы розных часцін мовы, мае тэндэнцыю да пашырэння семантычнага поля, пра што сведчыць слова *шацунак*, якое ў сучасных вусных і пісьмовых кантэкстах мае наступныя значэнні: 1) павага, пашана; 2) удача, поспех, шчаслівы збег абставін; 3) узаемаразуменне.

Тэндэнцыя да частотнасці выкарыстання слова *шацунак*, актуалізацыя яго значэнняў 'пашана', 'удача' ў беларускім маўленні звязаны з элементамі грамадскай этыкі і павагі і з'яўляюцца сведчаннем эвалюцыі сацыяльных каштоўнасцяў і значнасці культурнага дыялогу. Мяркуем, што слова *шацунак* можна разглядаць у групе даўно запазычаных слоў, цалкам адаптаваных у беларускай мове. Паводле А. Баханькова, «...запазычанні, зробленыя на ранніх этапах развіцця беларускай мовы... да цяперашняга часу поўнасю асвоены і ўспрымаюцца як уласна беларускія словы. Запазычанні адносна нядаўняга часу тыпу *відэатэлефон, візаві, індыга*, наадварот, захоўваюць фанетыка-марфалагічныя асаблівасці, не ўласцівыя беларускай мове...» [17, с. 166].

Актыўнае функцыянаванне слова *шацунак* у беларускай мове, тэндэнцыя да пашырэння яго лексічных значэнняў сведчаць аб непарыўным працэсе абнаўлення і развіцця мовы, узбагачэнні яе слоўнікавага складу, што дае падставы для фіксацыі гэтай лексемы ў акадэмічных слоўніках без паметы *размоўнае*.

ЛІТАРАТУРА

1. *Анджаеўскі, Е.* Цемра зямлю ахінае / Е. Аджнеўскі. – URL: https://knihi.com/Jezy_Andzajeuski/Ciemra_ziamlu_achinaje.html (дата звароту: 10.03.2025).
2. *Купала, Я.* Сьвінапас і стрынатка / Я. Купала // Збор твораў. Купала, 1925–1932. – URL: [https://be.wikisource.org/wiki/Збор_твораў_\(Купала,_1925–1932\)/V/VI/Сьвінапас_і_стрынатка](https://be.wikisource.org/wiki/Збор_твораў_(Купала,_1925–1932)/V/VI/Сьвінапас_і_стрынатка) (дата звароту: 27.11.2024).
3. *Быкаў, В.* Кар’ер / В. Быкаў. – URL: <https://rb.rbook.club/book/14073129/read/page/126/> (дата звароту: 10.03.2025).
4. *Радзівіл, М.* Агатка, або Прыезд пана / М. Радзівіл. – URL: <https://khblit.narod.ru/arhiu/lib/radzivil.htm> (дата звароту: 10.03.2025).
5. Мансеньёр Марынка Антолавіч: праца святара-дыпламата – гэта служба на карысць тых, да каго пасылае Бог. – URL: <https://catholic.by/3/pub/interview/3101> (дата звароту: 10.03.2025).
6. СТБ. Навіны. Грамадства. У Прывалках каталікі завяршылі Адвэнт – мясцовыя жыхары адзначылі Куццю. – URL: <https://ctv.by/news/obshchestvo/v-privalkah-katoliki-zavershili-advent-mestnye-zhiteli-otmetili-sochelnik> (дата звароту: 10.03.2025).
7. Шацк (Пушавіцкі раён). – URL: <https://be.wikipedia.org> (дата звароту: 04.03.2025).
8. Досвед. – URL: <https://downshifter.by> (дата звароту: 04.04.2025).
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Бел. Сав. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1982. – Т. 5, кн. 1 / рэд. тома М. Р. Суднік. – 663 с.
10. *Даль, В. И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание / В. И. Даль. – М. : Астрель, 2007. – 349 с.
11. *Słownik wyrazów obcych: Wydanie czwarte.* – Warszawa, 1959. – S.720.
12. *Podręczny słownik języka polskiego: Przedruk fotooffsetowy na podstawie wydania M. Arcta z 1939 r.* – Warszawa, 1957. – S. 496.
13. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 37: Чорное – яшчык. Дадатак / склад. І. У. Будзько [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 415 с.
14. *Осторога, В. А.* Опорный конспект по курсу «История таможенного дела и таможенной политики Республики Беларусь» / В. А. Осторога. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/159924> (дата абрацання: 27.11.2024).
15. Зведений словник застарілых та маловжываных слів. – URL: <http://lityrus.org.ua> (дата звароту: 24.03.2025).
16. Етымалогічны слоўнік украінскай мовы : у 7 т. / редкол. : О. С. Мельничук [та ін.]. – Київ. : Наук. думка, 1983. – 589 с.
17. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.

Поступила в редакцию 24.03.2025

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Василевская Валерия Михайловна

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Valeria Vasilevskaya

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
valeria-vas90@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ YAGPT ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕФЕРИРОВАНИЯ ТЕКСТА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

POTENTIAL CAPABILITIES OF YAGPT COMPUTER TECHNOLOGY FOR AUTOMATIC TEXT SUMMARY: CONTENT ASPECT

Статья посвящена исследованию возможностей нейросети YaGPT для автоматического реферирования русскоязычных текстов различной тематики. Полученные автором сгенерированные рефераты проанализированы по содержательным критериям: полнота отражения содержания и точность передачи данных. Проиллюстрированы наиболее частые нарушения в передаче содержания, на их основе сформулированы лингвистически значимые проблемы автоматического реферирования нейросетью YaGPT, дана оценка потенциальных возможностей исследуемой компьютерной технологии для реферирования текстов в специализированных предметных областях.

Ключевые слова: *автоматическое реферирование текста; русский язык; нейросеть YaGPT; жанр интервью.*

The article is devoted to the study of the capabilities of the YaGPT neural network for automatic abstracting of Russian-language texts on various topics. The generated abstracts the author received were analyzed according to content criteria: completeness of content reflection and accuracy of information transfer. The most frequent errors in content transfer are illustrated, linguistically significant problems of automatic abstracting by neural network YaGPT are formulated on their basis, potential possibilities of the investigated computer technology for abstracting texts in specialized subject areas are evaluated.

Key words: *automatic text abstracting; Russian language; YaGPT neural network; interview genre.*

Современные информационные технологии значительно изменяют все сферы человеческой деятельности, включая сферу обработки и распространения знаний. В условиях стремительного увеличения объемов цифровой информации и постоянного дефицита времени пользователей задача эффективного извлечения ключевых данных из текстов становится особенно актуальной. В этой связи особое внимание привлекают технологии обработки естественного языка (NLP), которые направлены на создание автоматизированных систем, способных анализировать и генерировать текстовую информацию с высоким уровнем точности и содержательности.

Среди ключевых задач, решаемых с помощью таких технологий, выделяется *автоматическое реферирование* – процесс извлечения и представления ключевых идей и концепций исходного текста в сжатом и структурированном виде. Это позволяет существенно ускорить процесс получения информации, сэкономить время пользователя и повысить эффективность работы с большими объемами текстовых данных. В контексте цифровизации, когда информационные потоки становятся все более масштабными и сложными, автоматическое реферирование является неотъемлемым инструментом для аналитиков, исследователей и профессионалов в различных областях знаний.

Одним из ярких примеров применения современных технологий в области автоматического реферирования является использование нейронных сетей, в частности, генеративных моделей, таких как YaGPT, разработанная компанией «Яндекс». Эта нейросеть позволяет создавать автоматические рефераты на основе текстов на русском языке, что делает ее удобным инструментом для работы с текстовой информацией в русскоязычном сегменте сети Интернет. Однако, несмотря на высокую востребованность таких технологий, остаются нерешенными вопросы точности и полноты генерируемых текстов, что поднимает проблему их применения в профессиональной сфере.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ содержания автоматических рефератов, создаваемых с использованием YaGPT, с точки зрения их соответствия оригинальным текстам в передаче содержания и его адекватности для обеспечения читателя полной и точной информацией, содержащейся в оригинале.

Основная задача исследования состоит в выявлении лингвистических трудностей, с которыми сталкивается нейросеть YaGPT при генерации рефератов. Решение этой задачи позволит оценить перспективы использования данной технологии для реферирования текстов профессиональной направленности в специализированных предметных областях.

Несмотря на давно существующую популярность текстовой компрессии в наше время нет единого мнения об определении самого понятия *реферат* (лат. *refferere* 'докладывать, сообщать'). Спорным моментом выступает наличие [1, с. 11] либо отсутствие (ГОСТ) в реферате оценочных замечаний и выводов референта. В контексте данного исследования наиболее приемлемо определение реферата, представленное в ГОСТ: «краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы, без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора реферата» [2, с. 2].

Исследователями Н. М. Нестеровой и Н. А. Герте указаны три основных требования к качеству реферата, которым должны отвечать вторичные тексты, созданные при ручной обработке оригинала: 1) объективность, 2) полнота отражения содержания первоисточника, 3) семантическая адекватность первичного и вторичного текстов [3, с. 128].

Автоматическое реферирование заключается в создании краткого вторичного текста на основе анализа первоисточника. Для этого используются специальные алгоритмы, которые выделяют ключевую информацию и генерируют компактную версию текста, сохраняя основные идеи и общий смысл. Задача усложняется необходимостью семантического анализа текста и генерации связного реферата в соответствии с нормами языка.

Существуют два основных подхода к автоматическому реферированию: а) экстрактивный, при котором выделяются наиболее важные предложения текста; б) абстрактивный, основанный на интерпретации первичного текста с последующей генерацией нового, более короткого текста, включающего основную информацию оригинала.

Абстрактивный подход считается более перспективным, поскольку он позволяет системе генерировать рефераты, имитируя процесс обобщения информации, характерный для человека. Однако исследователи отмечают, что данный метод является более сложным и медленным, требующим значительных вычислительных ресурсов для глубокого понимания исходного текста. Кроме того, генерация связного и содержательного текста сама по себе остается одной из нерешенных проблем в области обработки естественного языка [4].

Несмотря на прогресс в области технологий, автоматические рефераты, созданные с использованием нейросетей, по-прежнему в основном воспроизводят содержание оригинала в технически сжатом виде. В отличие от таких репродуктивных рефератов, продуктивное реферирование, требующее творческого осмысления и критического анализа источника,

остается сложной задачей для искусственного интеллекта. Как отмечает В. С. Волков, «машина превосходно “умеет” изложить одну и ту же единицу информации более короткими по физической протяженности лексическими и синтаксическими средствами», однако «она вряд ли способна кратко оценить реферируемый текст, перечислить основные его положения, оставляя и отделяя общее от частного, главное от второстепенного, нужное от ненужного, хорошее от плохого и прочее» [5, с. 133].

В этом контексте особый интерес представляет исследование типов рефератов, создаваемых с помощью YaGPT, и их соответствие требованиям объективности, полноты и семантической адекватности.

В настоящем исследовании для анализа автоматических рефератов представляется актуальным использовать систему критериев оценки эффективности алгоритмов автоматического реферирования, предложенную Д. В. Белогорской и З. И. Резановой [6, с. 22]. Авторы выделяют две группы критериев – *структурные* и *содержательные*, определению которых следует дать необходимые для данной работы комментарии.

Структурные критерии подразумевают сохранение в реферате структурной упорядоченности текста, что особенно важно при реферировании объемных материалов, где структура играет важную роль в автоматической обработке информации.

Содержательные критерии включают:

1) полноту отражения содержания (наличие в реферате всех микротем, присутствующих в оригинальном тексте, расположенных в той же логической последовательности);

2) точность передачи данных (адекватную передачу ключевых деталей из первоисточника в рамках каждой микротемы), которая подразделяется на:

- а) наличие/отсутствие искаженной информации,
- б) степень полноты представления данных,
- в) наличие/отсутствие излишних повторов фрагментов текста,
- г) наличие/отсутствие нарушений логики текста.

В рамках данного исследования с учетом малого объема анализируемых текстов выполнение анализа по структурным критериям не представляется возможным. В силу этого акцент сделан на оценке автоматически сгенерированных рефератов по их результирующим показателям – *содержательным* критериям.

Материал, представленный в жанре интервью, был выбран для исследования по следующим причинам. Интервью представляет собой беседу журналиста с одним или несколькими интервьюируемыми, в ходе

которой от их лица излагаются обсуждаемые факты и события. Этот жанр характеризуется высокой информативностью и индивидуально выраженной подачей материала, в которой тема, предложенная ведущим, находит тесное отражение в содержании речи его собеседников. Это делает такой материал удобным для анализа качества алгоритмов автоматического реферирования по содержательным критериям.

Наиболее распространенной формой жанра является интервью-диалог, представляющее собой беседу в формате вопросов и ответов [7]. Такой формат позволяет нейросети сталкиваться с разнообразием стилей изложения, неоднозначностью использования местоимений и необходимостью правильно интерпретировать реплики участников, что делает интервью подходящим жанром для тестирования точности передачи данных и полноты отражения содержания получаемых рефератов.

В качестве источника материалов исследования выступил официальный сайт БЕЛТА, на котором были отобраны 32 текста интервью различной социально значимой тематики. Основным критерием отбора послужил размер текста, поскольку технология YaGPT способна обрабатывать тексты объемом не более 4000 знаков с пробелами. Исследование проводилось с позиции обычного пользователя, то есть без предварительной обработки исходных текстов и без дополнительной редакции полученных рефератов.

Результаты анализа показали следующее. Из полученных нами 32 автоматических рефератов только 4 текста (12,5 %) можно признать удовлетворительными. Эти рефераты в достаточной степени отражают суть оригиналов и не содержат существенных нарушений, затрудняющих корректное восприятие информации читателем, что позволяет не включать их в дальнейший анализ. Однако большинство рефератов (28 текстов, или 87,5 %) по содержательным критериям оценить положительно не представляется возможным. В передаче содержания оригинала они имеют как минимум одно, а нередко – сразу несколько нарушений. В целом в проблемном исследовательском материале зафиксировано 58 нарушений. В нижеследующем изложении с использованием выделенных критериев проводится их анализ, который, благодаря иллюстрации примерами, делает очевидными лингвистические трудности, возникающие у нейросети при обработке содержания.

С позиций критерия **(1) полноты отражения содержания** выявлено несоответствие, затрагивающее 1/3 исследуемого материала: 10 автоматических рефератов имеют неполноту отражения содержания оригинала, когда во вторично созданном тексте одна или несколько микротем оказываются полностью утраченными.

Анализ материала в соответствии с критерием **(2) точности передачи данных** показал, что самым частотным нарушением является **(а) искажение исходной информации**, которое выявлено в 24 случаях, зафиксированных в 14 рефератах.

Оригинал: ***Нашу** сборную представляли две команды. Одна участвовала в «Экстремальном уровне», а **мы** соревновались в «Профессиональном уровне» [А].*

Реферат: *Игорь участвовал в двух командах: одна соревновалась в «Экстремальном уровне», а вторая – в «Профессиональном уровне».*

В данном примере нейросеть ошибочно интерпретировала местоимения *нашу* и *мы*. Поскольку ей не удалось верно разрешить данную анафору, это привело к искажению смысла. В оригинальном тексте интервью *наша сборная* – это сборная Беларуси, представленная двумя командами, а местоимение *мы* указывает на одну из этих команд, в которой участвовал интервьюируемый Игорь. Нейросеть в соседних предложениях связала местоимения *нашу* и *мы* с одним и тем же antecedентом: *наша сборная из двух команд → мы в сборной участвуем в соревнованиях → мы = Игорь → Игорь участвует в двух командах.*

Оригинал: *Я участвовал **во всех трех дисциплинах, во всех трех забегах** у сборной Беларуси – победа [А].*

Реферат: *Игорь рассказал о победе сборной Беларуси и своём участии **в трех дисциплинах и трех забегах.***

Как видно из примера, ошибка вызвана неверной трактовкой запятой. Нейросеть не распознала, что в данном контексте *дисциплины* и *забеги* являются синонимами, описывающими одни и те же действия. Вместо этого они были интерпретированы как перечисление двух действий разных категорий.

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что нейросеть сталкивается с трудностями в понимании контекста, связанного с анафорой, а также характеризующегося синтаксической неоднозначностью. Ошибки возникают при интерпретации местоимений и их antecedентов, при анализе сложных синтаксических конструкций, где однородные члены могут выражать одну и ту же сущность.

Довольно частотными являются нарушения в распознавании отношения «целое–частное».

Оригинал: *По основным показателям деятельности по внутреннему и въездному туризму туристические организации сработали сопоставимо к уровню успешного для нас допандемийного 2019 года, а по некоторым – и превзошли [Б].*

Реферат: *Основные показатели внутреннего и въездного туризма превзошли уровень 2019 года.*

В данном случае автоматический реферат неверно обобщает информацию, указывая, что **все** основные показатели (целое) превзошли уровень 2019 года. Однако в оригинальном тексте сообщается иное: превышение зафиксировано лишь **по некоторым показателям** (частное), а по остальным значениям результаты лишь соответствуют допандемийному уровню. Таким образом, допущено искажение смысла за счет некорректного сведения частного к целому.

Следующим по частотности нарушением передачи содержания является **(б)** неполнота представления данных (обнаружено в количестве 12 случаев в 6 из сгенерированных рефератов).

Оригинал: *Трудился **общим хирургом, травматологом, онкологом**, дежурил в стационаре. В последующем выбрал более узкую специальность – **травматологию**, перешел в больницу скорой медицинской помощи в Бресте. В 2010 году устроился в областную больницу, прошел специализацию и работал **нейрохирургом**. В 2011-м уже работал в отделении **торакальной хирургии** [В].*

Реферат: *После окончания медицинского университета Александр Николаевич начал специализироваться в **травматологии**, затем перешёл в **торакальную хирургию**.*

Как видно из примера, вторичный текст существенно сокращает оригинальную информацию, опуская при этом важные этапы профессионального пути врача. В результате читатель получает упрощенное и неточное представление о его карьерном развитии: в реферате отсутствует указание на многопрофильный опыт работы (хирург, травматолог, онколог, дежурный врач), нет этапов перехода между медицинскими учреждениями и комментария о процессе углубления специализации. Подобное упрощение снижает информативность текста и искажает картину профессионального роста специалиста.

В ряде случаев выявлено, что неполнота информации в автоматическом реферате не просто снижает его информативность, но и полностью искажает суть обсуждаемого факта.

Оригинал: *Как сейчас в целом меняются **Африка и Ближний Восток**? **Как нам выстраивать политический и экономический диалог**, чтобы он был взаимовыгодным? – Этот регион динамично развивается прежде всего. **Важно отметить, что страны этого региона в большинстве своем поворачиваются к нам**. Если было определенное время затишья, какие-то опасения или, может быть, стеснения, то **последний год мы чувствуем движение вперед, чувствуем интерес к нам** [Г].*

Реферат: *В тексте рассматривается вопрос изменения ситуации в Африке и на Ближнем Востоке, а также выстраивания политического и экономического диалога между странами. Автор отмечает динамичное развитие региона и поворот стран к сотрудничеству с другими государствами.*

В данном случае YaGPT не смогла правильно интерпретировать местоимение *к нам* и установить, что оно относится именно к Беларуси. В результате информация представлена некорректно: у читателя создается впечатление, будто страны Африки и Ближнего Востока проявляют политический и экономический интерес преимущественно друг к другу, тогда как в оригинале речь идет о заинтересованности этих государств в сотрудничестве с Беларусью.

Ошибка связана с тем, что нейросеть не смогла выявить верный antecedent местоимения *к нам* в контексте, что привело к серьезному смысловому искажению. В итоге читатель реферата получает неверное представление о международной политической и экономической ситуации, что делает такой вторичный текст не только неточным, но и потенциально вводящим в заблуждение.

Выявлено, что неверный автоматический анализ текста в его начале приводит к каскадному искажению информации во всем реферате.

Оригинал: *Кстати, почему очень активно в последнее время развиваются контакты и сотрудничество Национальной академии наук с египтянами и оманцами (надеюсь, так же будет и с Алжиром, и с Суданом). Это показывает интерес к нашим высоким технологиям [Г].*

Реферат: *В тексте также отмечается активное развитие контактов и сотрудничества между странами региона, в частности, между Египтом, Алжиром и Суданом.*

В данном случае ошибки в интерпретации ключевых элементов оригинального текста привели к нескольким серьезным искажениям содержания.

Ошибка 1. Смещение центра сотрудничества. В реферате не упоминается, что именно Беларусь является главным участником взаимодействия, а ложно указывается, что сотрудничество происходит между странами зарубежного региона друг с другом.

Ошибка 2. Потеря информации об Омане. В исходном тексте упомянуто, что контакты уже активно развиваются не только с Египтом, но и с Оманом, однако в реферате этот факт полностью отсутствует.

Ошибка 3. Неверная трактовка будущих событий. В оригинале выражена надежда на предстоящее сотрудничество Беларуси с Алжиром и Суданом, тогда как в реферате этот процесс представлен как уже свершившийся факт.

Прокомментированные ошибки наглядно демонстрируют, что автоматический алгоритм не распознает контекстные связи и не учитывает модальность суждений и даже небольшие неточности в обработке текста могут приводить к значительному искажению смысла.

В текстах автоматических рефератов встречаются **(в)** излишние повторы фрагментов текста (зафиксированы 8 случаев в 8 рефератах), причем во всех выявленных случаях они связаны с именем интервьюируемого. Рассмотрим пример такого реферата [В]:

***Александр Николаевич** рассказывает о своём пути в медицине и выборе профессии хирурга. **Он** отмечает, что изначально хотел стать хирургом, чтобы заниматься серьезной и важной работой. На **его** решение также повлияли школьные учителя и родители, которые видели своих детей медиками.*

***Александр Николаевич** вспоминает своё волнение во время первых операций, особенно при аппендэктомии. Однако со временем **он** научился контролировать свои эмоции и стал более уверенным в себе.*

*После окончания медицинского университета **Александр Николаевич** начал специализироваться в травматологии, затем перешёл в торакальную хирургию. **Он** объясняет свой выбор тем, что торакальная хирургия является сложной и интересной областью медицины, требующей высокой квалификации и навыков.*

***Александр Николаевич** также упоминает о своей научной работе, которую он начал под руководством опытных специалистов. **Он** успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему современных технологий хирургического лечения проблем с пищеводом.*

В данном случае нейросеть идентифицирует имя и пытается избежать его избыточного повторения, заменяя соответствующим местоимением. Однако этот подход создает проблему однообразия текста, поскольку алгоритм не анализирует контекст на предмет возможных альтернативных формулировок. Например, вместо многократного употребления имени следовало бы варьировать обозначение интервьюируемого через его профессиональный статус: врач, хирург, специалист, медик. Замена имени на обозначение профессионального статуса позволила бы стилистически разнообразить текст реферата и облегчить его восприятие читателем. Также в автоматических рефератах интервью ввиду отсутствия указаний на интервьюируемого выявлена тенденция к «обезличиванию» повествования, что снижает информативную ценность реферата.

Наименьшее количество выявленных нарушений в текстах автоматических рефератов связано **(г)** с разрывом логики текста (4 случая в 4 рефератах). Однако во всех случаях, когда эта погрешность имеет место, она оказывает существенное влияние на корректность восприятия информации. Приведем пример нарушения данного типа.

Оригинал: *Как я понимаю, это про Олимпиаду в Нагано-1998.* – Да, это особо памятное событие - **комментирование** двух хоккейных матчей вместе с Президентом Беларуси. По ходу матча я задавал Александру Григорьевичу вопросы об Играх, о выступлении наших спортсменов, о ходе встреч [Д].

Реферат: Владимир Новицкий отмечает, что особое впечатление на него произвели **комментарии** двух хоккейных матчей на Олимпиаде в Нагано-1998 вместе с президентом Беларуси.

Ошибка заключается в замене отглагольного существительного *комментирование* (процесс, в котором участвуют два человека) на *комментарии* (результат процесса, имеющий самостоятельное значение). В исходном тексте говорится о взаимодействии журналиста с Президентом во время репортажей, тогда как в реферате смысл изменяется: теперь речь идет просто о впечатлениях от услышанных комментариев.

Такое нарушение разрывает логическую связь между частями высказывания, затрудняет понимание сути обсуждаемого события и искажает его фактическое содержание.

Сводные результаты исследования нарушений в анализируемых текстах представлены в таблице.

Количественный анализ эффективности передачи содержания в автоматических рефератах, сгенерированных с помощью YaGPT, % от общего числа рефератов с выявленными нарушениями

Критерий оценивания эффективности автоматически созданного реферата	Количество рефератов с нарушением передачи содержания
1. Полнота отражения содержания	35,7
2. Точность передачи данных	75,0
а) искажение информации	50,0
б) неполнота представления информации	21,4
в) излишний повтор фрагментов текста	28,6
г) нарушение логики текста	7,6

Как показано в таблице, при нарушении полноты отражения содержания в 1/3 отреферированных интервью (35,7 %) нейросеть YaGPT допустила неточность передачи данных в 3/4 сгенерированных текстов (75,0 %).

При этом наиболее частым типом нарушений является искажение информации оригинала (50 %). В 1,7 раза реже по сравнению с ним точность нарушается из-за наличия излишних повторов фрагментов текста (28,6%), в 2,3 раза реже – вследствие неполноты представления информации (21,4%) и в 6,6 раза реже неточность связана с разрывом логики в тексте (7,6%).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. В ходе исследования выявлены два ключевых типа проблем, возникающих при использовании YaGPT для автоматического реферирования русскоязычных текстов: технические ограничения и искажения смысловой точности.

Технические ограничения: неспособность обрабатывать тексты объемом более 4000 знаков с пробелами, что существенно сужает сферу применения технологии.

Проблемы точности передачи содержания:

- утрата информации вследствие пропуска одной или нескольких микротем;
- ошибки в разрешении анафоры, приводящие к неверному определению референтов местоимений и искажению смысла;
- нарушения в распознавании однородных членов предложения, вызывающие ошибочное смысловое объединение или разделение элементов;
- трудности в распознавании отношения «целое–частное», вследствие чего характеристика частного элемента ошибочно распространяется на весь объект;
- неточности при обработке перечислений: а) некорректное выделение элементов; б) замена их обобщающим словом или первым элементом списка;
- «обезличивание» или, напротив, избыточное повторение имен собственных без использования контекстуальных синонимов;
- некорректная замена слов из оригинала (употребление однокоренных слов другой части речи), что приводит к смысловым искажениям;
- ошибки в обработке числовой информации: неверное восприятие дат, количественных данных, процентных соотношений и других параметров.

2. Результаты исследования показали, что YaGPT в своем текущем виде не является надежным инструментом для автоматического реферирования русскоязычных текстов. Основные проблемы связаны с потерей смысловых фрагментов, искажением информации, некорректной передачей логических связей.

3. Учитывая выявленные недостатки, применение YaGPT в профессиональных сферах, требующих высокой точности и достоверности информации, представляется крайне ограниченным. В научных, аналитических и образовательных целях подобные ошибки могут привести к серьезным последствиям.

4. Для потенциально более эффективного автоматического реферирования профессиональных текстов необходимы специализированные решения, обладающие следующими характеристиками:

- более продвинутые алгоритмы смысловой обработки, минимизирующие искажения;
- поддержка сложных синтаксических и семантических конструкций русского языка;
- повышенная точность обработки числовых данных, дат, статистической информации;
- возможность обработки текстов большого объема без потери качества реферирования.

5. На основании проведенного анализа можно заключить, что YaGPT не может быть рекомендован в качестве основного инструмента для реферирования текстов в специализированных предметных областях, поскольку автоматически сгенерированные в нем материалы требуют дополнительной верификации и редактирования, что снижает уровень автоматизации процесса. Для профессионального использования предпочтительнее применять специализированные программы, обеспечивающие точность, полноту и логическую связность автоматических рефератов. Разработка таких программ остается актуальной и нуждается в конкретном воплощении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркушевская, Л. П. Аннотирование и реферирование (методические рекомендации для самостоятельной работы студентов) / Л. П. Маркушевская, Ю. А. Цапаева. – СПб, 2008. – 51 с.
2. Реферат и аннотация. Общие требования. ГОСТ 7.9-95. – Взамен ГОСТ 7.9-77; введ. РБ 01.07.97. – Минск : Белстандарт, 1996. – 5 с. – (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).
3. Нестерова, Н. М. Реферирование как способ извлечения и представления основного содержания текста / Н. М. Нестерова, Н. А. Герте // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2013. – №4 (24). – С. 127–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referirovanie-kak-sposob-izvlecheniya-i-predstavleniya-osnovnogo-soderzhaniya-teksta> (дата обращения: 09.02.2025).

4. *Лезгян, А. С.* Автоматическое реферирование текстов: классификация, архитектуры, современные подходы и проблемы / А. С. Лезгян // Математическое моделирование, компьютерный и натурный эксперимент в естественных науках. – 2023. – №1. – С. 19–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomaticheskoe-referirovanie-tekstov-klassifikatsiya-arhitektury-sovremennye-podhody-i-problemy> (дата обращения: 09.02.2025).
5. *Волков, В. С.* К вопросу о языковых возможностях искусственного интеллекта (записки на полях) / В. С. Волков // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. – 2024. – № VI. – С. 128–135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yazykovykh-vozmozhnostyakh-iskusstvennogo-intellekta-zapiski-na-polyah> (дата обращения: 09.02.2025).
6. *Белогорская, Д. В.* Лингвистическая оценка автоматически сгенерированных рефератов новостных текстов / Д. В. Белгородская, З. И. Резанова // Язык и культура. – 2023. – № 61. – С. 15–28.
7. *Краснянский, Д. Е.* Теория и практика массовой информации : учеб. пособие / Д. Е. Краснянский. – М. : МГТУ ГА, 2006. – 116 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- А – Секунда может стоять чьей-то жизни. Брестский спасатель победил на Гран-при профмастерства в Москве / БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/interview/view/sekunda-mozhet-stoit-chjej-to-zhizni-brestskij-spasatel-pobedil-na-gran-pri-profmasterstva-v-moskve-9245/> (дата обращения: 09.02.2025).
- Б – Туризм в Минске. Что нового предложат гостям в этом году / БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/interview/view/turizm-v-minske-cto-novogo-predlozhat-gostjam-v-etom-godu-9224/> (дата обращения: 09.02.2025).
- В – Торакальный хирург Брестской облбольницы: в операционной надо быть хладнокровным, но с горячим сердцем / БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/interview/view/torakalnyj-hirurg-brestskoj-oblbolnitsy-v-operatsionnoj-nado-byt-hladnokrovnym-no-s-gorjachim-serdtsem-9257/> (дата обращения: 09.02.2025).
- Г – Посол Беларуси в Египте: белорусов здесь любят / БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/interview/view/posol-belarusi-v-egipte-belorusov-zdes-ljubjat-9212/> (дата обращения: 09.02.2025).
- Д – Новицкий: Больше чем полжизни в эфире – и не надоело / БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/interview/view/novitskij-bolshe-chem-polzhizni-v-efire-i-ne-nadoelo-9216/> (дата обращения: 09.02.2025).

Поступила в редакцию 22.03.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ХУДК 821.111-311.2(73)

Зайковская Юлия Ивановна

магистрант

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь**Yuliya Zaikouskaya**

MA Student

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
julia.zaikovskaya@mail.ru**Кудрявцева Ирина Константиновна**кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь**Irina Kudriavtseva**PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Belarusian Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com**ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНОВ
ТОНИ МОРРИСОН «ПЕСНЬ СОЛОМОНА» И «ЖАЛОСТЬ»****THE SPECIFICITY OF CHRONOTOPIC ORGANIZATION
OF TONI MORRISON'S NOVELS *SONG OF SOLOMON* AND *A MERCY***

В статье произведения американской писательницы Тони Моррисон (романы «Песнь Соломона» и «Жалость») рассматриваются сквозь призму хронотопа и в сравнительно-сопоставительном аспекте, а также с учетом афроамериканского вектора ее творчества. Выявляются такие составляющие хронотопической организации романов, как хронотоп дороги и телеологический хронотоп, специфика актуализации которых в каждом из произведений обусловлена его концепцией и художественными задачами автора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *художественное пространство; хронотоп дороги; телеологический хронотоп; идентичность; литература США; Тони Моррисон.*

The article examines the works of the American writer Toni Morrison (the novels *Song of Solomon* and *A Mercy*) through the prism of literary chronotope, taking into account the African-American component of the writer's work, in a comparative aspect. The authors identify such components of the chronotopic organization of novels as the chronotope of the road and the teleological chronotope, and the specificity of their actualization in each of the works is determined by the work's concept and the artistic objectives of the author.

К e y w o r d s: *literary space; chronotope of the road; teleological chronotope; identity; USA literature; Toni Morrison.*

Внутренний мир художественного произведения «отражает» действительность и в то же время является ее преобразованием с учетом тех задач, которые ставит перед собой автор. Категория внутреннего мира художественного произведения, разработанная еще Д. С. Лихачевым, неразрывно связана с категорией художественного пространства как одной из основных координат созданной художественной реальности. Пространственная оболочка необходима, чтобы существовали персонажи и совершалось действие; кроме того, наряду с художественным временем, художественное пространство обеспечивает целостное восприятие художественной действительности и организует произведение композиционно. «В своем произведении писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. Это пространство может быть большим, охватывать ряд стран, даже выходить за пределы планеты Земля (в романах фантастических и принадлежащих к романтическому направлению), но оно может также сужаться до тесных границ одной комнаты. Пространство, создаваемое автором в его произведении, может обладать своеобразными “географическими” свойствами, быть реальным (как в летописи или историческом романе) или воображаемым, как в сказке» [1, с. 76]. Таким образом, понятие художественного пространства включает в себя воссоздание места, где происходит действие, пространственных границ, а также перемещений героев из одного пространства в другое.

Одним из ключевых понятий, которыми литературоведы оперируют при изучении пространственной организации художественных произведений, является *хронотоп*. Как известно, данное понятие было разработано М. М. Бахтиным, который дал ему определение («взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 234]), описал типы хронотопов, выявил их жанрообразующую, сюжетообразующую, изобразительную и диалогическую функции. Современные литературоведы также подчеркивают значимость хронотопического анализа литературных произведений для выявления их идейно-эстетической специфики. При этом в качестве ведущего начала в хронотопе все чаще рассматривается именно художественное пространство, а сфера употребления данного понятия и его семантика расширяются: понятие хронотопа изучается в связи с проблемами нарратологии, когнитивной психологии, рецепции художественных произведений, гендерными исследованиями [3, р. 3]. Более того, научные работы современных отечественных и российских литературоведов демонстрируют не только перспективность дальнейшего изучения хронотопа

литературоведами [4; 5], но и его выход за рамки собственно литературоведческих исследований в сферы искусствоведения, философии, культурологии, социологии [6; 7].

Цель данной статьи состоит в выявлении специфики хронотопической организации романов «Песнь Соломона» (*Song of Solomon*, 1977) и «Жалость» (*A Mercy*, 2008) известной американской писательницы Тони Моррисон, обладательницы многочисленных престижных литературных наград, в том числе Нобелевской премии в области литературы. В своих произведениях она обращается к прошлому афроамериканцев и, погружая читателя в мир их народной культуры, показывает их талантливость, трудолюбие, поэтичность натуры, гуманизм и широту души.

Творчество Т. Моррисон хорошо изучено как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении, однако отдельные его аспекты продолжают привлекать внимание исследователей с учетом появления новых подходов к анализу художественного произведения и методов литературоведческого исследования. Представляется, что сравнительно-сопоставительный анализ указанных романов писательницы, публикацию которых разделяет период более чем в 30 лет, позволит как обозначить уникальность поэтики каждого из произведений, так и выявить тенденции, характерные для творчества Т. Моррисон в целом.

Главные герои данных романов проходят сложный путь личностного развития несмотря на то, что изображены в совершенно разных культурно-исторических контекстах и разных системах пространственных координат. В романе «Песнь Соломона» поднимается значимая для Т. Моррисон проблема – утрата современными афроамериканцами своих корней, наследия их предков, без которого невозможна национальная самоидентификация и будущее афроамериканского народа. На примере семьи главного героя, Мейкона (Молочника) Помера (*Macon Milkman Dead*), писательница показывает, что происходит с семьей, забывшей свое прошлое и утратившей связь с родными. Основное действие романа происходит в 1963 году в штате Мичиган. Главный герой, которому уже более 30 лет, не видит в своей жизни смысла. Зажиточный родительский дом кажется ему мертвым (на что указывает символический смысл его фамилии) и угнетающим, а привязанность родных – навязчивой и докучливой. Когда он узнает, что согласно семейной легенде где-то на родине предков Молочника находится клад, который оставили в пещере его отец Мейкон Помер и его сестра Пилат, он решает отправиться на его поиски. Маршрут Молочника разворачивается в рамках пространственных координат Мичиган – Пенсильвания – Виргиния (вымышленный городок Шалимар), и такая траектория не случайна: герой проходит в обратном направлении

путь, который проделали многие афроамериканцы, стремившиеся уехать с Юга на Север США, подальше от притеснения и расовых предрассудков. Дж. Грегори утверждает, что в течение XX века около 8 миллионов афроамериканцев покинули Юг, большинство из них – навсегда [8, р. 14–15]. Если в 1900 году за пределами южных штатов жили чуть менее 740 000 афроамериканцев (8 % всего темнокожего населения США), то к 1970 году за пределами южных штатов находились уже 10,6 миллионов афроамериканцев (47 % всего темнокожего населения США), при этом треть из них составляли бывшие южане, а остальные – преимущественно внуки и правнуки мигрантов [8, р. 18]. В контексте художественно-эстетической программы Т. Моррисон символический смысл путешествия Молочника на Юг заключается в необходимости сохранения афроамериканцами связи с историей предков, которая корнями уходит к эпохе рабовладения в южных штатах.

Момент, когда главный герой садится на самолет до Питсбурга, можно считать началом художественной реализации в романе хронотопа дороги. На первый взгляд путешествие Молочника кажется увлекательным поиском спрятанных сокровищ, однако оно становится не менее увлекательным поиском своего «я» и своих корней, особенно во время второго путешествия, которое Молочник предпринимает уже с осознанной целью: вместе с Пилат захоронить останки своего предка – отца Пилат и дедушки Молочника, кости которого она всю жизнь носила в мешке, не подозревая об этом.

Можно наблюдать, как по ходу романа хронотоп дороги реализуется в аспекте встреч, опасностей, мотива знания–незнания. Поначалу «чужое» художественное пространство становится для героя «своим» (в терминологии Ю. М. Лотмана [9, с. 228]). Наиболее значимым является то, что герой меняется как личность, а рассказы представителей старшего поколения обретают осязаемость и конкретику, когда, например, находясь в Шалимаре, Молочник неоднократно слышит мотив знакомой песни, напеваемой местными ребятами, и впоследствии понимает, что речь идет о его далеком предке Соломоне, которому, согласно легенде, удалось избежать рабства, когда он прыгнул с утеса и улетел назад в Африку, оставив жену и 21 ребенка:

О Соломон, не покидай меня,
Боюсь я в хлопке задохнуться,
О Соломон, не покидай меня,
Вдруг руки Бакры на мне сомкнутся!

Соломона нет, Соломон стрелой
Небо пронзил, ушел домой [10].

Именно эта невероятная история – миф о «летающих африканцах» – оживляет очерстевшую душу героя. В конце романа, стремясь избежать пули Гитары, Молочник сам прыгает с утеса: «Ибо теперь он постиг то, что знал Соломон: надо лишь отдаться воздуху, и он тебя подхватит» [10]. Рассмотрим данный финал, обратившись к классификации хронотопов, предложенной современными бельгийскими литературоведами Н. Бемонг и П. Боргхартом, которые, взяв за основу работы М. М. Бахтина и обобщив ряд других классификаций, выделили хронотопы в художественном произведении на пяти уровнях абстракции:

1) микрохронотопы (*micro-chronotopes*), порожденные из единиц языка, меньших, чем предложение;

2) малые хронотопы (*minor chronotopes*) – «локальные хронотопы» / «хронотопические мотивы», такие как хронотоп дороги, замка, салона, губернского города и т. д.;

3) основные или доминирующие хронотопы (*major or dominant chronotopes*), служащие объединяющей основой для конкурирующих локальных хронотопов в одном и том же художественном тексте;

4) жанровые хронотопы (*generic chronotopes*) – могут быть абстрагированы от отдельных произведений, в которых они появляются, и служить основой для категоризации и сравнения этих произведений;

5) 2 группы «сюжетно-пространственных хронотопов» (*plotspace-chronotopes*): первая группа – телеологические (*teleological*), когда весь сюжет движется к финальному моменту (*telos*), а конфликты связаны с препятствиями, которые герою нужно преодолеть на пути к достижению душевного равновесия (*equilibrium*). Здесь выделяют 3 типа: хронотоп миссии (*the mission chronotope*), хронотоп возрождения (*the regeneration chronotope*), хронотоп деградации (*the degradation chronotope*). Вторая группа – диалогические (*dialogical*) хронотопы, когда повествование состоит из переплетения конфликтных ситуаций, сообщающихся друг с другом, и значимыми являются критические, решающие моменты. Здесь также выделяют три типа хронотопов: трагический (*tragic*), комический (*comic*), трагикомический (*tragicomic*) [3, р. 6–8].

Представляется, что в романе «Песнь Соломона» как пространственные перемещения героя, так и развитие сюжета приводят его к финальному моменту осознания некой значимой правды, т. е. присутствует телеологический хронотоп и его тип – хронотоп возрождения. Путешествие в прошлое награждает главного героя не золотом и деньгами, а новым самосознанием и информацией об истории своего рода, в результате чего происходит его духовное возрождение.

В романе «Жалость» Тони Моррисон обращается к истории США, а именно к периоду колонизации Америки в XVII веке. США как государства еще не существовало, а территории были поделены между коренным населением – индейцами – и колонистами из Англии, Португалии и Голландии, Франции. Писательница использует при этом современный американский английский язык, не стремясь к стилизации повествования под XVII век. Сюжет романа разворачивается вокруг семьи коммерсанта англо-голландского происхождения Джекоба Ваарка, который является своеобразным центром созданного им маленького мирка. Этот мир состоит из его жены Ребекки, ее помощницы индианки Лины, темнокожей девушки-рабыни Флоренс, которую Джекобу пришлось взять в счет уплаты долга, странной девушки по прозвищу Горемыка, а также двух «белых рабов», Уилларда и Скалли, время от времени помогающих хозяевам, и кузнеца, которого Джекоб нанимает для помощи в постройке дома. Судьбы всех этих людей, по-разному появившихся в доме, связаны между собой и как бы сходятся в одной точке: они все тянутся к личности Джекоба («Хозяина»). Таким образом, пространство дома Джекоба можно описать как мультикультурное. Дом Джекоба символизирует смешение рас, языков, культур в истории США, а в тексте – дискурсов разных типов. «Относя свое повествование к XVII веку, Тони Моррисон через призму женского восприятия рассказывает историю США и представляет образ страны, который проецируется на современность, со свойственной ей мультикультурностью и стремлением к осуществлению “американской мечты”», – отмечает О. Б. Карасик [11, с. 155].

Однако после смерти Джекоба этот уютный мир начинает рушиться. Хозяйка дома, Ребекка, заболевает и посылает Флоренс на поиски кузнеца, который в период своей работы на ферме Джекоба вылечил от болезни Горемыку. Именно Флоренс можно назвать главной героиней романа: с ее рассказа начинается повествование, ее психология наиболее интересна автору. Хотя никто в доме Ваарка не относится к Флоренс как к рабыне, считая ее полноправным членом семьи и частью этого дома, она – рабыня по образу мыслей, и пройденный ею долгий путь из Виргинии в Нью-Амстердам в поисках кузнеца демонстрирует это. Таким образом, основу пространственной организации романа «Жалость», так же, как и романа «Песнь Соломона», составляет хронотоп дороги.

Флоренс влюблена в кузнеца и стремится найти его, однако открывающаяся перед ней дорога и связанная с ней свобода действий пугают героиню, а не создают возможности для личностного роста и развития.

Флоренс сконцентрирована на достижении конкретной цели пути, а не на познании себя и окружающего мира. Первую часть пути Флоренс преодолевает на фургоне, в котором едут еще семь человек: «Куда еду, никто не спрашивал, но меж собой мои попутницы скоро стали шептаться, вспоминать места, где жили прежде. Будто бы у моря, где занимались уборкой на кораблях, которые мужчины конопатили и смолили стыки. Они уверены, что за годы службы отработали долги, но хозяин ни в какую. Выслал их прочь, на север, в другое место, где им невесть сколько лет еще трудиться на кожевенной мануфактуре. Мне стало непонятно, ради чего они печалуются. Понеже каждому приходится работать! Спросила, вас что – с любимыми разлучили? Все головы обратились ко мне, а ветер стих. Дура! – сказал мужчина. Женщина, что от меня наискосок, ему в тон: молода еще, шкура не ворочена! Вот и я о том, – опять подал голос мужчина» [12]. Очевидно, что Флоренс не стремится понять проблемы и размышления попутчиков, она не задумывается о том, что слышит, и не замечает ничего вокруг, так как погружена в собственные чувства и мысли. Вместе с тем этот эпизод позволяет писательнице дополнить создаваемый ею образ Америки периода колонизации, когда белым переселенцам, которые отрабатывали свой долг, приходилось тяжело трудиться, как и темнокожим рабам.

В какой-то момент появляется возможность бежать из фургона, и попутчики Флоренс пользуются этим; спрыгивает с фургона и Флоренс, и далее выбор пути лежит на ней. Здесь обнаруживается такой элемент хронотопа дороги, как перекресток, который обычно является поворотным пунктом в жизни персонажа или в развитии общества [2, с. 271]. Несмотря на то, что Флоренс страшно передвигаться одной, героиня решает идти ночью по лесу, руководствуясь, прежде всего, своими чувствами: «Мне надо было выбирать, причем быстро. Я выбрала тебя. Скорее в лес и на запад. Запад – вот все, что мне нужно. Там ты. Твой голос. Твоя знатливость насчет снадобий, которые вылечат Хозяйку» [12]. Когда Флоренс продолжает путь, актуализируется и хронотоп встречи, когда «могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью», «могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы» [2, с. 392]. Флоренс сталкивается с представителями разных слоев населения, различающимися вероисповеданием, возрастом, цветом кожи. Так, коренное население – индейцы – к девушке благосклонны, поят водой, а церковнослужители, напротив, рассматривают Флоренс самым бесстыжим образом, считая ее пособницей темных сил.

Преодолевая препятствия, главная героиня наконец находит дом кузнеца, однако встреча с ним, кульминационная для всего повествования, оборачивается для нее разочарованием. Образ кузнеца в романе является воплощением мужественности: он – независимый африканец, сильный, надежный, находчивый. Найдя кузнеца, Флоренс узнает, что он взял на попечительство маленького мальчика по имени Малаик, который волею судьбы стал сиротой, что также косвенно характеризует кузнеца как человека, готового брать на себя ответственность, в том числе и за других. Флоренс испытывает противоречивые чувства, ее охватывает ревность к мальчику, из-за чего между ней и кузнецом возникает ссора. В данном эпизоде проявляются незрелость и эгоизм Флоренс: она становится «рабыней» собственной страсти и не может понять, почему возлюбленный отвергает ее. Для читателя становится очевидным то, что кузнец понял уже давно, – Флоренс пока не готова стать женой, матерью, хозяйкой, другом: «Я раба, потому что Хозяин купил меня. – Нет. Ты сама рабой сделалась. – Как это? – У тебя пустая голова и разнузданное тело. – Но я люблю тебя. – И в этом ты тоже раба» [12].

Таким образом, в романе не происходит духовного возрождения героини, ее выхода на новый уровень личностного развития в результате долгого, полного опасностей пути. В образе Флоренс воплотилась идея Т. Моррисон о том, что зерно рабства, рабская психология, зародившись в человеке однажды, «прорастает» все глубже и глубже, и чтобы ее побороть, нужно проделать определенную внутреннюю работу – как на уровне отдельной личности, так и в масштабах целого народа.

В финале романа Флоренс продолжает называть себя «Непрощенной» и «Непрощающей», так как она не может простить мать-рабыню, предложившую Джекобу Ваарку взять Флоренс на ферму вместо себя, не понимая, что ее мать увидела в Джекобе единственный, быть может, шанс для дочери избежать ее собственной судьбы: «Последняя надежда, подумала. Нет нам защиты, но есть разница. И вот, стоишь ты в тех туфлях, а высокий усмехнулся и сказал, что взял бы за покрытие долга меня. Я знала, что Сеньор не пойдет на это. Я говорю: вот ее! Ее возьмите, дочь мою! Потому что сердцем чуяла: высокий видит в тебе дитя человеческое, а не кучку серебра. Встала на колени в надежде на чудо. Он сказал: да. Но не было чуда никакого. То не от Бога было ниспослано. То была жалость, человеком оказанная. Так я и осталась на коленях. В пыли, где лежит мое сердце и будет лежать день и ночь, доколе ты не поймешь то, что я знаю и жажду сказать тебе: власть над человеком – тяжесть, добиваться ее – кривда; отдаваться же во власть другому – лукавство» [12]. Данная цитата также иллюстрирует символическую значимость заглавия

романа («Жалость»), заключающуюся в том, что реальной преобразующей силой обладают лишь индивидуальные акты милосердия, что подчеркивается использованием неопределенного артикля с абстрактным существительным для обозначения конкретного проявления абстрактного понятия.

И в романе «Песнь Соломона», и в романе «Жалость» представлен такой тип художественного пространства, как конкретное или географическое, реализована бинарная оппозиция локусов «свой–чужой», а структурную основу повествования составляет хронотоп дороги с ее препятствиями, перекрестками, встречами. Несмотря на тот факт, что главные герои обоих романов, Молочник и Флоренс, отправляются в долгий путь для достижения некой цели, итог для каждого из них получается прямо противоположным. В каждом из романов, помимо хронотопа дороги, выявляется телеологический хронотоп, по классификации Н. Бемонг и П. Боргхарда. Однако если в романе «Песнь Соломона» представлен такой его тип, как хронотоп возрождения, то в романе «Жалость» можно скорее обнаружить хронотоп деградации. Флоренс, главная героиня романа «Жалость», хоть и остается в живых и фактически является свободной, не готова распоряжаться этой свободой, брать на себя ответственность за себя или другого человека, остается рабыней своей слепой страсти, которая составляет основу ее идентичности как в начале, так и в финале произведения. Таким образом, писательница предлагает посмотреть на феномен рабства не только в социальном, конкретно-историческом плане, но и в более обобщенном, философском.

Пространственная организация романов Тони Моррисон отражает сложные расовые, классовые и гендерные отношения в обществе – как в существующей социокультурной действительности, так и в создаваемой художественной реальности. Ферма Джекоба Ваарка, героя романа «Жалость», его семья и окружение становятся символом этнической, религиозной и социальной неоднородности населения Америки в колониальный период, для которого было характерно отсутствие устоявшихся законов и социальных конструкторов, а в романе «Песнь Соломона» герой, оказавшись в совершенно незнакомом месте, в штате Виргиния, где его прежний жизненный опыт не дает ему никаких преимуществ, богатство его отца не может защитить его, а местные жители относятся к нему с опаской и подозрением, начинает справедливо судить себя и признавать собственные ошибки. В то же время перемещения героев в пространстве раскрывают общую для данных романов проблематику: поиск идентичности, социальное и расовое неравенство, многогранность жизни афроамериканцев, значимость их исторического прошлого, индивидуальной и коллективной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев, Д.* Внутренний мир художественного произведения / Д. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
2. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
3. *Bemong, N.* Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / N. Bemong, P. Borghart // Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives // ed. N. Bemong, P. Borghart. – Belgium, Gent : Academia Press, 2010. – P. 3–16.
4. *Черкес, Т. В.* Генезис и эволюция жанра баллады в русской поэзии конца XVIII – начала XXI вв. : хронотоп, сюжет, субъектная организация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Черкес Татьяна Владимировна ; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. – Минск, 2023. – 24 с.
5. *Кончакова, Е. В.* Историческая лексика как средство создания хронотопа художественной прозы А. С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кончакова Екатерина Викторовна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 23 с.
6. *Котович, Т. В.* Художественные средства организации хронотопа театрального произведения : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.09 / Котович Татьяна Викторовна ; Беларус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2007. – 41 с.
7. *Шавердо, Т. М.* Хронотоп как категория социологического анализа социокультурной реальности : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.06 / Шавердо Тамара Михайловна ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2023. – 25 с.
8. *Gregory, J. N.* The Southern Diaspora: How the Great Migrations of Black and White Southerners Transformed America / J. N. Gregory. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2005. – 446 p.
9. *Лотман, Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : кн. для учителя / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
10. *Моррисон, Т.* Песнь Соломона / Т. Моррисон. – URL : <https://knijky.ru/books/pesn-solomona> (дата обращения: 15.10.2024).
11. *Карасик, О. Б.* «Жалость» Тони Моррисон : идейно-художественное своеобразие романа / О. Б. Карасик // Вестн. ТГПУ. – 2010. – № 2(20). – С. 152–155.
12. *Моррисон, Т.* Жалость / Т. Моррисон. – URL : https://royallib.com/read/morrison_toni/galost.html#0 (дата обращения: 20.11.2024).

Поступила в редакцию 04.02.2025

Иванова Наталья Сергеевна

аспирант кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Ivanova

PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
natalie_ivanova33@mail.ru

ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА «КАЛЛИГРАММ» Г. АПОЛЛИНЕРА

INTERMEDIAL POETICS OF G. APOLLINAIRE'S «CALLIGRAMMES»

Статья посвящена раскрытию художественного своеобразия сборника «Каллиграммы» Г. Аполлинера в рамках интермедиального подхода. Поэтический сборник характеризуется новаторским визуальным оформлением авторских интенций. На уровне образной системы выявляются интермедиальные референции, связанные с современной художественной практикой. Рассматриваются также эстетические коды кубистической живописи, оказавшей влияние на творчество Г. Аполлинера, чьи произведения во многом определили развитие французской поэзии XX века.

Ключевые слова: *визуальная поэзия; интермедиальность в литературе; каллиграмма; поэзия кубизма; симультанность; типографическое оформление.*

The article is devoted to revealing the artistic originality of the collection «Calligrammes» by G. Apollinaire within the framework of intermediality. The poetry collection is characterized by an innovative visual design of the author's intentions. At the level of the figurative imagery, intermedial references associated with modern artistic practice are revealed. The paper also considers the aesthetic codes of Cubist painting, that influenced the oeuvre of G. Apollinaire, whose works determined the development of French poetry of the twentieth century to a great extent.

Key words: *visual poetry; intermediality in literature; calligram; cubist poetry; simultaneity; typographic design.*

Творчество французского поэта и художественного критика Г. Аполлинера (*Guillaume Apollinaire*, 1880–1918) уникально тем, что оно является своеобразным связующим звеном между классической (миметической) и современной (диегетической, начиная с рубежа XIX–XX в.) концепциями искусства. В 1918 г. – незадолго до смерти автора – выходят в свет его «Каллиграммы: стихотворения мира и войны» (*Calligrammes: poèmes de la paix et de la guerre*), написанные в период 1913–1916 гг., т. е. накануне Первой мировой войны и во время нее, когда поэт сражается в рядах французской армии, получает ранение и вскоре умирает как «погибший за Францию».

Сборник каллиграмм Г. Аполлинера носит новаторский характер, хотя эксперименты с визуализацией формы поэтического текста известны с древних времен. Во французской литературной традиции фигурные стихотворения были созданы представителями разных эпох и направлений: Ф. Рабле, Ж. А. де Баифом, Ж. Гризелем, А. де Л'Эпероньером, Ш.-Ф. Панаром, различные эксперименты с поэтической типографикой принадлежат также Ж. Маро, М. де Сен-Желе, В. Гюго, С. Малларме и др.

В начале XX в. в столице Франции складывается особая культурная ситуация: Париж становится центром развития авангардизма, представители которого устремляются к поиску революционно нового – часто основанного на взаимодействии нескольких видов искусства – творческого метода. Г. Аполлинер, будучи теоретиком кубизма и находясь в окружении множества художников, разрабатывает принципы кубистической «визуальной поэзии» – интермедиального явления, основанного на синтезе литературы и изобразительного искусства.

Интермедиальность, в свою очередь, определяется Н. В. Тишуниной как «особый тип структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанный на взаимодействии языков разных видов искусства в системе единого художественного целого» [1, с. 4]. В каллиграммах Г. Аполлинера происходит перенос живописных (и в некоторых случаях музыкальных) кодов в поэтический текст. Каллиграмма (авторское понятие, созданное посредством сложения двух слов: *каллиграфия* и *идеограмма*) представляет собой поэтический текст, части которого – строки, отдельные слова и буквы – становятся изображением определенного объекта действительности (человека, дома, машины, дождя и т. д.). В качестве основных художественных средств выступают поэзия и графический рисунок, в том числе опосредованно (через изображение) в каллиграммах возникают элементы музыкальной нотации, – так в сборнике происходит соединение временных и пространственных видов искусства.

Первые каллиграммы поэт планирует издать еще в 1914 г. как «альбом лирических и разукрашенных идеограмм» (*Album d'idéogrammes lyriques et coloriés*) под заголовком «И я тоже художник» (*Et moi aussi je suis peintre*) [2, р. 25]. В это время кубистическое искусство переживает синтетический этап развития, когда представители течения широко применяют технику коллажа, различные декоративные элементы (печатные буквы, газетные надписи, музыкальные графемы, игральные карты и др.), что во многом соотносится со спецификой формы произведений Г. Аполлинера того времени и свидетельствует об общности эстетических устремлений авангардистских поэтов и художников.

Литератор Г. Аполлинер задает новое понимание плоскости страницы: она, являясь двумерным изображением трехмерных предметов, как на кубистических картинах, содержит рисунок или в некоторых произведениях – скорее абстрактную геометрическую композицию. Роль таких визуальных приемов автор видит в том, чтобы «цветовые контрасты приучили глаз читать одним взглядом все стихотворение целиком, подобно тому, как дирижер охватывает сразу все нотные знаки партитуры, как на плакате видны сразу все напечатанные элементы»¹ [3]. В результате художественный текст характеризуется многомерным пространственно-временным континуумом. Визуальная поэзия многомерна в том смысле, что перед реципиентом возникает сразу несколько уровней прочтения, поскольку смысл закодирован как вербально, так и зрительно.

Авторский подход к типографической разработке текста каллиграмм широк и неоднороден. Строфика некоторых стихотворений сборника визуально привычна читателю (например, двустушия в каллиграмме «В Ниме» (*À Nîmes*), катрены с перекрестной рифмовкой в стихотворениях «Изгнанная благодать» (*La Grâce exilée*), «Найденная прядь» (*La Boucle retrouvée*), «Отказ голубки» (*Refus de la colombe*), «Огни бивака» (*Les Feux du bivouac*) и др., пятистишия в «Холмах» (без рифмовки), «Ее звали Лу» (*C'est Lou qu'on la nommait*) (с рифмовкой *абааб*). Многие произведения имеют сверхдлинные строки, напоминающие скорее прозаическую речь («Дворец грома» (*Le palais du tonnerre*), «В убежище» (*Dans l'abri-caverne*), «Реактивный снаряд» (*Fusée*), «Чудо войны» (*Merveille de la guerre*), «Есть» (*Il y a*)), другие же содержат череду прописных букв или разных по начертанию строк («Английская надпись» (*L'inscription anglaise*), «Пение горизонта в Шампани» (*Chant de l'horizon en Champagne*) и т. д.). Стихотворение «Узы» (*Liens*), открывающее сборник и единственное полностью написанное курсивом произведение, становится своеобразным эпиграфом к последующим каллиграммам, который включает в себе общий идейно-образный концепт всемирной взаимосвязи, бесконечности отношений между объектами реальности.

Новаторский подход Г. Аполлинера к визуальному оформлению поэтического текста, начертанию и комбинации слов и отдельных графем оказывается близок в эстетическом плане типографическим экспериментам Б. Сандрара и П. Реверди, футуристов и позже – дадаистов, а также соотносится с тенденцией кубистов (П. Пикассо, Ж. Брака, Х. Гриса и др.)

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. И.

использовать печатные буквы из газетных вырезок в коллаже. Страница становится художественным пространством, на котором свободно (то есть без прежних строфических ограничений) располагаются части текста. При этом изменения происходят и на уровне минимальных языковых единиц: «...если буква вводится в визуальную поэзию (тексты летризма, стихотворения в виде картины) в качестве изобразительно-конструктивного элемента, то она остраивает иконографическую и фигуративную функцию» [4, с. 53]. Поэтическая типографика в кубистической поэзии участвует в создании особой композиции текста, способствует нелинейному, динамичному процессу чтения, и, безусловно, влияет (посредством приема остраивания) на рецепцию произведения.

В сборник также включены произведения, в которых наблюдаются типографические приемы размещения строк на странице, не имитирующие изображение предмета (как, например, передача объема посредством прямой перспективы строк в «О вате в ушах» (*Du coton dans les oreilles*)), а также произведения, являющиеся синтетическим вариантом ранее названных формальных типов, когда в линейный поэтический текст добавляется каллиграмма («Маленькое авто» (*La petite auto*), «Дымы» (*Fumées*), «Дуга» (*Saillant*), «Пророчества» (*Oracles*), «Эшелон» (*Échelon*), «Мадлен» (*Madeleine*), «Второй артиллерист-наводчик» (*2e canonnier conducteur*) и др.). Рисунок также задается суггестивным содержанием строк (например, имплицитное изображение французского триколора лексемами-цветосимволами в «1915») или семантико-визуальными сдвигами (поворот текста на странице в «S.P», вертикальное расположение одной строки в «Дежурстве» (*Veille*), имитация дождя посредством вертикальных строк в «Идет дождь» (*Il pleut*) или звуковой волны в «О вате в ушах» посредством постепенного уменьшения размера букв).

Типографические эффекты в каллиграмме «Не хуже чем цикады» (*Aussi bien que les cigales*), изменяя привычное (для большинства языков) направление письма, модифицируют и саму «перспективу» чтения: текст читается справа налево, диагонально и вертикально, что характерно для многих азиатских письменных традиций. При этом поэтический текст раздроблен на несколько обособленных фрагментов, напоминающих по форме прямые линии, окружность, овал, многоугольники и т. п. В результате каллиграмма визуально напоминает беспредметную композицию геометрических элементов, концептуально размещенных автором на плоскости страницы, подобно созданным в те же 1910-е гг. абстрактным «импровизациям» В. Кандинского и супрематическим полотнам К. Малевича.

В лирических произведениях кубизма происходит проекция жанровых моделей, характерных в большей степени для визуального творчества, на художественный текст. Так, в названиях некоторых стихотворений отражено интермедialное взаимодействие поэзии с изобразительным искусством (заглавия, содержащие такие слова, как *пейзаж, фотография, портрет, натюрморт* и т. п.). Например, каллиграмма «Пейзаж» (*Paysage*) состоит из изображений дома, деревца, человека и сигары, соответствующие лексемы повторяются и на уровне содержания. Некоторые строки и слова сегментированы, отдельные графемы, слоги, знаки обособлены и увеличены в размере: буква *a* (первая в слове *amants* ‘возлюбленные’) становится изображением головы человека, лексемы в строке *зажженная сигара дымит* [5, р. 27] визуально повторяют сигару и движение дыма снизу вверх, вопросительный знак утрачивает свою интонационно-синтаксическую (пунктуационную) функцию, «остраняется» и имеет скорее эстетико-декоративный характер (так как он иконически представляет собой дымоходную трубу).

В каллиграмме «Фотография» (*Photographie*) пространство и время запечатлены в едином моменте (словно в кадре): *Et il y a en toi / Photographie / Des tons alanguis / On y entend / Une mélodie / Photographie tu es l'ombre / Du Soleil*¹ [Там же, р. 121] ‘И есть в тебе / Фотография / Усталонезжные тона / Тут слышно / Протяжное пение / Фотография ты тень / Солнца’. Чувства лирического героя-солдата обостряются, фиксируются в своем зрительно-звуковом многообразии. Новые формы визуальной поэзии наблюдаются в каллиграмме «Письмо-Океан» (*Lettre-Océan*), в двух одноименных стихотворениях «Почтовая открытка» (*Carte postale*), когда текст имеет формальные черты письма, телеграммы, почтовой открытки, что обусловлено не только обстановкой написания стихотворений (фронт, военные действия, переписка и обмен фотографиями с друзьями и возлюбленной посредством почтовой службы), но и поиском новой формы выражения авторских чувств.

Изобразительный потенциал произведений Г. Аполлинера усиливается посредством анимации текста (визуальные эффекты движения, увеличения, растяжения, отдаления и др.), использования штампов, узоров, орнаментов, небольших рисунков в качестве декоративных элементов. Каллиграмма «Письмо-Океан» создана в форме открытки, написанной брату Альберу в Мексику, и содержит вербально имитирующие типовые почтовые отметки, типографские символы, обращение к адресату, топонимы,

¹ В каллиграммах Г. Аполлинера отсутствует традиционное пунктуационное оформление.

адреса, аббревиатуру-неологизм *TSF* ('радиотелеграфия'), названия почтовых служб, реальные имена собственные, цифры, иноязычные слова и др. Автор добавляет в текст волнистый орнамент, составляет из лексем, междометий и наслоения отдельных звуков концентрические круги, заключающие в себе образ Эйфелевой башни (и шире – Франции), с расходящимися строками-лучами. Динамизм представления фонетического и визуального уровней, абстрактный характер образной системы, широкий историко-культурный контекст, вплетение фактуальных элементов в фикциональный мир произведения формируют многомерное полисемантическое пространство.

К референциальным интермедияльным включениям в сборнике каллиграмм относится упоминание имен известных художественных деятелей. Отдельные произведения сборника посвящены Р. Делоне, творческий метод которого сам художник называет «симультаным» (т. е. связанным с синхронизмом зрительных элементов), а Г. Аполлинер – орфистским (подразумевая чудесное воздействие музыки Орфея). Каллиграмма «Башня» (*Tour*), как и одноименное стихотворение Б. Сандрара 1913 г., создана в честь полотен французского художника, написанных с 1909 по 1912 гг. и посвященных Эйфелевой башне – символу новой индустриальной эпохи и могущества человека. Кроме того, панорамный вид на Париж реализуется в серии картин «Окна» 1912–1913 гг. Р. Делоне (в том числе «Симультаные окна в город» (*Les Fenêtres simultanées sur la ville*), «Открытые симультанно (одновременно) окна» (*Fenêtres ouvertes simultanément*) и др.) и в одноименной каллиграмме «Окна» (*Les fenêtres*), в которой Г. Аполлинер задает не только широкий цветовой диапазон, но и географический масштаб: *O Paris / Du rouge au vert tout le jaune se meurt / Paris Vancouver Hyères Maintenon NewYork et les Antilles / La fenêtre s'ouvre comme une orange / Le beau fruit de la lumière* [5, р. 26] 'О Париж / От красного к зеленому все желтое угасает / Париж Ванкувер Йер Ментенон Нью-Йорк Антильские острова / Окно открывается как апельсин / Прекрасный плод света'. Образ открытого оранжевого окна в последних строках воспроизводит в вербальной форме орфистское полотно «Окно с оранжевыми занавесками» (*Fenêtre avec rideaux orange*). Каллиграмма «Симультанности» (*Simultanités*) также имплицитно связана с живописью Р. Делоне, т. к. в ней реализуется поэтика одновременного и фрагментарного восприятия окружающей действительности воспаленным войной авторским сознанием.

Стихотворение «Через Европу» (*À travers l'Europe*) посвящено М. Шагалу: *Et toi tu me montres un violet épouvantable / Ce petit tableau...* [Там же, р. 62] 'А ты показываешь мне страшный фиолетовый цвет / Эту маленькую

картину'. Художник действительно демонстрировал Г. Аполлинеру свои ранние работы и называл поэта «безмятежным Зевсом», который «стихами, цифрами, текучими слогами прокладывает путь нам всем [парижским авангардистам]» [5, с. 128]. «Земной океан» (*Océan de terre*) адресован представителю метафизической школы живописи Дж. де Кирико, написавшему «Портрет Гийома Аполлинера» (1914), а также множество иных полотен, в центре которых – фигура поэта. В стихотворении «К Италии» (*À l'Italie*) Г. Аполлинер обращается не только к стране, где был рожден, но и к близкому другу, итальянскому литератору и живописцу А. Соффичи. Референция к пейзажисту Э. Дириксу (*Je connais un sourcier c'est le peintre norvégien Diriks* [5, р. 46] 'Я знаю лозоходца это норвежский художник Дирикс') также расширяет историко-культурный контекст сборника.

Далее в каллиграммах реализуются живописные экфрасисы, связанные с гравером Ф. Жорженом и лубочными картинками из Эпиналя (*Comme ces guerriers qu'Épinal / Vendait Images populaires / Que Georgin gravait dans le bois* [5, р. 79–80] 'Как эти воины которых Эпиналь¹ / Продавал на популярных картинках / Их Жоржен гравировал на дереве'). При этом некоторые стихотворения не посвящены художникам, однако в них угадываются схожие с картинами кубистов образы: уличные акробаты (главные герои в «Облачном видении» (*Un fantôme de nuées*) Г. Аполлинера и на полотнах «розового периода» его друга и единомышленника П. Пикассо), мандолина (представленная визуально языковыми средствами в каллиграмме «Мандолина, гвоздика и бамбук» (*La Mandoline, l'Œillet et le Bambou*) и на многих кубистических натюрмортах П. Пикассо, Ж. Брака, Х. Гриса и др.). Так, интермедийальные референции в каллиграммах Г. Аполлинера обнаруживают эстетическую общность автора с авангардистскими поисками и вписывают образы современных деятелей искусства в поэзию «нового сознания» (термин Г. Аполлинера [7]).

В образно-тропеической системе сборника реализуется многогранная цветовая палитра художественного мира (*Un jour fait de morceaux mauves jaunes bleus verts et rouges* [5, р. 63] 'День соткан из сиреневых желтых синих зеленых и красных кусочков', *Étincelles / O nous les très belles couleurs* [Там же, р. 94] 'Вспышки / О мы красивые цвета'). В каллиграммах цвет глубоко связан с образом человека, его телом и внутренним состоянием, концептом памяти и души (*Jeune l'homme était brun et ce couleur de fraise sur*

¹ Эпиналь – французский город, известный традицией лубочных картинок (часто на историческую тему).

les joues [5, p. 48] 'Юноша был темноволос и на щеках цвет земляники', *Cet homme portait-il ainsi sur le dos / La teinte ignoble de ses poumons* [Там же, p. 55] 'У человека будто проступал на спине / Гнусный оттенок легких', *Le galop bleu des souvenirs / Traverse les lilas des yeux* [Там же, p. 84] 'Синий галоп воспоминаний / Пересекает сирень глаз', *Et chacun se souvient d'une joue / Rose* [Там же, p. 158] 'И каждый вспоминает об одной щеке / Розовой' и т. д.). Образ радуги возникает в небольшом стихотворении «Изгнанная благодать». На сочетании цветовых ассоциаций, музыкальных ощущений и чувств лирического героя построены каллиграммы «Пение горизонта в Шампани» и «Облачное видение»: *Et où quelques taches jaunes ou vertes ont persisté / Comme un air de musique qui vous poursuit* [Там же, p. 55] 'И там сохранились несколько желтых или зеленых пятен / Как музыкальный мотив что вас преследует', *C'est un rose plein de trahison* [Там же, p. 55] 'Этот розовый цвет полон предательства'. Кроме того, многие цветолексемы можно назвать абстрактными из-за их неоднозначной, иррациональной природы (*цвет надежды, неожиданные цвета, цвет пыли, снаряд лунного цвета, ранее не видимые цвета*), другие представляют собой пятна чистого цвета (*белый галстук, желтые ботинки, белый поезд, синий ангел, серый дождь* и др.). Светолексемы в каллиграммах также частотны и связаны с надеждой и вдохновением героя-поэта: *Ombre encre du soleil / Écriture de ma lumière* [Там же, p. 78] 'Тень чернила солнца / Писать своим светом', *Morceaux du ciel tissés des souvenirs les plus purs* [Там же, p. 119] 'Кусочки неба сотканные из самых чистых воспоминаний', *Et l'hymne victorieux que les premiers rayons du soleil ont fait chanter à Memnon l'immobile* [Там же, p. 151] 'И победный гимн который первые лучи солнца заставили петь неподвижному Мемнону'. В результате поэтический текст Г. Аполлинера становится на семантическом уровне словесными картинками, зарисовками парижской или фронтовой жизни.

Таким образом, интермедиальность определяет новаторство каллиграмм Г. Аполлинера. Поэтическая форма произведения становится семантически усложненной, наполненной абстрактными идеями и образами. Типографическое оформление текста влияет на нелинейность и вариативность его восприятия, предполагает погружение реципиента в историко-культурный контекст, формирует многомерное смысловое пространство. В каллиграммах Г. Аполлинера происходит трансформация традиционной жанровой модели, используются коллажная техника, декоративные элементы, референциальные включения, зрительная динамика, множество категорий цвета и света, созданных ассоциативным мышлением и чувственным восприятием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тишунина, Н. В.* Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: опыт интермедиального анализа / Н. В. Тишунина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 160 с.
2. *Breton, A.* Position politique du Surréalisme / A. Breton. – Paris : Editions Jean-Jacques Pauvert, 1971. – 32 p.
3. *Apollinaire, G.* Simultanisme-Librettisme / G. Apollinaire // Les Soirées de Paris. – Paris, 1914. – № 25. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1050308w> (date d'accès: 23.01.2025).
4. *Ханзен-Леве, О. А.* Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / О. А. Ханзен-Леве (пер. с нем. Б. М. Скуратова, Е. Ю. Смотрицкого ; ред. Д. Крафт, Р. Михайлов, И. Чубаров). – М. : РГГУ, 2016. – 450 с.
5. *Apollinaire, G.* Calligrammes. Poèmes de la paix et de la guerre (1913–1916) / G. Apollinaire. – Paris : Gallimard, 1966. – 188 p.
6. *Шагал, М.* Моя жизнь / М. Шагал (пер. с фр. Н. Мавлевич). – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 240 с. : с ил.
7. *Apollinaire, G.* L'Esprit nouveau et les poètes / G. Apollinaire // Mercure de France. – Paris, 1918. – URL: http://www.lyriktheorie.uni-wuppertal.de/texte/1918_apollinaire.html (date d'accès: 24.01.2025).

Поступила в редакцию 25.02.2025

Карпович-Скопинцева Вероника Кирилловна

аспирант кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Veranika Karpovich-Skopintseva

PhD Student of the Department of Belarusian
Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
6010beettlejuice2109@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ХАИМА ПОТОКА «ДАР АШЕРА ЛЕВА»

REPRESENTATION OF THE THEME OF CREATIVITY AND SEARCH FOR IDENTITY IN CHAIM POTOK'S NOVEL *THE GIFT OF ASHER LEV*

В статье рассматриваются жанровые особенности романа Х. Потока «Дар Ашера Лева», в котором автор обращается к теме творчества и влияния культурных и религиозных аспектов на творческую деятельность главного героя, выросшего в еврейской общине Нью-Йорка. В результате анализа сюжетной структуры и тематического содержания романа раскрыт его мультикультурный аспект, что позволяет отнести данное произведение к особой модификации романа о художнике, в которой темы творчества и поиска идентичности неразрывно связаны с проблемами религиозных норм и культурных традиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *роман о художнике; идентичность; еврейская литература США; Хаим Поток; феномен мультикультурализма.*

The article examines the genre-specific features of C. Potok's novel *The Gift of Asher Lev*, in which the author addresses the theme of art and the influence of cultural and religious aspects on the creative activity of the main character who grew up in a Jewish community in New York. As a result of the analysis of the novel's plot structure and thematic content, the multicultural aspect of the novel is revealed, which allows to classify it as a special modification of *Künstlerroman*, where the themes of creativity and search for identity are inextricably linked to the issues of religious norms and cultural traditions.

Key words: *Künstlerroman; identity; American Jewish literature; Chaim Potok; the phenomenon of multiculturalism.*

Хаим Поток родился в США в семье иммигрантов из Польши и был старшим из четверых детей. Он оказал значительное влияние на формирование современной еврейской прозы в Соединенных Штатах, став первопроходцем в создании многосторонних образов американских евреев-хасидов. Х. Поток был удостоен премии Эдварда Льюиса Валланта, а также номинирован на Национальную книжную премию. Он получил как светское, так и религиозное образование, что отразилось на специфике

его творчества, которое, как отмечает О. Карасик-Апдайк, явилось важным вкладом в исследование взаимосвязи ортодоксального иудаизма с американской реальностью, поднимая актуальные вопросы взаимодействия традиционных ценностей и современных условий жизни [1, с. 106].

В 1972 г. вышел роман Х. Потока «Моё имя – Ашер Лев» (*My Name Is Asher Lev*). В жанровом отношении его можно определить как роман о художнике (*Künstlerroman*), так как в центре повествования находится талантливый мальчик еврейского происхождения, который по мере взросления сталкивается с противоречиями между своим стремлением к творчеству и традициями религиозной общины. Ашер Лев ищет баланс между своим даром художника, который требует от него самовыражения и творческой свободы, и ожиданиями окружающих, приверженцев традиционных ценностей и верований. Все мысли, переживания, страдания, горести и печали главный герой выражает в своем художественном творчестве. В 1990 г. Хаим Поток пишет продолжение этого романа – «Дар Ашера Лева» (*The Gift of Asher Lev*). Его главным героем также является Ашер Лев, но теперь это состоявшийся мужчина среднего возраста, который проживает с женой Деворой и детьми Рошель и Аврумель на юге Франции. Из-за смерти любимого дяди Ицхака Ашер возвращается в Бруклин, к своим родителям и общине. Вскоре после похорон он узнает, что его дядя на протяжении многих лет тайно собирал произведения искусства и создал ценную коллекцию, которую после своей смерти завещал Ашеру.

Целью данной статьи является рассмотрение того, как в произведении Х. Потока «Дар Ашера Лева» жанровые константы романа о художнике актуализируются с учетом его этнокультурной составляющей. Основное действие романов «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева» разворачивается в Нью-Йорке, так как именно в этом городе находится одна из крупнейших еврейских общин. Это обусловлено тем, что в конце XIX – первой половине XX века евреи стали переселяться из Европы в США, где они не подвергались дискриминации и имели возможность открыто исповедовать свою религию, оставаясь полноправными гражданами. Именно в Нью-Йорке находятся центры многих иудейских течений, в том числе хасидизма – широко распространенного народного религиозного движения, возникшего в восточноевропейском иудаизме во второй половине XVIII века и существующего в наши дни [2, с. 199]. Самая большая хасидская община находится в Бруклине (район Нью-Йорка), и именно в этом районе разворачиваются действия нескольких произведений, Х. Потока, в том числе романов «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева».

В обоих произведениях автор раскрывает тематику, связанную с жизнью еврейской общины в США. Так, в романе «Моё имя – Ашер Лев» описывается то, как отец главного героя помогал евреям-мигрантам, пострадавшим в результате событий Второй мировой войны. Таким образом, из-за работы отца в жизни мальчика постоянно появляются новые лица со своими уникальными историями. Роман «Дар Ашера Лева» рассказывает о печальных событиях из детства жены Ашера, Деворы, а также его друзей, знакомых и коллег еврейского происхождения. На примере воспоминаний Деворы о ее прошлом можно сопоставить и проанализировать различия и культурные особенности жизни евреев в послевоенный период в двух странах – США и Франции. Развитие сюжета позволяет сделать вывод о том, что в США евреи-мигранты получили те свободы, которые были недоступны им в других странах: «возможность выбора места проживания, сферы деятельности, образования и в то же время свободу вероисповедания и соблюдения обрядов без страха за собственную жизнь» [1, с. 102].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение темы искусства в контексте иудаизма. Как уже было упомянуто выше, роман «Дар Ашера Лева» можно отнести к жанровой парадигме *Künstlerroman*, однако в отличие от классических примеров романа о художнике акцент в нем сделан на этнической составляющей идентичности героя-художника. Ашер Лев стремится к творческому воспроизведению действительности средствами живописи, однако в иудаизме искусство имеет свои особенности и основная его задача – быть средством понимания и постижения истинной сути вещей и служение Богу. Например, одним из проявлений искусства в иудаизме может быть пение на семейных трапезах, танцы на праздниках и т. п. Таким образом, заниматься творческой деятельностью разрешается, если человек осознает, что он не является творцом, а выступает лишь средством выражения вдохновения и замыслов Истинного Творца. Фундаментом иудаизма служит единая Священная Книга – Танах (аббревиатура-акроним, в которой согласные являются начальными буквами названий трех частей канона: Тора – Закон, или Учение; Невиим – Пророки; Кетувим, или Ктувим, – Писания [3, с. 3]). Изобразительное искусство, где доминирует «я» художника, противоречит заповедям Торы, так как истинный творец – это Единый Бог, а художник сам является Его творением. Как отмечает Н. Ю. Раевская, изобразительное искусство в иудаизме строго контролируется и ограничивается. Такое отношение к искусству объясняется второй из десяти заповедей, данных Моисею на горе Синай: «Да не будет у тебя божеств чужих пред Моим лицом.

Не делай себе изваяния и никакого изображения того, что на небе, вверху, и что на земле, внизу, и что в воде, ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...» (Шмот (Исх.) 20: 3–6) [4, с. 286].

Несмотря на то, что Ашер Лев – верующий еврей-хасид, кульминацией его творческой деятельности в романе «Моё имя – Ашер Лев» становится выставка работ, где главным полотном является картина с изображением распятия Иисуса Христа. В то же время на протяжении столетий «евреи избегали Иисуса и его евангелий. И хотя Святая земля и его родина тоже, евреи в нынешнем Государстве Израиль не хотят ничего знать о христианстве, даже признавать его существование. Эта неприязнь к образу Иисуса проистекает преимущественно из страха перед многовековым антисемитизмом, царившим в Европе, где распятие Христа использовалось как предлог для гонений на евреев» [5]. Кроме того, иудаизм отрицает любые изображения божества согласно установлению Торы: « “И берегите себя очень ради душ ваших, ибо не видели вы никакого образа в день, когда говорил Господь вам на Хореве из среды огня...” (Дварим (Втор.) 4: 15)», следовательно, образ Бога «не предполагает воплощения в материальных средах в силу своей нематериальности» [6, с. 208]. В этом контексте картина Ашера Лева, на которой он изобразил «Бога гоев», т. е. тех, кто по вере или национальности не принадлежит к евреям, – результат внутренней борьбы и проявление определенной смелости. Тем более, что на одной картине с изображением Иисуса Ашер не остановился, в романе «Дар Ашера Лева» он создает вторую картину с изображением распятия Иисуса, и именно эти два полотна считаются самыми успешными в его карьере художника.

Помимо борьбы с религиозными предрассудками, главный герой в романе «Дар Ашера Лева» сталкивается и с творческим кризисом. Он – успешный и узнаваемый художник, однако со временем Ашер теряет вдохновение, пытается создавать новые полотна, но получает нелестную критику на выставке своих работ: *In Paris in the winter of last year I had a show, and the critics were disappointed and angry. I was repeating myself, they said; it was all getting too easy for me: the superlative technique, the resplendent avant-garde flourishes, the virtuoso renderings of color and line. Le Monde called it “Rococo Expressionism” and “a false continuity”, mired in technique and treading dangerously the paths of a potentially mawkish sensibility* [7, p. 4]. Критики отзываюся о работах Ашера как о чем-то устаревшем, повторяющемся, акцентируют внимание на том, что Ашер больше не способен к новым открытиям и способам выражения своего художественного «я», что он остается в рамках уже изведенного. Автор поднимает здесь одну

из ключевых проблем творчества, получившую отражение и в художественной литературе, когда личный, узнаваемый стиль художника со временем может привести к предсказуемости и цикличности тем и образов. Следует отметить, что тема творческого кризиса затрагивается во многих романах о художниках, например, «Луна и грош» (1919) У. С. Моэма, «Жажда жизни» (1934) И. Стоуна, «Unless» (2002) К. Шилдс.

Роман о художнике трудно представить без выразительных описаний произведений искусства, которые в литературоведении имеют определенное терминологическое обозначение – *экфрасис*. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина экфрасис определяется как «словесное описание рукотворного предмета, будь то храм, дворец, чаша, статуя или картина» [8, с. 721], а, по мнению Г. С. Зуевой, экфрасис в романе о художнике выступает и как художественный прием, и как жанровый признак [9, л. 12]. В романе Х. Потока «Дар Ашера Лева» можно найти различные примеры экфрасиса, которые не только усиливают визуальную составляющую текста, но и обогащают его эмоциональный контекст, позволяя читателю более объемно воспринимать художественные и культурные реалии, понимать внутренние конфликты персонажей, связанных с миром искусства. Примечательны включенные в художественную ткань романа Х. Потока описания картин таких всемирно известных художников, как Анри Матисс и Поль Сезанн: *On the walls were a Matisse landscape of the south of France done nearly in the full spectrum of Matisse's palette: cadmium red, purple red, emerald green, Prussian blue, cobalt blue, ultramarine, cadmium yellow, ochre, burnt sienna, black, zinc white; a Cézanne oil on canvas of Mont Sainte Victoire seen through and over a line of tall leaning cypresses* [7, p. 54]. На специфику использования экфрасиса влияет и мультикультурная составляющая романа. Например, осматривая коллекцию картин умершего дяди, герой обращает внимание на портрет духовного лидера общины евреев-хасидов, Ребе: *The painting was based on a photograph; the Rebbe did not sit for oil paintings. It showed the Rebbe seated at a table, his right hand raised in greeting, his left hand resting on a white cloth. His beard was white. He wore a dark suit and a dark hat. His eyes were sharp, clear: eyes that looked. The Rebbe in the painting was twenty years younger than the Rebbe in the synagogue* [7, p. 29]. Посредством сопоставления подобных произведений с «нерелигиозным» искусством автор создает условия, в которых можно проследить контрасты и параллели между религиозной и светской эстетикой. Важным моментом в романе выступают различия в восприятии произведений искусства героями, которые являются представителями одной веры. Ашер Лев

обладает более современным и либеральным взглядом на искусство, который включает в себя возможность интерпретации и переосмысления религиозных норм. В то же время большинство представителей его общины имеют традиционные взгляды на творчество, продиктованные религиозным учением. Таким образом, в романе раскрывается конфликт между традицией, религией и современным искусством, когда художник не хочет быть ограничен религиозными нормами. Художественное самовыражение Ашера Лева вызывает острые споры внутри еврейской общины, ставя вопрос о возможности сосуществования искусства и иудаизма.

Рассматривая тему искусства, следует отметить, что истинное искусство в романе Х. Потока – это не только навык, который дает возможность перенести изображение из воображения художника на холст, но и выражение его эмоций, жизненного опыта и личных качеств. Герой романа рассуждает: *Art happens when what is seen becomes mixed with the inside of the person who is seeing it. If an exciting new way of seeing an old object results, well, that's interesting, isn't it? That's the beginning of serious art* [7, p. 146]. Упоминание в романе работ трех известных художников – Анри Матисса, Амедео Модильяни и Пабло Пикассо – подчеркивает идею автора о том, что искусство – это индивидуальное видение человека, ведь один и тот же объект может иметь на холсте абсолютно разную форму, и внешняя его форма неразрывно связана с внутренним миром и мировоззрением творца: *“Here are the different ways three great modern artists would have seen and drawn the same person. The first one is an artist named Matisse.” I wrote his name on the blackboard. Over the name I drew in a single continuous line with blue chalk the face of Miss Sullivan. It leaped, instantly recognizable, from the chalk onto the black-board. There was a stirring throughout the room, and murmurs of surprise and recognition. “The second is by an artist named Modigliani.” “The third artist is Picasso”* [7, p. 146]. Индивидуальная особенность Ашера Лева, в свою очередь, заключается в том, что он воспринимает реальность сквозь призму своей культуры и религии. Вместе с тем герой, тонко чувствуя страдания окружающих, в частности, своей матери, приходит к тому, что необходимые для художественного воплощения своих идей темы и мотивы он находит в другой (христианской) культуре: *I painted suffering, and there are no motifs in Jewish art that I could use as an instantly recognizable aesthetic vessel for the depiction of my mother's anguish during all the years my father traveled for the Rebbe and I journeyed for my art. I wanted to put her pain into my painting. I needed an aesthetic mold that immediately said: Body and soul in protracted*

solitary torment. I wanted ... I needed ... I required ... [7, p. 115], и это позволяет говорить о том, что романы «Моё имя – Ашер Лев» и «Дар Ашера Лева» можно отнести к особой – мультикультурной – модификации романа о художнике. Автор подчеркивает ограниченность традиционных религиозных и эстетических рамок, которые не совпадают с внутренним миром и эмоциями главного героя, ведь для него творчество – это не только результат в виде готового полотна, но и процесс, в ходе которого он выражает свои тревоги, печали, переживания, радости и огорчения. Передача своих мыслей и переживаний через творчество – это и есть одна из составляющих идентичности Ашера Лева, и именно это не признается его семьей и общиной, усложняя взаимоотношения Ашера с окружающим миром.

Экфрасис является не единственным примером взаимодействия искусств в романе «Дар Ашера Лева», в нем присутствуют также и отсылки к музыкальному искусству: *In the case of Anton Bruckner, it is sometimes difficult to make a distinction between 'establishing an individual style' and 'repeating oneself – unlike the Asher Lev exhibition currently on view at the Maeght, where the latter judgment is clearly the more judicious one* [7, p. 4]. Сравнение с композитором А. Брукнером создает параллели между музыкальным и визуальным искусством, таким образом автор затрагивает проблему взаимодействия языков различных видов искусства в системе единого художественного целого [10, с. 4].

В контексте тематики искусства и образа художника следует отметить значимость заголовка романа, смысл которого раскрывается только к концу произведения. На первый взгляд может показаться, что автор романа при помощи заглавия намеревался акцентировать внимание на феноменальных творческих способностях главного героя. Однако по мере развития сюжета читатель осознает, что истинным «даром» Ашера Лева является его сын, Аврумель. В ходе развития сюжета духовный предводитель религиозной общины приходит к осознанию необходимости выбора преемника, и наиболее подходящей кандидатурой для этой роли является его помощник и отец Ашера, Арье Лев. Тем не менее Ребе сталкивается с проблемой: он не может назначить Арье преемником до тех пор, пока у самого Арье не будет достойного наследника. Ашер не подходит на эту роль, поскольку его творчество, включающее изображения распятия Иисуса Христа, делает его неподходящим кандидатом. Вместе с тем именно сын Ашера, Аврумель, и является тем самым «даром» главного героя, на которого возлагаются большие надежды в качестве будущего религиозного лидера общины.

Финал романа остается открытым для интерпретации. Х. Поток не дает ответа на вопрос, возглавит ли Аврумелъ религиозную общину, ведь мальчику одинаково интересно и проводить время в мастерской отца, и изучать религию. Аврумелъ может следовать религиозному пути, который ему предложен, либо посвятить свою жизнь искусству так же, как и его отец. Таким образом, автор акцентирует внимание на проблеме выбора между культурно-религиозным аспектом и индивидуально-творческой самореализацией, гармоничное сосуществование которых не представляется возможным в изображенном в романе культурном контексте. Сам Ашер Лев, не имея ясного понимания того, как следует распорядиться ценной коллекцией своего покойного дяди, завещает ее сыну, таким образом, заглавие романа обретает еще одно, связанное с искусством, значение.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что помимо темы искусства в романе «Дар Ашера Лева» не менее важным является отражение в нем феномена мультикультурализма, а именно существования религиозной общины евреев-хасидов в контексте христианской культуры американского общества. Таким образом, в отличие от классических примеров *Künstlerroman*, тема искусства в романе «Дар Ашера Лева» перестает быть доминирующей и органично переплетается с темами религии и культуры, поиска идентичности. Изображая истории американцев еврейского происхождения, автор раскрывает сложные эмоциональные состояния и переживания представителей еврейского народа в военный и послевоенный период, роль религии в жизни людей и сложности, с которыми они сталкиваются в поисках себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик-Андайк, О. Современная еврейская проза США / О. Карасик-Андайк // Литература двух Америк. – 2021. – №10. – С. 100–134.
2. Карасик, О. Б. Другая Америка: еврейская община Нью-Йорка в романе Хаима Потока «Избранник» / О. Б. Карасик // Учен. зап. Казанского университета. – 2010. – Т. 156, №2. – С. 198–205.
3. Синило, Г. В. Библия и мировая культура : учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : Выш. шк., 2015. – 685 с.
4. Раевская, Н. Ю. Еврейское искусство в зеркале иудейских и христианских средневековых источников / Н. Ю. Раевская // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20, №3. – С. 285–294.

5. Лехаим : [сайт]. – М., 2019–2025. – URL: <https://lechaim.ru> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Раевская, Н. Ю. Иудаизм: Бог и его образ / Н. Ю. Раевская // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – №2. – С. 208–217.
7. Potok, C. The Gift of Asher Lev / C. Potok. – Minnesota : Fawcett Books, 1997. – 384 p.
8. Тимашева, О. В. Парнас / О. В. Тимашева // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН ; гл. ред., сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 720–721.
9. Зуева, Г. С. Живописный экфрасис как способ создания образа героя-художника в прозе Дины Рубиной : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Зуева Галина Сергеевна ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2018. – 177 л.
10. Тишунина, Н. В. Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств : опыт интермедиального анализа / Н. В. Тишунина. – СПб : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 159 с.

Поступила в редакцию 25.03.2025

УДК821.111-311.2(73)(045)Эрдрич

Копытко Наталья Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
филологии и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Kopytko

PhD in Philology,
Associate Professor of the
Department of Belarusian
Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natalia-kopytko@mail.ru

Чирич Мария Сергеевна

магистрант кафедры белорусской
филологии и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Maryia Chyrych

MA Student
Department of Belarusian
Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
mari.chirich@mail.ru

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В РОМАНЕ Л. ЭРДРИЧ «ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ»

THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION
IN L. ERDRICH'S NOVEL *LOVE MEDICINE*

В статье рассматривается проблема самоопределения личности в романе «Любовная магия» современной американской писательницы индейского происхождения Луизы Эрдрич, ставшая центральной для персонажей: они вынуждены осмысливать свою принадлежность к племени, что приводит к глубоким размышлениям о том, как формируется и трансформируется идентичность в условиях социального и эмоционального давления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: самоидентификация; культурная принадлежность; национальная идентичность; внутренний конфликт; личностная трансформация; литература коренных американцев в США; Луиза Эрдрич.

The article examines the problem of personal self-definition in the novel *Love Medicine* by the contemporary Native American author Louise Erdrich, which becomes central for the characters who are made to reconsider their belonging to the tribe that leads to deep reflections on how identity is formed and transformed in the context of social and emotional pressure.

К e y w o r d s: self-identification; cultural affiliation; national identity; internal conflict; personal transformation; Native American literature in the USA; Louise Erdrich.

Национальная идентичность является важным аспектом самосознания любого народа, особенно коренных американцев, чья культура и положение в американском обществе подверглись значительным изменениям под влиянием колонизации и последующей ассимиляции. Эти события значительно повлияли на их традиции и самоидентификацию, что нашло отражение в современной культуре и литературе североамериканских индейцев. Цель статьи – проследить, как данная проблематика преломляется в творчестве Луизы Эрдрич, произведения которой часто фокусируются на жизни представителей коренных народов США и проблемах, связанных с сохранением и трансформацией их идентичности. Как отмечает И. Н. Егорова, «Проблема обретения идентичности в произведениях Л. Эрдрич является одной из доминант индивидуальной модели мира. <...> Для большинства ее персонажей процесс самоидентификации характеризуется, с одной стороны, поиском уникального, автономного внутреннего “я”, с другой – осознанием своего места в обществе на семейном, культурном и общечеловеческом уровнях» [1, с. 12].

Карен Луиза Эрдрич (англ. Karen Louise Erdrich, род. 7 июня 1954 г.) – известная американская писательница и поэтесса, автор романов и книг для детей. Персонажами ее произведений выступают представители коренного населения Соединенных Штатов. Будучи зарегистрированным членом племени индейцев чиппева Черепашьей горы, которое входит в группу племен анишинаабе, она является одной из самых значимых писательниц второй волны Возрождения коренных американцев. Ее романы были неоднократно номинированы на литературные премии, такие как Национальная книжная премия, Премия библиотеки Конгресса, а в 2021 году ее роман «The Night Watchman» был удостоен Пулитцеровской премии.

Роман Луизы Эрдрич «Любовная магия» (*Love Medicine*), изданный в 1984 году, является первым из цикла, состоящего из четырех произведений, которые освещают жизнь и культуру народа оджибве в Северной Дакоте. Этот роман заложил основу для многих последующих произведений Л. Эрдрич, продолжающих повествование о жизни персонажей, впервые представленных здесь.

«Любовная магия» является своеобразным сборником переплетающихся рассказов, охватывающих период с 1934 по 1984 год о жизни нескольких поколений двух семейств: Кашпо и Ламартин. Пятнадцать рассказчиков делятся своим жизненным опытом и повествуют о том, как приняли себя и свою принадлежность к племени. В романе автор исследует сложные взаимоотношения между членами семей, их любовные связи, предательства, потери, а также взаимодействие с культурным

и историческим наследием коренных американцев. «Любовная магия» Л. Эрдрич описывает восприятие героями самих себя, других людей и культур. Известная американская писательница Урсула Ле Гуин указывает на то, что автор особо акцентирует «проблему восприятия того, что значит принадлежать и не принадлежать; быть личностью; быть одним из людей» [2, р. 6].

При первом прочтении «Любовная магия» предстает как какофония «разных голосов» и «разных языков». Американский литературовед С. Сандерс сравнивает процесс чтения романа с «шумным семейным застольем на переполненной кухне: в какую бы сторону вы ни повернулись, вас настигнут голоса» [2, р. 2]. Герои произведения различаются по возрасту, полу, расе, профессиям, политическим взглядам. Эти персонажи рассказывают о событиях с минимальной привязкой к хронологии, поскольку память здесь работает на основе ассоциаций, а не линейной последовательности. Такого рода композиция еще больше усложняет неоднозначность повествований, которые напрямую зависят от характера воспоминаний персонажей. Как справедливо отмечают авторы книги «Свой собственный голос: беседы с писательницами Америки» (1990) М. Перлман и К. У. Хендерсон, «ненадежность памяти в каждый конкретный момент влияет на структуру повествований и восприятие персонажами событий и своих взаимоотношений» [3, р. 176]. Когда герои случайным образом вспоминают события, важные для их самоидентификации, они рассказывают об этом, не задумываясь о хронологической последовательности. Этот метод нелинейного повествования отражает процесс формирования идентичности личности.

Поиск героями собственной идентичности связан в романе с повторяющимися образами, которые проливают свет на восприятие персонажами того, кто они такие и как они вписываются в семью и племя. Однако большинство литературоведов обращает внимание лишь на поиск личностного аспекта идентичности, который, по словам А. В. Миронова, рассматривается как «самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт» [4, с. 260]. Зачастую упускается из виду этнический аспект их идентичности, т.е. «принадлежность к племени» [4, с. 260]. Поскольку персонажи, представленные в романе, относятся к племени чиппева, следует рассматривать роман и с этнокультурной (племенной) точки зрения.

Анализ этнокультурной составляющей данного произведения позволяет определить, в какой мере восприятие персонажами принадлежности к племени влияет на их самоидентификацию. Через восприятие описы-

ваемых событий представителями этого племени читатель может раскрыть смысл культурных кодов и отсылок, характерных именно для народа чиппева. В то же время дополнительная сложность состоит в том, что даже сами члены племени интерпретируют эти коды по-разному.

Двойственность идентичности, разделение на личностную (внутреннюю) идентичность и социальную (внешнюю) идентичность, в том числе этническую, становится одной из центральных проблем в романе. Эти два аспекта идентичности связаны между собой тем, что восприятие персонажами своих убеждений, сильных и слабых сторон характера существенно влияет на то, как они взаимодействуют с другими людьми и как интерпретируют события. И точно так же восприятие персонажами своего места в семье и обществе предопределяется их пониманием своей внутренней идентичности. Таким образом, это формирует у персонажей более или менее целостное представление о себе.

Писательница позволяет героям развиваться на протяжении всего романа. Первоначальные представления персонажей о самих себе изменяются по мере того, как они взаимодействуют со своей культурой и друг с другом. Часто развитие этих представлений показывается в романе как поиск идентичности, особенно для тех персонажей, которые покидают резервацию, чтобы познакомиться с городской жизнью. Но даже для тех кто остается в резервации, поиск себя видится главной проблемой. Хотя их жизнь и переживания радикально отличаются от жизни и опыта героев, живущих за пределами резервации, общей темой разных глав книги все равно является поиск себя.

Американский литературовед Л. Флавин подчеркивает, что даже “in the typical native American plots of the novels of the previous decades, a protagonist is involved in a struggle to find identity and fulfillment, and the process of loss and recovery constitutes the story line” [5, p. 57]. Однако этот поиск идентичности в романе Л. Эрдрич усложнен тем, что в данном произведении нет одного центрального конфликта или одного главного героя.

На протяжении всего романа поиски персонажами своего «я», восприятие ими себя реализуются посредством трех ключевых образов: *общины, моста и воды*. Рассматривая роль *общины* в жизни коренных американцев, критик К. Сэндс отметила особую роль слухов и сплетен: “gossip affirms identity, provides information, and binds the absent to the family and the community” [2, p. 14]. Разговоры в общине влияют на формирование представлений (как положительных, так и отрицательных) многих персонажей о самих себе. Сталкиваясь с общественным мнением или слухами, они должны оценить то, как это влияет на их самоощущение.

Будучи юной девушкой, одна из главных героинь романа, Мари Кашпо, тоже поверила слухам о радостях жизни за пределами резервации и сбежала из дома, чтобы присоединиться к монахиням в монастыре, думая, что религиозная жизнь приведет ее к познанию себя. Там она встречается сестру Леопольду, которая играет на слабостях и неуверенности Мари, жестоко обращаясь с ней и подвергая ее надругательствам. Девушка признает, что ее собственная нерешительность и невежество заставили ее уйти в монастырь, где она “had no inside voice, nothing to direct me, no darkness, no Marie” [6, p. 54]. Мари, однако, удается преодолеть страх перед сестрой Леопольдой: проткнув ее руку вилкой, она убегает из монастыря и возвращается в резервацию, став мудрее и обретя сострадание и силу, что позволит ей устроить свою жизнь. Впоследствии слух о физической слабости сестры Леопольды заставляет Мари задуматься о своем отношении к монахине. Девушка питает к ней ненависть из-за пережитых издевательств в прошлом и планирует отомстить Леопольде. Однако она понимает, что месть для нее невозможна, потому что это нарушило бы цельность ее сострадательной натуры. Это признание приводит Мари к более глубокому познанию своего внутреннего мира и укрепляет представление о себе как о сострадательном и заботливом человеке.

Сплетни служат катализатором развития личности и в историях других персонажей. В ситуации, описанной в главе “The Good Tears”, Лулу Ламартин понимает, что от нее как от женщины общество ожидает слез и проявления эмоций, и это знание побуждает ее осознать свою жизненную философию: “what aggravates them is I’ve never shed a tear” [6, p. 277]. По мысли автора, суть заключается не в том, чтобы оправдать поведение героини, а в том, чтобы исследовать ее собственное понимание того, почему она поступает так, как поступает. В частности, негативное отношение окружающих к ее многочисленным сексуальным связям побуждает Лулу к самоанализу и признанию, что она “was in love with the whole world and all that lived in its rainy arms” [6, p. 277]. Люди считают Лулу морально слабой, говоря, что “Lulu Lamartine was like a cat, loving noone, only purring to get what she wanted” [6, p. 277], однако общественное мнение заставляет героиню задуматься и понять, что на самом деле она любит жизнь и ценит красоту, иными словами, обладает качествами, которых нет у других. Ее новое понимание своей личности и внутренняя самоидентификация дают ей силы продолжать жить по-своему, в соответствии со своими потребностями и убеждениями.

Липша Моррисси, внебрачный сын Джун Кашпо и Джерри Ламартина, также находится под влиянием общественного мнения и чувствует себя неполноценным. Он вспоминает, как его бабушка Мари Кашпо назвала его “the biggest waste on the reservation” [6, p. 230]. Хотя он принимает это мнение как истинную оценку своей личности, основывая на нем большую часть своей самооценки, он отказывается признать, что потерпел неудачу в учебе, и утверждает, что бросил школу “for the betterment of his mental powers and to educate himself” [6, p. 364]. Возможно, именно поэтому Липша иногда в беседах с другими людьми использует ученые слова и обсуждает научные темы, о которых он прочитал в книгах. Кроме того, в ответ на слухи о том, что жизнь за пределами резервации лучше, чем в самой резервации, Липша, как и многие другие персонажи, совершает ошибку, думая, что он сможет там жить свободно, не подвергаясь нападкам со стороны окружающих. Липша отправляется в путешествие по городам, граничащим с резервацией, чтобы узнать, кто он на самом деле, и его духовный поиск позволяет ему понять, что бегство от проблем не решает их. Для Липши сила, позволяющая выжить, несмотря на его проблемы, это осознание, что прощение идет бок о бок с любовью. Благодаря этому новому пониманию себя Липша возвращается в резервацию с новой надеждой.

Возможно, единственная героиня, нашедшая внутренний покой и гармонию за пределами резервации, – это Альбертина Джонсон, двоюродная сестра Липши, которая отказалась следовать принятым гендерным ролям и стремилась доказать, что индейская женщина тоже способна добиться успеха: “Her narratives reveal a secure, self-defined individual who has survived the life outside. But her success is the exception to the rule ...” [7, p. 56].

Важным пространственным образом в романе, способствующим осмыслению героями своего места в жизни, является мост. Мосты, выступающие в качестве очевидных символов связи, означают в произведении переосмысление жизненного опыта персонажами, оказавшимися на них, и реинтеграцию фактов, которые прежде были источниками внутреннего конфликта. Там, где персонажи открывают для себя новые стороны своей личности, мост «предлагает» способ включить эти открытия в их представление о себе.

Когда Липша возвращается домой, он оказывается на мосту, по которому нужно пройти, чтобы попасть в резервацию из города. И, как справедливо утверждает критик Л. Флавин, “by the time Lipsha reaches the bridge that leads to the reservation, he has reconciled himself

to abandonment by June and accepted the knowledge that the gentle criminal Gerry is his father” [5, p. 63]. Затем это новое понимание становится частью его восприятия самого себя.

Более того, роль самого Липши как своеобразного моста между судьбами его соплеменников подчеркивается в одноименной с названием романа главе “Love Medicine”. Рассуждая о христианском Боге и языческих божествах, Липша отрицает для себя значимость веры в ту или иную религию, предполагая, что коренные американцы утратили связь с силами, к которым они традиционно обращались за помощью. Поскольку, как он считает, Бога нет, Липша обращается к древнему искусству ведовства – “primitive art of witch doctoring” [5, p. 61]. Он искренне верит в то, что обладает силой «исцеляющего прикосновения» (the touch), поэтому пытается возвести «мост» между Мари и Нектором Кашпо путем объединения силы двух культурных традиций: он намеревается использовать для этого любовное зелье, которое благословит католический священник. Однако его магия терпит фиаско, потому что в процессе его приготовления он пренебрегает точностью исполнения ритуалов чиппева, а церковь отказывается давать ему свое благословение. Попытка Липши соединить две культуры оставляет его бессильным: он теряет свои способности творить магию. Но вскоре он понимает, что единственный верный мост, который способен объединить людей, – это не магия и ритуал, а истинность и глубина любви, которую он описывает как явление вневременное и безграничное, т.е. в такой трактовке любовь и есть Бог: “Love medicine ain’t what brings him back to you, Grandma. No, it’s something else. He loved you over time and distance ...” [6, p. 257].

Не менее важным на пути формирования личностной идентичности персонажей является образ одной из природных стихий – в о д ы. Символ очищения и искупления, вода олицетворяет для героев романа новое начало – способ очистить душу и смыть свои грехи. Например, когда Кинг Кашпо, внук Мари и Нектора Кашпо, смотрит на водоем, то чувствует, как он поглощает его мысли, и ассоциирует себя с самыми маленькими и хрупкими из его обитателей: “Minnows”, he said, “It’s like I’m always stuck with the goddamn minnows. Every time I work my way up – say I’m next in the line for the promotion – they shaft me. It’s always something they got against me. I move on. Entry level. Stuck down at the bottom with the minnows” [6, p. 346].

Другой персонаж, который ассоциирует возможности личностной трансформации с погружением в воду, – Нектор Кашпо. На протяжении всего романа Нектор “discovers that his life is surviving the currents

and lifting his head now and then above the rushing waters to understand the calm” [8, p. 91]. Будучи лишен внутренней гармонии, Нектор испытывает острую необходимость и в связи с Мари, его женой, и с Лулу, его любовницей, чтобы ощущать себя цельным и уравновешенным. Однако любовь Нектора к двум женщинам усиливает его внутренний разлад из-за чувства вины, что приводит к внутриличностному конфликту, который он пытается преодолеть, прыгнув в озеро, чтобы очиститься от своего влечения к Лулу: “I swam until I felt a clean tug in my soul to go home and forget about Lulu. I told myself I had seen her for the last time that night. I gave her up and dived down to the bottom of the lake where it was cold, dark, still, like the pit bottom of a grave. Perhaps I should have stayed down there and never fought. Perhaps I should have taken a breath. But I didn’t. The water bounced me up. I had to get back in the thick of my life” [6, p. 137].

Оказавшись на поверхности воды и вернувшись в «гущу жизни», Нектор верит, что искупил грех перед женой и обрел силы самостоятельно справиться со своими проблемами. Но вскоре он понимает, что без Лулу теряет душевное равновесие и четкое представление о себе, поэтому пытается восстановить отношения с ней. Однако его попытки все поправить приводят к разрыву с обеими женщинами. Опустошенный потерей этих связей, он оказывается не в состоянии вернуть себе прежнюю самостоятельность и теряет самоуважение. Непонимание себя лишает героя сил: его поглощает внутренний конфликт, вызванный воспоминаниями об отношениях, которые определяли его личность.

Эти три образа – община с ее мнениями, сплетнями и пересудами, мосты и вода – служат катализаторами формирования как внутренней, личностной, так и внешней, социальной идентичности персонажей. Хотя индивидуальные представления многих рассказчиков о своей идентичности в «Любовной магии» раскрываются в их отдельных повествованиях, их объединяет родство с племенем чиппева. Более того, память сохраняет культурные и духовные традиции общины оджибве. Л. Эрдрич изображает ритуалы, церемонии и духовные практики, которые составляют культурную самобытность этой общины. Память становится важным инструментом передачи мудрости и знаний от одного поколения к другому, обеспечивая таким образом преемственность традиций. Значимым элементом романа является использование во многих случаях древнеиндейского языка, который оживляет память о ритуалах предков и подчеркивает особую связь отдельных персонажей с их наследием оджибве.

Несмотря на конфликты и трудности, изображенные в романе «Любовная магия», Л. Эрдрич подчеркивает мысль о том, что идентичность – это не что-то определенное или статичное, а скорее непрерывный процесс самопознания и принятия. Герои романа сталкиваются с необходимостью решать личные проблемы и определяться со своим отношением к культурным традициям, пытаясь найти баланс между индейской идентичностью и влиянием неоднозначного индивидуального и общественного опыта. Таким образом, их идентичность формируется в условиях сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, характер которых определяется историческим и культурным опытом североамериканских индейцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Егорова, И. Н.* Проблема обретения идентичности в романах Л. Эрдрич : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Егорова Ирина Николаевна ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2014. – 25 с.
2. Review: [Untitled] / K. Kroeber, D. Brown, U. K. LeGuin [et al.] // *Studies in American Indian Literatures*. – 1985. – Vol. 9, No. 1. – P. 1–29.
3. *Pearlman, M.* A Voice of One's Own: Conversations with America's Writing Women / M. Pearlman, K. U. Henderson. – Boston : Houghton-Mifflin, 1990. – 224 p.
4. *Миронов, А. В.* Идентичность как психологическая категория: определение и структура / А. В. Миронов // *Мир науки, культуры, образования*. – 2017. – № 1 (62). – С. 259–260.
5. *Flavin, L.* Louise Erdrich's *LoveMedicine*: Loving over Time and Distance / L. Flavin // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. – 1989. – Vol. 31. – P. 55–64.
6. *Erdrich, L.* Love Medicine / L. Erdrich. – London : Harper Perennial, 2004. – 367 p.
7. *Dove, M.* Learning Love Medicine / M. Dove // *Fiction International*. – 1991. – Vol. 20. – P. 42–56.
8. *Bartlett, M.* Dreamstuff: Erdrich's *LoveMedicine* / M. Bartlett // *North Dakota Quarterly*. – 1988. – Vol. 56. – P. 82–93.

Поступила в редакцию 30.12.2024

Рябых Валерия Алексеевна

аспирант кафедры речеведения и
теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Valeryia Rabykh

PhD Student of the Department
of Speechology and
Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lerarabykh@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ В СЕРИИ ФИЛЬМОВ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION OF SOLIDARITY IN THE HARRY POTTER FILM SERIES

В статье рассматривается феномен солидарности как ключевого аспекта человеческого общения, способствующего установлению доверия, взаимопонимания и укреплению социальных связей. Особое внимание уделено теории позитивной вежливости П. Браун и С. Левинсона, предлагающей стратегии, направленные на поддержание положительного образа адресата и усиление межличностной близости. На материале фильмов о Гарри Поттере исследуются тактики, реализующие лингвистические стратегии солидарности, которые проявляются в диалогах персонажей. Работа демонстрирует, как лексико-грамматические средства служат инструментами выражения готовности помочь, эмпатии и кооперации, что подчеркивает значимость солидарности в условиях повседневного взаимодействия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: солидарность; человеческое общение; позитивная вежливость; теория вежливости; П. Браун, С. Левинсон; лингвистические стратегии; эмпатия; социальные связи; фильмы о Гарри Поттере; межличностное взаимодействие; лексико-грамматические средства; коммуникация; кооперация.

The article examines the phenomenon of solidarity as a key aspect of human communication, contributing to the establishment of trust, mutual understanding, and the strengthening of social bonds. Special attention is given to P. Brown and S. Levinson's theory of positive politeness, which proposes strategies aimed at maintaining the recipient's positive image and enhancing interpersonal closeness. Using material from the Harry Potter films, the study explores tactics that implement linguistic strategies of solidarity, as reflected in character dialogues. The paper demonstrates how lexical and grammatical means serve as tools for expressing willingness to help, empathy, and cooperation, highlighting the significance of solidarity in everyday interactions.

K e y w o r d s: solidarity; human communication; positive politeness; politeness theory; P. Brown, S. Levinson; linguistic strategies; empathy; social bonds; Harry Potter films; interpersonal interaction; lexical and grammatical means; crisis situations; communication; cooperation.

Солидарность как феномен человеческого общения представляет собой важный аспект взаимодействия, способствующий установлению доверия, взаимопонимания и укреплению социальных связей. Лингвистическое выражение позитивной вежливости во многом отражает речевые особенности общения между близкими людьми, которые в обычной жизни демонстрируют взаимный интерес друг к другу. Данный подход, разработанный П. Браун и С. Левинсоном [1] в рамках их теории вежливости, предлагает широкий спектр стратегий для выражения солидарности, направленных на поддержку положительного образа адресата и усиление межличностной близости. Существенный вклад в трактовку солидарности внес Э. Дюркгейм, который, изучая социальное разделение труда, доказал, что связи между людьми являются ключевыми для сохранения и поддержания социальной солидарности. Он утверждал, что общество не сможет существовать, если его значимые части не связаны между собой солидарностью [2].

Понятие солидарности многогранно и охватывает как эмоциональные, так и социальные аспекты взаимодействия. Этимологически термин *солидарность* происходит от латинского слова *solidus*, что означает 'целостный, прочный'. В социологии и психологии солидарность определяется как чувство единства, которое возникает на основе общих целей, ценностей или интересов. Она играет ключевую роль в формировании социальных групп, поддержании социальных норм и предотвращении конфликтов [3].

Солидарность можно рассматривать как динамический процесс, который проявляется в различных формах и контекстах. На межличностном уровне она выражается через эмпатию, поддержку и сотрудничество. На уровне групп – через совместные действия, взаимопомощь и коллективную ответственность. Особое значение солидарность приобретает в условиях кризисных ситуаций, когда необходимость объединения усилий становится наиболее очевидной [4].

В лингвистике солидарность исследуется сквозь призму коммуникации, где ее выражение включает как вербальные, так и невербальные средства. Это могут быть слова одобрения, жесты поддержки, совместное обсуждение проблем или формирование общего взгляда на ситуацию. Выражение солидарности способствует укреплению доверия и снижению социальной дистанции между участниками общения.

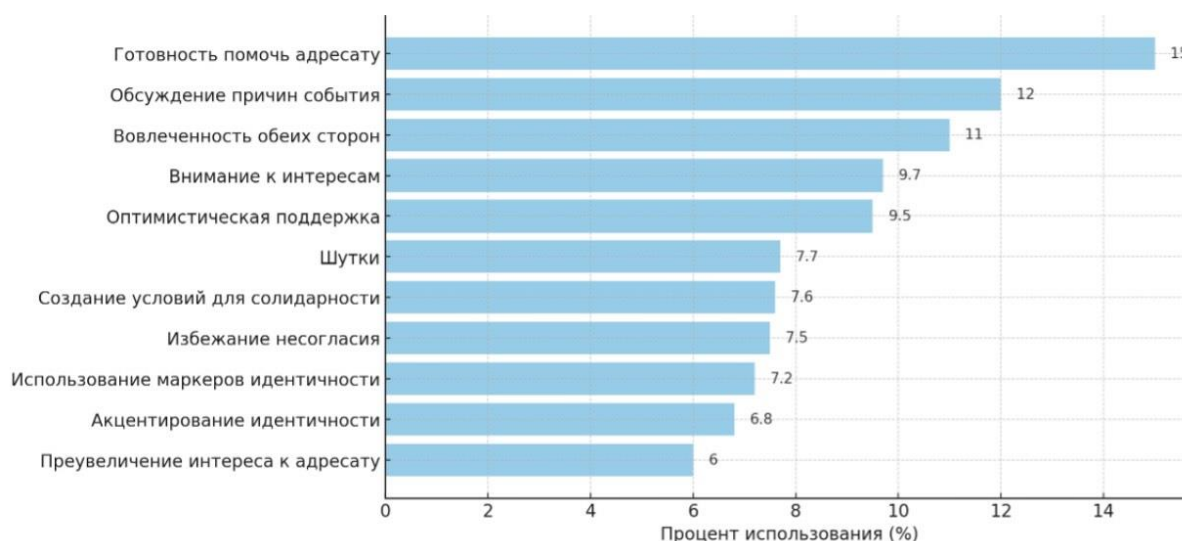
Фильмы о Гарри Поттере, основанные на книгах Дж. К. Роулинг, представляют собой уникальный материал для изучения взаимодействия персонажей посредством лингвистических стратегий солидарности. В них представлены персонажи разных возрастов, социальных статусов и

культурных слоев, что позволяет исследовать, как они выстраивают отношения и поддерживают солидарность в разных контекстах. Диалоги передают как формальные, так и неформальные ситуации, давая возможность изучать, как герои взаимодействуют друг с другом, выражают понимание и поддержку в различных обстоятельствах [5]. В фильмах отражены правила общения, которые глубоко укоренены в британской культуре, что позволяет изучать влияние культурных норм на речевое поведение и проявление солидарности. Анализ данных взаимодействий помогает выявить, каким образом позитивная вежливость способствует формированию и укреплению союзов между персонажами.

В рамках исследования рассматривается, как выражение солидарности реализуется через «сигналы обратной связи», включая сигналы понимания, согласия, эмоциональной реакции и уточнения информации. Основой для анализа послужили 15 тактик, предложенных П. Браун и С. Левинсоном [6], которые можно условно разделить на три основных класса: выражение интереса к адресату, установление кооперативных связей и готовность оказать помощь. Цель исследования – выявить тактики выражения солидарности в диалогах персонажей фильмов о Гарри Поттере.

Материалом для исследования стали пять фильмов: «Гарри Поттер и философский камень», «Гарри Поттер и тайная комната», «Гарри Поттер и узник Азкабана», «Гарри Поттер и Кубок огня» [7]. В общей сложности было рассмотрено 250 контекстов. Для каждой тактики подсчитывалось количество контекстов, где она была использована.

Различные коммуникативные тактики, с помощью которых выражается солидарность, реализуются разнообразными лексическими и грамматическими средствами. Диаграмма (рисунок) демонстрирует частоту применения различных тактик в общении.

Процентное соотношение использования тактик солидаризации в речи героев фильмов о Гарри Поттере

Наиболее часто применяется тактика «Готовность помочь адресату», чей показатель составляет 15 % – это самый высокий результат на графике. На втором месте находятся такие тактики, как «Обсуждение причин какого-либо события» (12 %) и «Вовлеченность обеих сторон в какие-либо действия» (11 %), которые также широко используются. Далее следует тактика «Внимание к интересам» с показателем 9,7 %, подчеркивающая важность обращения к желаниям и потребностям собеседника.

«Оптимистическая поддержка» также частотна (9,5 %), что говорит о значимости ободряющих и позитивных высказываний. Тактика «Шутки», обеспечивающая непринужденность общения, имеет долю 7,7 %.

Менее частотна такая тактика, как «Создание условий для формирования солидарности» (7,6 %), что предполагает обсуждение общих тем или светские беседы. Еще реже встречаются «Избегание несогласия (ложь во спасение)» и «Использование маркеров идентичности», показатели которых составляют 7,5 % и 7,2 % соответственно. Тактика «Акцентирование идентичности» составила 6,8 %, «Преувеличение интереса к адресату» также имеет низкий показатель – 6 %.

Для установления доверительных отношений и эффективного общения часто применяются тактики, направленные на привлечение внимания к интересам собеседника, усиление его значимости, создание атмосферы солидарности и акцентирование идентичности. Эти тактики выражаются конкретными лексическими и грамматическими средствами, которые подчеркивают эмоциональную вовлеченность и формируют доверительную обстановку.

Например, в н и м а н и е к и н т е р е с а м и желаниям адресата проявляется в словах, выражающих заботу и готовность помочь. Для этого используются вопросы о предпочтениях и нуждах: – *Что **ты** хочешь на рождественский ужин, Гарри?*; личные местоимения первого лица я, мне и второго лица ты, что подчеркивает индивидуальное обращение к адресату: – *Не волнуйся, Гарри, **я** помогу тебе выбрать всё, что нужно для школы!* – *Гарри, тебе нужны самые лучшие учебники. Я покажу, где их найти.* – *Ты всегда можешь прийти ко мне, если что-то пойдёт не так.* Глаголы с семантикой поддержки (*помогу*) выражают готовность оказать помощь.

Особое внимание к личности собеседника усиливается через вопросы и утверждения, которые включают его в диалог: – *Ты хочешь попробовать конфеты? У меня есть шоколадные лягушки.* – *Гарри, ты должен быть горд! Ты – первый за сто лет первокурсник, который стал ловцом.* – *Расскажи, Гарри, каково это жить с маглами? Они правда настолько ужасны?* В репликах используются прямые вопросы и обращения, со-

державшие личное местоимение второго лица *ты*, что создает иллюзию непосредственного участия собеседника в разговоре. Глаголы в форме будущего времени (*покажешь*) способствуют активному вовлечению адресата в разговор.

Шутки помогают создать непринужденную атмосферу, в которой участники общения чувствуют себя комфортно. Юмор может быть основан на шутках, понятных только в своем кругу, со своими традициями или спецификой группы: – *Смотри, Рон, не подведи семью! Хотя... в Пуффендуче ты будешь звездой!* Для выражения солидарности в этом примере используются обращение *Рон* и местоимение второго лица *ты*, которые подчеркивают дружеское взаимодействие, создавая ощущение близости между говорящим и адресатом; глаголы *смотри, не подведи, будешь* выражают заботу и вовлеченность в общую ситуацию; сказуемое *будешь звездой* передает одобрение, подбадривание. Фраза *не подведи семью* указывает на коллективную ответственность и принадлежность к группе.

Способность шуток снять напряжение в сложных ситуациях отражена в следующих примерах: – *Добро пожаловать в наш чудный дом, Гарри. Осторожно, Рон может храпеть во сне!* В предложении используется также экспрессивное прилагательное *чудный дом*, что сглаживает обстановку. Глагол *может храпеть* показывает, что говорящий хорошо знает привычки Рона, а это характерно для близких людей. Наречие *осторожно* подчеркивает мягкость и дружескую предупредительность, способствуя формированию комфортной и непринужденной среды. Иногда участники беседы шутят над собой, это делает их более открытыми и сближает друг с другом.

Тактика избегания несогласия, или «ложь во спасение», проявляется через употребление глаголов в форме сослагательного наклонения, смягчающих фразу: – *Если бы я сказала профессору Макгонагалл, что пошла в туалет со сломанной палочкой, чтобы защитить Гарри и Рона, мы бы не были пойманы;* – *Если бы я солгал Дамблдору о своих видениях, пытаясь защитить Сириуса, я бы избежал столкновения с Волдемортом.* В высказываниях применяются вводные слова, наречия (*может быть, просто*), местоимение *мы*, что снимает ответственность и сглаживает ситуацию. – *Мы просто заблудились. Не знали, что коридор запрещён.* – *Мы только что случайно оказались в коридоре. Правда!*

Создание условий для формирования солидарности происходит за счет обсуждения общих тем участниками общения: – *Как ты думаешь, кто будет следующим чемпионом? Я думаю, Флер должна блеснуть.* – *Сегодня удивительная погода, правда? Даже в*

Хогсмиде всё кажется лучше, правда? Вопросительное высказывание *правда?* предполагает согласие собеседника, способствуя подтверждению общего мнения.

В тактике использования маркеров идентичности делается акцент на принадлежности к группе, семье, роду. Особое внимание уделяется созданию эффекта сплоченности, демонстрации общей идентичности и схожести. Для достижения этого во фразах употребляются личные и притяжательные местоимения *мы, ты, наш*: – **Мы** Гриффиндор! **Мы** не можем уступать! – **Ты** волшебник, Гарри. – это **наш** дом, Доби!

Глаголы уверенности, например, *знаю*, акцентируют доверие к возможностям адресата. – Гарри, **ты** – **Поттер**. Я **знаю**, ты справишься с любым испытанием! – Ты такой же храбрый, как твой отец! – **Ты Поттер, Гарри. Это в твоей крови**. В этих примерах отмечается принадлежность к семье или роду *Поттер*, при этом Гарри – часть семьи с сильной историей. Конструкция сравнения *такой же..., как...* подчеркивает, что Гарри унаследовал лучшие качества. Прилагательное *храбрый* несет позитивную оценку. Метафоричность (*в крови*) делает утверждение более эмоциональным и сильным.

Для а к ц е н т и р о в а н и я и д е н т и ч н о с т и собеседника употребляются наречия *так же, вместе*, которые указывают на схожесть: – Ты **так же** ненавидишь Драко, как и я! – Мы всегда будем в этом **вместе**. – Ты выглядишь **точно так же**, как твой отец. Такое сравнение создает ощущение единства, общего опыта и эмоциональной связи. Также используются прилагательные *похожий, одинаковый, общий*. Они помогают установить эмоциональную и смысловую связь между персонажами, акцентируя внимание на схожести: – Твой отец был **похож** на тебя – всегда лез в неприятности. – У нас с тобой **одинаковые** палочки. Это не случайность. – У нас с тобой **общий** враг, Гарри. Союзы и частицы как, ведь, же усиливают вовлеченность. Они делают речь более доверительной, создавая ощущение, что собеседник разделяет взгляды говорящего: – Ты **как** брат мне, Рон. – Ты **ведь** знаешь, что Малфои никогда не были честными. – Ты **же** не думаешь, что я в это поверю?

Установление кооперативных связей предполагает формирование доверительных отношений и укрепление ощущения взаимопомощи. Это проявляется через осознание нужд и желаний адресата, выражение сочувствия. Например, во фразах наблюдаем вопросы, демонстрирующие интерес к состоянию собеседника, а также глаголы, выражающие уверенность (*не волнуйся, получится*): – **Как ты себя чувствуешь?**

Ты устал? – Ты голоден, Гарри? В Большом зале уже сервируют обед! – Ты переживаешь за второе испытание? – Не волнуйся, у тебя всё получится!

Формулирование предложений и обещаний также играет важную роль в выражении солидарности. Такие высказывания содержат личное местоимение первого лица *я*, обозначая личную вовлеченность говорящего, а также глаголы в будущем времени *помогу, буду рядом*, которые показывают готовность поддержать собеседника: – **Я *помогу тебе* подготовить план для следующей встречи в Отряде Дамблдора. – Если что-то пойдёт не так, я *буду рядом!***

О п т и м и с т и ч е с к а я п о д д е р ж к а проявляется через утверждения, содержащие прилагательные и наречия с позитивной окраской. В высказываниях используются глаголы *верим, справишься*, что мотивирует собеседника и внушает ему уверенность в своих силах: – **Гарри, ты точно *справишься*. Мы *верим* в тебя! – Ты *сильнее*, чем ты думаешь.**

– **Ты *прирожденный ловец*, Гарри! У тебя все получится!** Этот пример выражает качественную оценку (способностей Гарри) и относится к хвалебной поддержке. Солидарность здесь проявляется через относительное прилагательное *прирожденный*, которое подчеркивает врожденный талант; существительное *ловец*, указывающее на его роль в игре; а также посредством эмоциональной окраски, усиливающей поддержку.

– **Мы с тобой, Гарри!** Этот пример демонстрирует социальную оценку, связанную с единством. Местоимение *мы* свидетельствует о командном духе, предлог с местоимением *с тобой* указывает на сплоченность, а эмоционально окрашенная интонация передает уверенность и поддержку.

– **Ты можешь на нас рассчитывать!** Поддержка выражается через глагол в настоящем времени *можешь*, подчеркивающий, что помощь актуальна; предлог с местоимением *на нас*, который акцентирует коллективную поддержку.

В диалогах также используются союзы и вводные слова: – **Да, *возможно*, это не самая надежная статья, *но* хотя бы кто-то пишет правду.**

В о в л е ч е н н о с т ь о б е и х с т о р о н в совместные действия выражается конструкциями с местоимением первого лица множественного числа *мы*, обозначающими коллективность действий. Употребляется побудительная форма глаголов *давай разберём, пойдём*, что стимулирует участие адресата. – **Давай *вместе разберём*, как использовать маховик**

времени. – **Пойдём вместе** искать улики в туалете Плаксы Миртл! – Просто **скажи**, что нужно. – Если тебе нужно выпустить пар, просто **расскажи** нам все.

В серии фильмов о Гарри Поттере наблюдаются усиленные обращения, повторения, риторические вопросы и эмоциональные восклицания, которые привлекают внимание к конкретному элементу сообщения. Например, Дамблдор использует повтор имени для поддержки, вызывая чувство вовлеченности и эмоциональной близости: – **Гарри, Гарри, послушай меня!** Повторение также создает эффект уверенности и единства: – Мы **победим**, Гарри! Мы **победим!** Призыв к согласию, создание ощущения, что говорящий и адресат разделяют общее мнение, выражается с помощью частицы *ведь*: – Ты **ведь** понимаешь, что мы не можем бросить его? Ее употребление показывает, что собеседники мыслят одинаково, подчеркивая солидарность.

Обсуждение причин какого-либо события также способствует кооперации, побуждая к размышлению и взаимодействию. Обычно используются союзы, наречия. – Мы не можем оставаться здесь, **потому что** все опасно. Нам нужно найти выход, пока не стало хуже. Следующие высказывания содержат вопросительные предложения, которые демонстрируют заинтересованность в совместном поиске ответов: – Почему организаторы выбрали такие сложные задания? – Почему Министерство так отрицает очевидное? Это же глупо!

Декларирование взаимности особенно важно для выражения солидарности. Для этого в речи употребляются местоимения первого лица множественного числа *мы, наш*, подчеркивающие коллективный характер действий, а также выражения взаимной поддержки *мы рядом, мы с тобой*. – Мы вместе во всем этом, Гарри. Ты можешь на **нас** положиться! – Мы с тобой до самого конца, Гарри! – Мы оба должны помочь Хагриду! Здесь *мы оба* указывает на общность в решении действовать как команда.

Для демонстрации готовности помочь адресату в удовлетворении каких-либо желаний употребляются глаголы действия *помогу, принесу, сделаю*, а также глаголы *готов, хочу* для выражения намерения помочь. Использование местоимения *мы* показывает, что действия выполняют сообща, акцентируя личную вовлеченность: – Если тебе нужно будет доставить письмо, Букля справится! – Если что, я прикрою **тебя** в матче по квиддичу. – Мы найдем доказательство, что Сириус невиновен, я **тебе** помогу. – Я объясню **тебе**, как пользоваться этой картой. Ты быстро разберешься. – Ты не один, Гарри. Мы будем рядом, чтобы помочь тебе справиться. – Я **принесу** книги о магических существах

для подготовки. – Я **помогу** тебе подготовиться к любой неожиданности в лабиринте. – Я **помогу** тебе подготовить план для следующей встречи в Отряде Дамблдора. Если тебе надо спрятаться от Амбридж, я **найду** способ тебя защитить.

Солидарность в фильмах также выражается при помощи тактики преувеличения интереса к адресату, которая реализуется через избыточное внимание к собеседнику, эмоциональные акценты, повторения, восклицания. – **Гарри, Гарри, ты в порядке? Ты не ранен? Ты точно в порядке?** – **О боже, Гарри!** Мы так переживали за тебя! Мы думали, с тобой что-то случилось! Восклицание *О боже, Гарри* и глаголы эмоций (*переживали*), когнитивных процессов (*думали*), событий (*случилось*) указывают на преувеличение интереса к адресату.

В ходе исследования была проанализирована роль солидарности в межличностной коммуникации сквозь призму лингвистических стратегий, используемых персонажами фильмов о Гарри Поттере. Результаты показывают, что солидарность является значимым аспектом человеческого общения, способствующим установлению доверия, взаимопонимания и укреплению социальных связей. Она проявляется в различных формах – от эмпатии и поддержки на индивидуальном уровне до коллективных действий в социальной группе.

Анализ диалогов персонажей показал, что для выражения солидарности они активно используют стратегии позитивной вежливости, предложенные П. Браун и С. Левинсоном, которые реализуются посредством различных тактик. Среди них наиболее распространенной оказалась тактика выражения готовности помочь, что свидетельствует о высокой значимости взаимопомощи и поддержки в дружеском общении. Также часто встречаются тактики обсуждения причин событий и вовлеченности обеих сторон в действия, что подчеркивает важность совместного обсуждения проблем и коллективного взаимодействия. Немаловажную роль играет выражение внимания к интересам собеседника, а также оптимистическая поддержка, которая создает доверительную атмосферу, снижает уровень стресса и повышает уверенность персонажей в своих силах. Реже встречаются тактики, связанные с юмором, созданием условий для формирования солидарности и избеганием несогласия путем так называемой лжи во спасение.

Солидарность в диалогах выражается через разнообразные лексические и грамматические средства. Использование местоимений *мы, ты, наш* подчеркивает коллективную идентичность, а глаголы вежливости, поддержки и уверенности, такие как *помогу, справишься, не волнуйся,*

формируют позитивную атмосферу общения. Риторические вопросы и обращения вовлекают собеседника в диалог, шутки снимают напряжение и укрепляют дружеские связи, а конструкции с наречиями и частицами *ведь, же, так же* создают эффект единства и общих ценностей.

В зависимости от контекста общения выражение солидарности принимает различные формы. В стрессовых ситуациях, таких как испытания, конфликты и кризисы, оно проявляется через уверения в поддержке, ободряющие фразы и совместные действия. В повседневном общении персонажи используют тактики внимания к интересам собеседника, обсуждают общие темы и демонстрируют кооперативное взаимодействие. В эмоционально значимых ситуациях, например, при расставании или принятии важных решений, особенно ярко проявляется тактика подчеркивания идентичности и принадлежности к группе через фразы наподобие *Ты Поттер, Гарри* или *Мы Гриффиндор!*

В британской культуре общения, отраженной в фильмах, значительную роль играют юмор, тонкие намеки и соблюдение социальной дистанции при выражении поддержки. Взаимоотношения между персонажами строятся на основе этикета вежливости, где важно не только проявлять заботу, но и не навязывать ее.

Таким образом, выражение солидарности в фильмах о Гарри Поттере представляет собой сложный процесс, включающий разнообразные лингвистические стратегии, которые способствуют укреплению связей между персонажами. Позитивная вежливость играет ключевую роль в построении доверительных отношений, поддержании социальной гармонии и снижении конфликтности в диалогах. Использование различных тактик позволяет гибко адаптироваться к контексту общения, формируя атмосферу единства и взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаева, Е. В. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе / Е. В. Батаева // Гуманитарный часопис. – 2015. – № 2. – С. 12 – 18.
2. Дюркгейм, Э. О. О разделении общественного труда / Э. О. Дюркгейм. – М. : Канон, 1996. – 432 с.
3. Шкудунова, Ю. В. Экспликация понятий «солидарность» и «солидаризация» / Ю. В. Шкудунова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 – 18. – С. 4118 – 4122.

4. Дюркгейм, Э. Определение морального факта / Э. Дюркгейм // Социология: Ее предмет, метод, предназначение. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – С. 244 – 275.
5. Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман ; ред. Н. Е. Покровский // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН; НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97 – 167.
6. Brown, P. Universals in language use: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction / E. Goody. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1978. – P. 56 – 289.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

7. Kinopoisk. – URL: https://www.kinopoisk.ru/index.php?kp_query=Гарри+поттер (date of access: 14.12.2024).

Поступила в редакцию 03.02.2025

Сюй На

аспирант
ГГУ имени Ф. Скорины
г. Гомель, Беларусь
преподаватель
Шэньянский инженерный университет
г. Шэньян, КНР

Xu Na

PhD Student
Gomel State University
named after H. Skorina
Gomel, Belarus
Lecturer
Shenyang Engineering University
Shenyang, China
630073154@qq.com

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. Г. РАСПУТИНА
И В. П. АСТАФЬЕВА НА ОСНОВЕ РАБОТ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WORKS OF V. G. RASPUTIN
AND V. P. ASTAFIEV BASED ON THE RESEARCH OF CHINESE SCHOLARS**

В статье проводится сравнительный анализ творчества В. П. Астафьева и В. Г. Распутина через призму китайского литературоведения. Особое внимание уделяется рассмотрению двух ключевых аспектов: образа матери и экологической проблематики. Исследование показывает, как произведения русских писателей соотносятся с традиционными китайскими философскими концепциями, включая даосские и конфуцианские принципы. В работе выявляются общие черты и различия в художественном воплощении данных тем у обоих авторов, а также анализируется их восприятие в контексте китайской культурной традиции. Результаты исследования демонстрируют универсальный характер творчества русских писателей и их созвучность китайскому мировоззрению, что способствует развитию межкультурного диалога и углублению понимания русской литературы в азиатском культурном пространстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деревенская проза; китайское литературоведение; экологическая проблематика; образ матери; межкультурный диалог; философская традиция.

The article provides a comparative analysis of V. P. Astafiev's and V. G. Rasputin's creative work through the prism of Chinese literary studies. Particular attention is paid to the consideration of two key aspects: the image of mother and environmental issues. The study shows how the works of Russian writers relate to traditional Chinese philosophical concepts, including Taoist and Confucian principles. The paper identifies common features and differences in the artistic embodiment of these themes in both authors, and analyses their perception in the context of Chinese cultural tradition. The results of the study demonstrate the universal nature of Russian writers' work and their consonance with the Chinese worldview, which contributes to the development of intercultural dialogue and deepening the understanding of Russian literature in the Asian cultural space.

Key words: village prose; Chinese literary studies; ecological problems; mother's image; intercultural dialogue; philosophical tradition.

Актуальность научной статьи обусловлена несколькими важными факторами. В современном литературоведении наблюдается возрастающий интерес к межкультурному диалогу и компаративистским исследованиям, особенно в контексте российско-китайских литературных и культурных связей. Творчество В. Г. Распутина и В. П. Астафьева, являющихся ключевыми представителями «деревенской прозы», вызывает значительный интерес у китайских исследователей, поскольку затрагивает универсальные темы взаимоотношений человека и природы, сохранения традиционных ценностей, что созвучно китайской философской традиции. Особую актуальность исследованию придает недостаточная изученность восприятия русской литературы XX века в китайском литературоведении, несмотря на растущее количество переводов и исследовательских работ китайских ученых, посвященных творчеству данных авторов. Важным аспектом актуальности является возможность через призму китайского литературоведческого восприятия по-новому взглянуть на произведения русских писателей, обнаружить новые смыслы и интерпретации, обогащающие понимание их творческого наследия. В условиях современного глобализированного мира особую значимость приобретает изучение того, как произведения русских писателей воспринимаются и интерпретируются в иной культурной среде, что способствует развитию межкультурного диалога и взаимопонимания между народами. Исследование также актуально в контексте современных экологических проблем и вопросов сохранения культурной идентичности, которые находят отражение в произведениях обоих авторов и особенно близки китайской культурной традиции. Анализ работ китайских исследователей позволяет выявить специфику восприятия русской литературы в азиатском культурном пространстве, что важно для развития современного сравнительного литературоведения и культурологии. Актуальность темы усиливается тем, что в условиях укрепления российско-китайских отношений возрастает необходимость более глубокого взаимопонимания культурных особенностей обеих стран, и литература в этом процессе играет важную роль. Кроме того, исследование может внести значительный вклад в развитие методологии сравнительного анализа литературных произведений с учетом межкультурного аспекта, что особенно важно в современном литературоведении.

В данном исследовании применяется комплекс взаимодополняющих методов литературоведческого анализа. Основополагающим является сравнительно-типологический метод, позволяющий выявить общие и различные черты в творчестве В. Г. Распутина и В. П. Астафьева. Для глубокого понимания особенностей восприятия произведений русских писателей в

китайской культурной среде используется культурно-исторический метод, который помогает рассмотреть тексты в контексте китайской философской традиции. Герменевтический метод применяется для интерпретации художественных текстов с учетом особенностей их восприятия китайскими исследователями. Системный подход позволяет рассматривать творчество писателей как целостную художественную систему во взаимосвязи всех элементов. В работе также используется метод контент-анализа китайских исследовательских работ, посвященных творчеству Распутина и Астафьева, что позволяет выявить специфику восприятия русской литературы в китайском литературоведении. Компаративистский метод применяется для сопоставления различных интерпретаций произведений русских писателей в российском и китайском литературоведении. При анализе конкретных произведений используются элементы структурно-семантического метода, позволяющего выявить особенности художественной организации текстов. Междисциплинарный подход обеспечивает возможность рассмотрения произведений писателей в широком культурологическом контексте с учетом философских, экологических и социальных аспектов.

В первую очередь представляется необходимым обосновать выбор именно этих авторов для сравнительного анализа. Творчество В. П. Астафьева и В. Г. Распутина объединяет множество общих черт, что во многом обусловлено их принадлежностью к течению «деревенской прозы» и схожим жизненным опытом. Оба писателя выросли в сибирской глубинке, что определило их особое внимание к жизни русской деревни, природе и традиционному укладу жизни [1, с.132–133]. Центральной темой в произведениях обоих авторов становится противостояние города и деревни, разрушительное влияние цивилизации на традиционный уклад жизни и духовные ценности. Они поднимают острые нравственные проблемы: отношение человека к природе, ответственность перед предками и потомками, сохранение исторической памяти и культурных традиций.

Особое место в творчестве обоих писателей занимает образ матери – хранительницы нравственных устоев и семейных традиций. У Астафьева это проявляется в образе бабушки из «Последнего поклона», у Распутина – в образах Анны («Последний срок») и Дарьи («Прощание с Матёрой») [2, с.16]. Важную роль играет тема памяти: оба автора подчеркивают необходимость сохранения связи с прошлым, с корнями, что особенно ярко проявляется в «Прощании с Матёрой» Распутина и «Царь-рыбе» Астафьева.

Писатели уделяют большое внимание экологической проблематике, показывая губительные последствия технократического развития для природы и человеческой души. В их произведениях река выступает в качестве символа жизни и связи поколений (Енисей у Астафьева, Ангара у Распутина). Общим является и образ дома как средоточия духовной жизни, символа связи с предками. Оба автора используют элементы народной культуры, включают в повествование фольклорные мотивы и диалектизмы.

В произведениях обоих писателей важное место занимает тема Великой Отечественной войны, раскрывающаяся через призму народной трагедии и личного опыта [3, с. 11]. Они уделяют особое внимание нравственному выбору человека в экстремальных ситуациях, показывают, как война повлияла на судьбы людей и весь уклад деревенской жизни.

Характерной чертой творчества обоих авторов является глубокий психологизм в изображении характеров, внимание к внутреннему миру героев, их духовным исканиям [4, с. 98–100]. Писатели часто обращаются к теме детства, показывая процесс формирования личности в суровых условиях (например, «Последний поклон» Астафьева и «Уроки французского» Распутина). В их произведениях присутствует острая социальная критика, направленная против разрушения традиционного уклада жизни, бездумного «прогресса», приводящего к духовному опустошению. Оба автора используют схожие художественные приемы: детальные описания природы, психологические портреты персонажей, включение элементов автобиографизма. Их объединяет также философское осмысление взаимоотношений человека и природы, прошлого и настоящего, личности и общества. В творчестве обоих писателей прослеживается идея о необходимости сохранения духовных ценностей и нравственных основ жизни перед лицом разрушительных процессов современности.

Таким образом, приведенные выше сведения позволяют выбрать следующие детерминанты для дальнейшего сравнительного анализа: образ матери и экологическая проблематика.

С точки зрения китайских исследователей, тема материнства в творчестве Астафьева и Распутина представляет особый интерес, поскольку перекликается с традиционным китайским почитанием материнского начала и культом предков [5, с. 10–12; 6, с. 4–7]. Китайские литературоведы отмечают, что в произведениях обоих писателей образ матери тесно связан с концепцией «инь» – женского начала, которое в китайской философии ассоциируется с землей, природой и продолжением жизни. В творчестве Астафьева образ матери часто трансформируется в образ бабушки (например, в «Последнем поклоне»), что соответствует конфу-

цианской традиции уважения к старшим и их мудрости. Китайские исследователи отмечают, что бабушка Катерина Петровна воплощает идеал «дэ» – добродетели и нравственной силы, которая в китайской культуре считается основой гармоничного существования.

В произведениях Распутина, особенно в повести «Последний срок», образ матери (Анны) приобретает почти сакральный характер, что перекликается с даосским представлением о единстве человека с природой и вечностью. Китайские литературоведы проводят параллель между образом Дарьи в «Прощании с Матёрой» и концепцией «тянь» (неба) в китайской философии, где мать выступает как связующее звено между земным и небесным.

Особое внимание следует обратить на то, как оба писателя изображают связь матери с родной землей, что соответствует китайскому пониманию неразрывности человека и природы [7, с. 13–15]. В произведениях обоих авторов мать является хранительницей традиций и памяти, что созвучно конфуцианской идее сыновней почтительности (сяо). Китайские литературоведы отмечают, что у Астафьева материнское начало часто связано с темой преодоления трудностей и выживания (как в «Краже»), что соответствует китайскому принципу «жэнь» – стойкости и человеколюбия. У Распутина материнство неразрывно связано с идеей жертвенности и самоотречения, что перекликается с буддийскими представлениями о самопожертвовании. Китайские исследователи подчеркивают, что оба писателя показывают мать как носительницу нравственного закона, что соответствует конфуцианскому понятию «ли» – ритуала и правильного поведения.

Отличие в раскрытии темы материнства у двух авторов китайские литературоведы могли бы увидеть в том, что у Астафьева образ матери более земной, связанный с повседневной жизнью и практической мудростью, тогда как у Распутина он приобретает более философский, метафизический характер [8, с. 22–27]. В произведениях Астафьева материнство часто показано через призму детского восприятия, что создает особую эмоциональную насыщенность повествования, в то время как у Распутина преобладает эпический, обобщенный взгляд на материнство как на основу национального бытия. Оба писателя изображают разрушение традиционных семейных связей как трагедию, что соответствует китайскому пониманию важности семейной иерархии и преемственности поколений. Особенно важным для китайских литературоведов является то, как оба автора показывают связь материнства с природным циклом и космическим порядком, что соответствует традиционным восточным представлениям о гармонии мироздания.

Таким образом, тема материнства в творчестве Астафьева и Распутина имеет универсальное значение, объединяя русскую и китайскую культурные традиции в понимании роли матери как хранительницы жизни, нравственности и культурной памяти.

То, каким образом авторы понимают экологическую проблематику, отражает фундаментальные принципы традиционной китайской философии о гармоничных отношениях между человеком и природой. Китайские литературоведы отмечают, что оба писателя развивают идеи, созвучные даосской концепции «у-вэй» (невмешательства в естественный ход вещей) и конфуцианскому принципу «тянь жэнь хэ и» (единства человека и неба). В произведениях Астафьева, особенно в «Царь-рыбе», экологическая проблематика раскрывается через конкретные образы и ситуации, что соответствует китайскому практическому подходу к пониманию природы [9, с. 30–31].

Китайские исследователи проводят параллель между образом браконьера Игнатъича и концепцией нарушения космического равновесия в китайской философии. У Распутина, в частности в «Прощании с Матёрой», экологическая тема приобретает более философский характер, что перекликается с даосским учением о всеобщей взаимосвязи явлений [10, с. 5–7]. Особое внимание китайские литературоведы обращают на символическое значение реки в произведениях обоих авторов: Енисей у Астафьева и Ангара у Распутина воспринимаются как воплощение «дао» – пути, естественного течения жизни. В китайской традиции вода является символом мудрости и вечного движения, и оба писателя используют этот образ схожим образом.

Китайские исследователи отмечают, что Астафьев и Распутин показывают разрушительные последствия технократического развития, что соответствует китайскому представлению о необходимости соблюдения меры во всем («чжун юн»). В произведениях обоих авторов прослеживается идея о том, что нарушение природного равновесия ведет к нравственной деградации человека, что созвучно китайской концепции взаимосвязи экологического и этического. Китайские литературоведы подчеркивают, что оба писателя рассматривают экологические проблемы в контексте сохранения традиционной культуры и образа жизни, что соответствует конфуцианскому принципу сохранения культурного наследия.

Отличие в раскрытии экологической проблематики заключается в том, что Астафьев более эмоционально и резко выражает свою позицию, используя натуралистические описания, тогда как Распутин склонен к философскому осмыслению и символическому изображению экологи-

ческих проблем. У Астафьева природа часто выступает как активная сила, способная наказать человека за его проступки, что соответствует китайскому представлению о карме и воздаянии. У Распутина природа показана как часть сакрального пространства, что ближе к даосскому пониманию природы как проявления божественного начала.

Необходимо отметить, что оба автора показывают разрушение природной среды как следствие утраты духовных ценностей, что соответствует китайской концепции «сянь тянь» (следования небесному порядку). Особенно важным для китайских литературоведов является то, как оба писателя связывают экологические проблемы с вопросами нравственности и ответственности перед будущими поколениями, что созвучно конфуцианской этике. В произведениях обоих авторов природа представлена как живое существо, способное чувствовать и страдать, что соответствует китайскому анимистическому мировосприятию. Оба писателя видят решение экологических проблем не столько в технических мерах, сколько в духовном преображении человека, что характерно для китайской философской традиции самосовершенствования. В целом, китайские литературоведы заключают, что экологическая проблематика в творчестве Астафьева и Распутина имеет глубокие философские корни, созвучные традиционной китайской мудрости, и их произведения могут служить важным источником для понимания взаимоотношений человека и природы в современном мире.

На основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод: творчество В. П. Астафьева и В. Г. Распутина демонстрирует значительное количество общих черт при наличии характерных индивидуальных особенностей. Центральными темами в произведениях обоих авторов являются взаимоотношения человека и природы, образ матери как хранительницы нравственных устоев, тема памяти и связи поколений, противостояние города и деревни, экологическая проблематика. Схожесть их творческих подходов проявляется в использовании автобиографических элементов, во внимании к народной культуре, включении фольклорных мотивов и диалектизмов, глубоком психологизме в изображении характеров. Оба писателя уделяют особое внимание теме Великой Отечественной войны и ее влиянию на судьбы людей. С точки зрения китайских исследователей, их произведения органично соотносятся с традиционными китайскими философскими концепциями. В частности, экологическая проблематика перекликается с даосской концепцией «у-вэй» и конфуцианским принципом «тянь жэнь хэ и». Образ реки в произведениях обоих авторов соответствует китайскому пониманию «дао» как естественного пути жизни. Тема материнства резонирует

с китайским почитанием материнского начала и культом предков, а также с концепцией «инь» – женского начала. Существенные различия проявляются в способах художественного воплощения: Астафьев более эмоционален и натуралистичен в описаниях, тяготеет к конкретике, тогда как Распутин склонен к философскому осмыслению и символическому изображению. У Астафьева природа часто выступает как активная карающая сила, а у Распутина она представлена как часть сакрального пространства. В изображении материнства Астафьев более приземлен и практичен, а Распутин склонен к метафизическому осмыслению этой темы. Особую ценность их творчеству придает созвучность традиционным китайским представлениям о гармонии мироздания, взаимосвязи экологического и этического, важности сохранения культурного наследия. Произведения обоих писателей демонстрируют глубокое понимание необходимости духовного преображения человека как пути решения экологических и нравственных проблем, что соответствует китайской философской традиции самосовершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щедрина, Н. М. Исконное и злободневное в сознании Валентина Распутина / Н. М. Щедрина // Русистика без границ. – 2023. – № 3. – С. 132–136.
2. Гоголев, Г. Провидец 100 лет со дня рождения Виктора Астафьева / Г. Гоголев // Библиотечное дело. – 2024. – № 9 (459). – С. 16–17.
3. Орлова, Г. А. Виктор Петрович Астафьев: образы Родины / Г. А. Орлова // Уч. зап. Новгород. гос. ун-та. – 2019. – № 2 (20). – С. 11.
4. Поляков, И. И. Христианский подтекст произведения В. Г. Распутина «Уроки французского» / И. И. Поляков // Вестн. Кузбас. православной духовной семинарии. – 2023. – № 1 (12). – С. 94–101.
5. 杨世海. 在记忆与幻象中寻求存在—拉斯普京作品研究: дис. / 杨世海. – 四川大学, 2006.
6. 王丹. 阿斯塔菲耶夫创作中的生态伦理主题: дис. / 王丹. – 辽宁大学, 2013.
7. 刘琦. 拉斯普京作品中的生态忧思和救赎意识: дис. / 刘琦. – 辽宁师范大学, 2017.
8. 冯一凡. 拉斯普京小说中的乡村人物形象研究: дис. / 冯一凡. – 华东师范大学, 2020.
9. 石洁林. 生态批评视角下的阿斯塔菲耶夫创作研究: дис. / 石洁林. – 安徽师范大学, 2014.
10. 何欢. 拉斯普京主要小说中的女性形象: дис. / 何欢. – 辽宁大学, 2014.

Поступила в редакцию 04.03.2025

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (135), 2025

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, А. В. Буландо*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.04.2025. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 11,91. Тираж 100 экз. Заказ 13.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172